

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

СЫН ПОЛКА

ДЕТГИЗ

1948

1145

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

СЫН ПОЛКА

ПОВЕСТЬ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1948 Ленинград

Рисунки
И. ГРИНШТЕЙНА

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЖЕНЕ И ПАВЛИКУ
КАТАЕВЫМ**

Это многих славных путь.

Некрасов

БЫЛА самая середина глухой осенней ночи. В лесу было очень сыро и холодно. Из черных лесных болот, заваленных мелкими гнилыми листьями, поднимался туман.

Луна стояла над головой. Она светила очень сильно, однако ее свет с трудом пробивал туман. Лунный свет стоял подле деревьев косыми, длинными тесинами, в которых, волшеббно изменяясь, плыли космы болотных испарений.

Лес был смешанный. То в полосе лунного света показывался непроницаемо черный силуэт громадной ели, похожий на многоэтажный терем; то вдруг в отдалении появлялась белая колоннада берез; то на прогалине, на фоне белого, лунного неба, распавшегося на куски, как простокваша, тонко рисовались голые ветки осин, уныло окруженные радужным сиянием.

И всюду, где только лес был пореже, лежали на земле белые холсты лунного света.

В общем, это было красиво той древней, дивной красотой, которая всегда так много говорит русскому сердцу и заставляет воображение рисовать сказочные картины: серого волка, несущего Ивана-царевича в маленькой шапочке набекрень и с пером Жар-птицы в платке за пазухой, огромные мшистые лапы лешего, избушку на курьих ножках — да мало ли еще что!

Но меньше всего в этот глухой, мертвый час думали о красоте полесской чащи три солдата, возвращавшиеся с разведки.

Больше суток провели они в тылу у немцев, выполняя боевое задание. А задание это заключалось в том, чтобы найти и отметить на карте расположение неприятельских сооружений.

Работа была трудная, очень опасная. Почти все время пробирались ползком. Один раз часа три подряд пришлось неподвижно пролежать в болоте — в холодной, вонючей грязи, накрывшись плащ-палатками, сверху засыпанными желтыми листьями.

Обедали сухарями и холодным чаем из фляжек.

Но самое тяжелое было то, что ни разу не удалось покурить. А, как известно, солдату легче обойтись без еды и без сна, чем без затяжки доброго, крепкого табачку. И, как на грех, все три солдата были заядлые курильщики. Так что хотя боевое задание было выполнено как нельзя лучше и в сумке у старшего лежала карта, на которой с большой точностью было отмечено более десятка основательно разведанных немецких батарей, разведчики чувствовали себя раздраженными, злыми.

Чем ближе было до своего переднего края, тем сильнее хотелось курить. В подобных случаях, как известно, хорошо помогает крепкое словечко или веселая шутка. Но обстановка требовала полной тишины. Нельзя было не только переброситься словечком, но нельзя было даже высморкаться или кашлянуть: каждый звук раздавался в лесу необыкновенно громко.

Шорох неосторожно задетых листьев наполнял все вокруг сухим, громким шумом, а звук треснувшего под сапогом сучка раздавался, как пистолетный выстрел.

Луна тоже сильно мешала. Итти приходилось очень медленно, гуськом, метрах в тринадцати друг от друга, стараясь не попадать в полосы лунного света, и через каждые пять шагов останавливаться и прислушиваться.

Впереди пробирался старшой, подавая команду осторожным движением руки: поднимет руку над головой — все тотчас останавливались и замирали; вытянет руку в сторону с наклоном к земле — все в ту же секунду быстро и бесшумно ложились; махнет рукой вперед — все двигались вперед; покажет назад — все медленно пятились назад.

Хотя до переднего края уже оставалось не больше двух километров, разведчики продолжали итти все так же осторожно, осмотрительно, как и раньше. Пожалуй, теперь они шли еще осторожнее, останавливались чаще.

Они вступили в самую опасную часть своего пути.

Вчера вечером, когда они вышли в разведку, здесь еще были глубокие немецкие тылы. Но обстановка изменилась. Днем, после боя, немцы отступили. И теперь здесь, в этом лесу, повидимому было пусто. Но это могло только так казаться-

ся. Возможно, что немцы оставили здесь своих автоматчиков. Каждую минуту можно было наскочить на засаду. Конечно, разведчики — хотя их было только трое — не боялись засады. Они были осторожны, опытни и в любой миг готовы принять бой. У каждого был автомат, много патронов и по четыре ручных гранаты. Но в том-то и дело, что бой принимать было нельзя никак. Задача заключалась в том, чтобы как можно тише и незаметнее перейти на свою сторону и поскорее доставить командиру взвода управления драгоценную карту с засеченными немецкими батареями. От этого в значительной степени зависел успех завтрашнего боя.

Все вокруг было необыкновенно тихо. Это был редкий час затишья. Если не считать нескольких далеких пушечных выстрелов да коротенькой пулеметной очереди где-то в стороне, то можно было подумать, что в мире нет никакой войны.

Однако любой бывалый солдат сразу заметил бы тысячи признаков того, что именно здесь, в этом тихом, глухом месте, и притаилась война.

Красный телефонный шнур, незаметно скользящий под ногой, говорил, что где-то недалеко — неприятельский командный пункт или застава. Несколько сломанных осин и помятый кустарник не оставляли сомнения в том, что недавно здесь прошел танк или самоходное орудие, а слабый, не успевший выветриться особый, чужой запах искусственного бензина и горелого масла показывал, что этот танк или самоходное орудие были немецкими.

В некоторых местах, тщательно обложенных еловыми ветками, стояли, как поленницы дров, штабеля мин или артиллерийских снарядов. Но так

как не было известно, брошены ли они или специально приготовлены к завтрашнему бою, то мимо этих штабелей нужно было пробираться с особенной осторожностью.

Изредка дорогу преграждал сломанный снарядом ствол столетней сосны. Иногда разведчики натыкались на глубокий, извилистый ход сообщения или на основательный командирский блиндаж накатов в шесть, с дверью, обращенной на запад. И эта дверь, обращенная на запад, красноречиво говорила, что блиндаж немецкий, а не наш. Но пустой ли он или в нем кто-нибудь есть, было неизвестно.

Часто нога наступала на брошенный противогаз, на раздавленную взрывом немецкую каску.

В одном месте на полянке, озаренной дымным лунным светом, разведчики увидели среди раскиданных во все стороны деревьев громадную воронку от авиабомбы. В этой воронке валялось несколько немецких трупов с желтыми лицами и темными провалами глаз.

Один раз взлетела осветительная ракета; она долго висела над верхушками деревьев, и ее плывущий голубой свет, смешанный с дымным светом луны, насквозь озарил лес. От каждого дерева протянулась длинная резкая тень, и было похоже, что лес вдруг стал на ходули. И пока ракета не погасла, три солдата неподвижно стояли среди кустов, сами похожие на полуоблетевшие кусты в своих пятнистых, желто-зеленых плащ-палатках, из-под которых торчали автоматы.

Так разведчики медленно подвигались к своему расположению.

Вдруг старшой остановился и поднял руку. В тот же миг другие тоже остановились, не спуская глаз со своего командира. Старшой долго

стоял, откинув с головы капюшон и чуть повернув ухо в ту сторону, откуда ему почудился подозрительный шорох. Старшой был молодой человек лет двадцати двух. Несмотря на свою молодость, он уже считался на батарее бывалым солдатом. Он был сержантом. Товарищи его любили и вместе с тем побаивались.

Звук, который привлек внимание сержанта Егорова — такова была фамилия старшого, — казался очень странным. Несмотря на всю свою опытность, Егоров никак не мог понять его характера и значения.

«Что бы это могло быть?» думал Егоров, напрягая слух и быстро перебирая в уме все подозрительные звуки, которые ему когда-либо приходилось слышать в ночной разведке.

«Шопот? Нет. Осторожный шорох лопаты? Нет. Повизгивание напильника? Нет».

Странный, тихий, ни на что не похожий прерывистый звук слышался где-то совсем недалеко, направо, за кустом можжевельника. Было похоже, что звук выходит откуда-то из-под земли.

Послушав еще минуту-другую, Егоров, не оборачиваясь, подал знак, и оба разведчика медленно и бесшумно, как тени, приблизились к нему вплотную. Он показал рукой направление, откуда доносился звук, и знаком велел слушать. Разведчики стали слушать.

— Слышать? — одними губами спросил Егоров.

— Слышать, — так же беззвучно ответил один из солдат.

Егоров повернул к товарищам худощавое темное лицо, уныло освещенное луной. Он высоко поднял мальчишеские брови.

— Что?

— Не понять.

Некоторое время они втроем стояли и слушали, положив пальцы на спусковые крючки автоматов. Звуки продолжались и были так же непонятны. На один миг они вдруг изменили свой характер. Всем троим показалось, что они слышат выходящее из земли пение. Они переглянулись. Но тотчас же звуки сделались прежними.

Тогда Егоров сделал решительный знак ложиться и лег сам животом на листья, уже поседевшие от инея. Он взял в рот кинжал и пополз, бесшумно подтягиваясь на локтях, по-пластунски.

Через минуту он скрылся за темным кустом можжевельника, а еще через минуту, которая показалась долгой, как час, разведчики услышали тонкое посвистывание. Оно обозначало, что Егоров зовет их к себе. Они поползли и скоро увидели сержанта, который стоял на коленях, заглядывая в небольшой окопчик, скрытый среди можжевельника.

Из окопчика явственно слышалось бормотанье, всхлипывание, сонные стоны. Без слов понимая друг друга, разведчики окружили окопчик и растянули руками концы своих плащ-палаток так, что они образовали нечто вроде шатра, не пропускавшего свет. Егоров опустил в окоп руку с электрическим фонариком.

Картина, которую они увидели, была проста и вместе с тем ужасна.

В окопчике спал мальчик.

Стиснув на груди руки, поджав босые, темные, как картофель, ноги, мальчик лежал в зеленой вонючей луже и тяжело бредил во сне. Его непокрытая голова, заросшая давно не стриженными, грязными волосами, была неловко откинута назад. Худенькое горло вздрагивало. Из провалившегося рта с обметанными лихорадкой, воспаленными

губами вылетали сильные вздохи. Слышалось бормотанье, обрывки неразборчивых слов, всхлипывание. Выпуклые веки закрытых глаз были нездорового, малокровного цвета. Они казались почти голубыми, как снятое молоко. Короткие, но густые ресницы слиплись стрелками. Лицо было покрыто царапинами и синяками. На переносице виднелся сгусток запекшейся крови.

Мальчик спал и видел страшные сны. По его измученному лицу судорожно пробегали отражения кошмаров, которые преследовали мальчика во сне. Каждую минуту его лицо меняло выражение. То оно застывало в ужасе; то нечеловеческое отчаяние искажало его; то резкие, глубокие черты безысходного горя прорезывались вокруг его впадного рта, брови поднимались домиком и с ресниц катились слезы; то вдруг зубы начинали яростно скрипеть, лицо делалось злым, беспощадным, кулаки сжимались с такой силой, что ногти впились в ладони и глухие, хриплые звуки вылетали из напряженного горла. А то вдруг мальчик впадал в беспамятство, улыбался жалкой, совсем детской и по-детски беспомощной улыбкой и начинал очень слабо, чуть слышно петь какую-то неразборчивую песенку.

Сон мальчика был так тяжел, так глубок, душа его, блуждающая по мукам сновидений, была так далека от тела, что некоторое время он не чувствовал ничего — ни пристальных глаз разведчиков, смотревших на него сверху, ни яркого света электрического фонарика, в упор освещавшего его лицо.

Но вдруг мальчика как будто ударило изнутри, подбросило. Он проснулся, вскочил, сел. Его глаза дико блеснули. В одно мгновение он выхватил из-под себя большой отточенный гвоздь. Лов-

ким, точным движением Егоров успел перехватить горячую руку мальчика и закрыть ладонью его рот.

— Тише. Свои, — шопотом сказал Егоров.

Только теперь мальчик заметил, что шлемы солдат были русские, автоматы — русские, плащ-палатки — русские, и лица, наклонившиеся к нему, — тоже русские, родные.

Радостная улыбка бледно вспыхнула на его истощенном лице. Он хотел что-то сказать, но сумел произнести только одно слово:

— Наши...

И потерял сознание.

2

Командир батареи капитан Енакиев сидел на небольшой дощатой площадке, устроенной на верхушке сосны, между стволом и крепкими суками. С трех сторон площадка была открыта. С четвертой стороны, с западной, на нее было положено несколько толстых шпал, защищавших от пуль. К верхней шпале была привинчена стереотруба. К ее рогам было привязано несколько веток, так что сама она походила на рогатую ветку.

Для того чтобы попасть на площадку, надо было подняться по двум очень длинным и узким лестницам. Первая, довольно пологая, доходила примерно до половины дерева. Отсюда надо было подниматься по второй лестнице, почти отвесной.

Кроме капитана Енакиева, на площадке находились два телефониста — один пехотный, другой артиллерийский — со своими кожаными телефонными аппаратами, повешенными на чешуйчатом стволе сосны. Находился здесь также начальник

боевого участка, командир стрелкового батальона Ахунбаев, тоже капитан.

Так как на площадке больше четырех человек не помещалось, то остальные два артиллериста стояли на лестнице: один — командир взвода управления лейтенант Седых, а другой — уже знакомый нам сержант Егоров. Лейтенант Седых стоял на верхних ступеньках, положив локти на доски площадки, а сержант Егоров стоял ниже, и его шлем касался сапог лейтенанта.

Командир батареи капитан Енакиев и командир батальона капитан Ахунбаев были заняты очень срочным, очень важным и очень кропотливым делом: они ориентировали на местности свои карты, уточняя данные, доставленные артиллерийской разведкой.

Карты эти, меченные-перемеченные разноцветными карандашиками, лежали рядом, разостланные на досках. Оба капитана полулежали на них с карандашами, резинками и линейками в руках.

Капитан Ахунбаев, сдвинув на затылок зеленый шлем и наклонив хмурый, почти коричневый широкий лоб, резкими, нетерпеливыми движениями толстых пальцев передвигал по своей карте прозрачную линейку. Он пускал в ход то красный карандаш, то резинку и в то же время быстро искоса поглядывал в лицо Енакиеву, как бы говоря: «Ну, что же ты, друг милый, тянешь? Давай дальше. Давай поскорее».

Он, как всегда, горячился и плохо скрывал раздражение.

В эти последние часы, а может быть даже минуты, перед боем все казалось ему слишком медленным. Он внутренне кипел.

Капитан Енакиев и капитан Ахунбаев были старые боевые товарищи. Случилось так, что

последние два года они почти во всех боях действовали вместе. Так все в дивизии и привыкли: где дерется батальон Ахунбаева, там, значит, дерется и батарея Енакиева.

Славный путь проделали плечом к плечу Енакиев и Ахунбаев. Били они немцев под Духовщиной, били под Смоленском, вместе окружали Минск, вместе гнали врага с родной земли. Не раз и не два и даже не три раза столица наша Москва от имени родины озаряла вечерние тучи над Кремлем багровыми залпами в честь доблестного фронта, где воевали батальон Ахунбаева и батарея Енакиева.

Много хлеба и соли съели вместе, за одним походным столом, боевые друзья. Немало воды выпили они из одной походной фляжки. Случалось, что и спали рядом на земле, укрывшись одной плащ-палаткой. Любили друг друга, как родные братья. Однако ни малейшей поблажки по службе друг другу не делали, хорошо помня поговорку, что дружба дружбой, а служба службой. И достоинства своего друг перед другом никогда не роняли. А характеры у них были разные.

Ахунбаев был горячий, нетерпеливый, смелый до дерзости. Енакиев тоже был храбр не меньше друга своего Ахунбаева, но был при этом холодноват, сдержан, расчетлив, как и подобает хорошему артиллеристу.

Сейчас, перенося на свою карту данные, добытые разведчиками Енакиева, капитан Ахунбаев торопился покончить с этим делом и поскорее отпустить связных, присланных от каждой роты за схемами разведанной местности: они стояли внизу под деревом и ждали.

Приказ о наступлении еще не был получен. Но

по многим признакам можно было заключить, что оно начнется очень скоро, и до его начала Ахунбаев хотел обязательно побывать в ротах и лично проверить боевую готовность.

Однако, как быстро ни скользила целлулоидная линейка Ахунбаева по карте, как проворно ни наносил красный карандаш кружочки, ромбики и крестики среди кудрявых изображений лесов и голубеньких жилок рек, дело подвигалось далеко не так быстро, как бы хотелось капитану. Почти перед каждым новым значком, который Ахунбаев собирался наносить на карту, капитан Енакиев останавливал его учтивым, но твердым движением небольшой сухощавой руки в потертой коричневой замшевой перчатке.

— Прощу вас. Одну минуту повремените, я хочу проверить. Лейтенант Седых!

— Здесь.

— Посмотрите у себя. Квадрат девятнадцать пять. Сорок пять метров северо-северо-восточнее отдельного дерева. Что у вас там замечено?

Не торопясь, но и не копаясь, лейтенант Седых пододвигал к себе планшетку, лежавшую на досках на уровне его груди, опускал немного припухшие, покрасневшие от недосыпания глаза и, покашляв, говорил:

— Подбитый танк, вкопанный в землю и превращенный неприятелем в неподвижную огневую точку.

— Откуда это известно?

— По донесению разведки.

— Правильно, верно, — быстро говорил капитан Ахунбаев, от нетерпения развязывая и завязывая на шее тесемки плащ-палатки. — Моя разведка то же самое доносит. Значит, не может быть двух мнений. Смело можно наносить.

— Все же одну минуточку повремените, — говорил капитан Енакиев подумав.

Он наклонялся и заглядывал за край площадки вниз.

— Сержант Егоров!

— Здесь, товарищ капитан, — откликнулся сержант Егоров с лестницы.

— Что это у вас там за подбитый танк на квадрате девятнадцать пять? Вы не сочиняете?

— Никак нет.

— Лично видели?

— Так точно.

— Собственными глазами?

— Так точно, собственными глазами. Туда шли — видел и на обратном пути видел. На том же месте стоит.

— Так они что? Выходит, превратили его в неподвижную огневую точку?

— Так точно. В неподвижную огневую точку.

— Откуда это известно?

— Они вокруг него производят земляные работы.

— Закапывают?

— Так точно.

— А может быть, они хотят его вывезти?

— Никак нет. Они к нему как раз, когда мы там были, боеприпасы на полуторке привезли.

— Сами видели?

— Так точно. Собственными глазами. Они ящики выгружали. Тогда же мы и засекли.

— Хорошо. Больше ничего.

— Точно! Точно! — радостно восклицал сквозь зубы капитан Ахунбаев и уже беспрепятственно выставлял на карте маленький красный ромбик.

А то вдруг, уточняя положение какой-нибудь

цели, капитан Енакиев, сделав свой учтивый, но твердый останавливающий жест, становился на колени перед стереотрубой и — как казалось капитану Ахунбаеву, очень долго — рыскал по туманному, слоистому горизонту, то и дело справляясь с картой и прикладывая к ней целлулоидный круг. В это время Ахунбаев готов был от нетерпения скрипеть зубами и не скрипел только потому, что слишком хорошо знал своего друга. Скрипи он или не скрипи, все равно ничего не поможет.

Достаточно было одного взгляда на капитана Енакиева, на его старенькую, но исключительно опрятную, ладно пригнанную шинель с черными петлицами и золотыми пуговицами, на его твердую фуражку с лаковым ремешком и черным околышем и прямым квадратным козырьком, несколько надвинутым на глаза, на его фляжку, аккуратно обшитую солдатским сукном, на электрический фонарик, прицепленный ко второй пуговице шинели, на его крепкие, но тонкие и во всякую погоду начищенные до глянца сапоги, чтобы понять всю добросовестность, всю точность и всю непреклонность этого человека.

Утро было серое, холодное. Иней, выпавший на рассвете, хрупко лежал на земле и долго не таял. Он медленно испарялся в сыром синем воздухе, мутном, как мыльная вода. Деревья на опушке не шевелились. Но это впечатление было обманчиво. Верхушка сосны раскачивалась по кругу, а вместе с ней раскачивалась и площадка, словно это был плот, который плавно носит вокруг широкого, медленного водоворота.

Воздух все время вздрагивал от пушечных выстрелов и разрывов. Это постоянное и неравномерное сотрясение воздуха можно было не только чувствовать. Его можно было как бы видеть.

При каждом ударе в лесу встряхивались деревья, и желтые листья начинали сыпаться гуще, крутясь и порхая, как в театре.

3

Человеку непривычному могло показаться, что идет большое сражение и что он находится в самом центре этого сражения. На самом же деле была обычная артиллерийская перестрелка, не слишком даже сильная. Какая-нибудь батарея, наша или немецкая, желая пристрелять новую цель, выпустила несколько снарядов. Эту батарею сейчас же засекали наблюдатели противника, и тотчас по ней из глубины ударял какой-нибудь специальный контрбатареинный взвод. За этим взводом, в свою очередь, начиналась охота. Таким образом, очень скоро на участке заваривалась такая каша, что хоть уши затыкай ватой. Со всех сторон били орудия мелких калибров, еще более мелких калибров, средних, калибров покрупнее, наконец крупных, очень крупных, самых крупных, а иногда и сверхмощные пушки, еле слышно ухавшие глубоко в тылу и вдруг с неожиданным воем, скрежетом, вихрем низвергавшие свои колоссальные снаряды в какой-нибудь на вид невинный лесок, над которым поднималась в воздух вместе с кустами и деревьями и обваливалась вниз скалистая туча, черная, как антрацит, и прoderнутая в середине молниями.

Иногда откуда-то, с неожиданной стороны, врывался осколок, с силой ударялся в землю, делал рикошет, кружился, трещал, звенел, ныл, как волчок, и с отвратительным стоном уносился прочь, сбивая по пути ветки и шишки.

Однако люди, работавшие над картой на вершухе сосны, казалось, ничего этого не слышат и не видят. И только изредка, когда в каком-нибудь месте огонь особенно учащался, телефонист крутил ручку своего кожаного аппарата и негромко говорил:

— Дай фиалку. Это фиалка? Говорит стул. Проверка линии. Что у вас там делается? Пока все тихо? Ну ладно. У нас тоже все тихо. Воюйте дальше. До свидания.

Когда наконец работа была кончена, капитан Ахунбаев сразу повеселел. Он быстро засунул карту в полевую сумку, решительно завязал на шее тесемки плащ-палатки, вскочил на свои короткие, крепкие, немного кривые ноги и крикнул вниз вестовому:

— Коня!

Затем он посмотрел на часы.

— Проверьте. У меня девять шестнадцать. У вас?

— Девять четырнадцать, — сказал капитан Енакиев, скользнув взглядом по своей руке.

Капитан Ахунбаев издал короткий торжествующий гортанный звук. Его глаза сузились, сверкнули глянцевой чернотой.

— Отстаешь, капитан Енакиев.

— Никак нет. Я не отстаю. У меня верно. Это вы торопитесь... по своему обыкновению.

— Зайцев, точное время! — азартно крикнул Ахунбаев.

Телефонист сейчас же позвонил на командный пункт полка и доложил, что время девять часов четырнадцать минут.

— Твоя взяла, бог войны, — миролюбиво сказал Ахунбаев и, приставив свои часы к часам Енакиева, перевел стрелки. — Пусть будет на сей раз по-твоему. Прощай, комбат.

Грубо шурша плащом, он духом, не сделав ни одной остановки, спустился мимо посторонившихся артиллеристов по обеим лестницам вниз, бросил карту адъютанту, вскочил на коня и умчался, осыпаемый желтыми листьями.

После этого капитан Енакиев снял со своей записной книжки тугой резиновый поясok и перебрался к стереотрубе. В книжке были записаны цели. Все эти цели были пристреляны. Но капитану Енакиеву хотелось, чтобы они были пристреляны еще лучше. Ему хотелось добиться, чтобы в случае надобности его батарея могла сразу, с первых же выстрелов, перейти на поражение, не тратя драгоценного времени на повторную пристрелку. «Пройтись по целям» не представляло, конечно, никакого труда. Но он боялся, что его батарея, выдвинутая далеко вперед, на линию пехоты, и хорошо спрятанная, может обнаружить себя раньше времени. Задача же заключалась именно в том, чтобы ударить совершенно неожиданно, в самый последний, решающий момент боя, и ударить туда, где этого меньше всего ожидают. Такое место, по мнению капитана Енакиева, было на правом фланге боевого участка, между развилками двух дорог и выходом в довольно глубокую балку, поросшую молодым дубняком.

В данный момент это место не представляло ничего интересного. Оно было пустынно. На нем не было ни огневых точек, ни оборонительных сооружений. Обычно на полях сражений таких неинтересных, ничем не замечательных мест бывает довольно много. Сражение проходит

мимо них не задерживаясь. Капитан Енакиев это знал, но у него было сильное, точное воображение.

В сотый раз рисуя себе предстоящий бой во всех возможных подробностях его развития, капитан Енакиев неизменно видел одну и ту же картину: батальон Ахунбаева прорывает немецкую оборонительную линию и загибает правый фланг против возможной контратаки. Потом он нетерпеливо выбрасывает свой центр вперед, закрепляется на обратном склоне высоты, против развилки дорог, и, постепенно подтягивая резервы, накапливается для нового, решительного удара по дороге. Именно недалеко от этого места, между развилкой дорог и выходом в балку, капитан Ахунбаев и останавливается. Он должен там остановиться, так как этого потребует логика боя: необходимо будет пополнить патроны, подобрать раненых, привести в порядок роты, а главное — перестроить боевой порядок в направлении следующего удара. А на это необходимо хотя и небольшое, но все же время. Не может быть, чтобы этой паузой не воспользовались немцы. Конечно, они воспользуются. Они выбросят танки. Это самое лучшее время для танковой атаки. Они неожиданно выбросят свой танковый резерв, спрятанный в балке. А в том, что в балке будут спрятаны немецкие танки, капитан Енакиев почти не сомневался, хотя никаких положительных сведений на этот счет не имел. Так говорило ему воображение, основанное на опыте, на тонком понимании маневра и на том особом, математическом складе ума, который всегда отличает хорошего артиллерийского офицера, привыкшего с быстротой и точностью сопоставлять факты и делать безошибочные выводы.

«А может быть, все же рискнуть? — спрашивал

себя капитан Енакиев, подкручивая по глазам окуляры стереотрубы. — Попробовать?»

Расплывчатый, серый горизонт светлел, уплотнялся. Мутные очертания предметов принимали предельно четкую форму. Панорама местности волшебным образом приблизилась к глазам и явственно расслоилась на несколько планов, выступавших один из-за другого, как театральные декорации.

На первом плане, вне фокуса, мутно и странно волнисто выделялись верхушки того самого леса, где стояла сосна с наблюдательным пунктом. Даже один сук этой сосны, чудовищно приближенный, прямо-таки лез в глаза громадными кистями игл и двумя громадными шишками.

За ним выступала полоса поля. По нижнему краю этого поля со стереоскопической ясностью тянулась волнистая линия нашего переднего края. Все его сооружения были тщательно замаскированы, и только очень опытный глаз мог открыть их присутствие. Капитан Енакиев не столько видел, сколько угадывал места амбразур, ходов сообщения, пулеметных гнезд.

По верхнему же краю поля так же отчетливо и так же подробно, но гораздо мельче, параллельно нашим окопам тянулись немецкие. И мертвое пространство между ними было так сжато, так сокращено оптическим приближением, что, казалось, его и вовсе не было.

Еще дальше капитан Енакиев видел водянистую панораму немецких тылов. Он прошелся по ней вскользь. Быстро замелькали оголенные рощицы, сплюснутые болотца, возвышенности, как бы наклеенные одна на другую, развалины домиков.

И наконец капитан Енакиев вернулся к тому самому месту между развилкой дорог и узкой

щелью оврага, которое было занесено в его записную книжку под именем: «Цель номер 17».

Он напряженно всматривался в это ничем не примечательное, пустынное место, и его воображение — в который раз за сегодняшнее утро! — населяло его движущимися цепями Ахунбаева и маленькими силуэтами немецких танков, которые вдруг начинали один за другим выползать из таинственной щели оврага.

«Или лучше не стоит?» думал Енакиев, стараясь как можно точнее подвести в фокус стереотрубы это место. Это не была нерешительность. Это не было колебание. Нет. Он никогда не колебался. Не колебался он и теперь. Он взвешивал. Он хотел найти наиболее верное решение. Он хотел отдать себе полный отчет в том, что же для него все-таки выгоднее: с наибольшей точностью пристрелять «цель номер семнадцать», хотя бы для этого пришлось пойти на риск преждевременно обнаружить свою батарею, или до самой последней минуты не обнаруживать батарею, рискуя в критический, даже, быть может, решающий момент боя потерять несколько минут на корректировку.

Но в это время внизу раздались голоса, лестница зашаталась, послышалось дробное позванивание шпор, и на площадку выскочил, тяжело дыша, молодой офицер, почти мальчик, со смуглым курносым лицом и очень черными толстыми бровями. Это был офицер связи. На его лице, которое изо всех сил старалось быть официальным и даже суровым, горела жаркая мальчишеская улыбка.

Он стукнул шпорами, коротко бросил руку к козырьку, тотчас с силой оторвал ее вниз и подал капитану Енакиеву пакет.

— Приказ по полку... — сказал он строго, но не удержался и, ярко сверкнув карими глазами, взволнованно добавил: — ...о наступлении!

— Когда? — спросил Енакиев.

— В девять часов сорок пять минут. Сигнал — две ракеты синих и одна желтая. Там написано. Разрешите итти?

Енакиев посмотрел на часы. Было девять часов тридцать одна минута.

— Идите, — сказал он.

Офицер связи стукнул шпорами, вытянулся, опять бросил руку к козырьку, с силой оторвал ее вниз, повернулся кругом с такой четкостью и щегольством, словно был не на верхушке дерева, а в столовой артиллерийского училища, и одним духом ссыпался вниз по лестницам, обрывая шпоры о перекладины и весело чертыхаясь.

— Лейтенант Седых! — сказал Енакиев.

— Я здесь, товарищ капитан.

— Вы слышали?

— Так точно.

— Командный пункт тут. Связь между мной и всеми взводами — телефонная. При движении вперед наращивать проволоку без малейшей задержки. От взводов не отрываться ни на одну секунду. В случае нарушения телефонной связи дублируйте по радио открытым текстом. При командире каждой роты назначьте двух человек — один связной, другой наблюдатель. Обо всех изменениях обстановки доносить немедленно по проводу, по радио или ракетами. Задача ясна?

— Так точно.

— Вопросы есть?

— Никак нет.

— Действуйте.

— Слушаюсь.

Лейтенант Седых сошел на одну ступеньку ниже, но вдруг остановился.

— Товарищ капитан, разрешите доложить. Совсем из головы выскочило. Как прикажете поступить с мальчиком?

— С каким мальчиком?

Капитан Енакиев нахмурился, но тотчас вспомнил:

— Ах да!

Ему уже докладывали о мальчике, но он еще не принял решения.

— Так что же у вас там с мальчиком? Где он находится?

— Пока у меня, при взводе управления. У разведчиков.

— Очухался малый?

— Будто ничего.

— Что же он рассказывает?

— Много чего говорит. Да вот сержант Егоров лучше знает.

— Давайте сюда Егорова.

— Сержант Егоров! — крикнул лейтенант Седых вниз. — К командиру батареи!

— Здесь! — тотчас откликнулся Егоров, и его шлем, покрытый ветками, появился над площадкой.

— Что там слышно с вашим мальчиком? Как его самочувствие? Рассказывайте.

Капитан Енакиев сказал не «докладывайте», а «рассказывайте». И в этом сержант Егоров, всегда очень тонко чувствовавший все оттенки субординации, уловил позволение говорить по-семейному. Его утомленные, покрасневшие после нескольких бессонных ночей глаза открыто и ясно улыбнулись, хотя рот и брови продолжали оставаться серьезными.

— Дело известное, товарищ капитан, — сказал Егоров. — Отец погиб на фронте в первые дни войны. Деревню заняли немцы. Мать не хотела отдавать корову. Мать убили. Бабка и маленькая сестренка померли с голоду. Остался один. Потом деревню спалили. Пошел с сумкой собирать куски. Где-то на дороге попался полевым жандармам. Отправили силком в какой-то ихний страшный детский изолятор. Там, конечно, заразился паршой, поймал чесотку, болел сыпным тифом — чуть не помер, но все же кое-как сдюжил. Потом убежал. Почитай, два года бродил, прятался в лесах, все хотел через фронт перейти. Да фронт тогда далеко был. Совсем одичал, зарос волосами. Злой стал. Настоящий волчонок. Постоянно с собой в сумке гвоздь отточенный таскал. Это он себе такое оружие выдумал. Непременно хотел этим гвоздем какого-нибудь фрица убить. А еще в сумке у него мы нашли букварь. Рваный, потрепанный. «Для чего тебе букварь?» спрашиваем. «Чтобы грамоте не разучиться», говорит. Ну, что вы скажете!

— Сколько ж ему лет?

— Говорит, двенадцать, тринадцатый. Хотя на вид больше десяти никак не дать. Изголодался, отощал. Одна кожа да кости.

— Да, — задумчиво сказал капитан Енакиев. — Двенадцать лет. Стало быть, когда все это началось, ему еще девяти не было.

— С детства хлебнул, — сказал Егоров вздыхая.

Они помолчали, прислушиваясь к звукам артиллерийской перестрелки, которая стала заметно стихать, как это всегда бывает перед началом боя.

Скоро наступила напряженная, обманчивая тишина.

— И что же, хороший паренек? — спросил капитан Енакиев.

— Замечательный мальчишка. Шустрый такой, смысленый! — воскликнул Егоров уже совсем по-домашнему.

Капитан нахмурился и отвернулся.

Был когда-то и у капитана Енакиева мальчик, сын Костя, правда, немного поменьше возрастом — теперь бы ему было семь лет. Были у капитана Енакиева молодая жена и мать. И всего этого он лишился в один день три года назад. Вышел из своей квартиры в Барановичах, по тревоге вызванный на батарею, и с тех пор больше не видел ни дома своего, ни сына, ни жены, ни матери. И никогда не увидит.

Они все трое погибли по дороге в Минск в то страшное июньское утро сорок первого года, когда немецкие штурмовики налетели на беззащитных людей — стариков, женщин, детей, уходящих пешком по минскому шоссе от разбойников, ворвавшихся в родную страну.

О их гибели рассказал капитану Енакиеву очевидец, его старый товарищ, случившийся в это время со своей частью возле шоссе. Он не передавал подробностей, которые были слишком ужасны. Да капитан Енакиев и не расспрашивал. У него нехватало духу расспрашивать. Но его воображение тотчас нарисовало картину их гибели. И эта картина уже никогда не покидала его, она всегда стояла перед глазами. Огонь, блеск, взрывы, рвущие воздух в клочья, пулеметные очереди в воздухе, обезумевшая толпа с корзинами, чемоданами, колясками, узлами и маленький, четырехлетний мальчик в синей матросской шапочке, валяющийся, как окровавленная тряпка, раскинув восковые руки между корнями вывороченной из земли сосны.

Особенно отчетливо виделась капитану Енакиеву эта синяя матросская шапочка с новыми лентами, сшитая бабушкой из старой материнской жакетки.

В это лето, несмотря на свои тридцать два года, капитан Енакиев немного поседел в висках, стал суше, скучнее. Он стал строже. Мало кто в полку знал о его горе. Он никому не говорил о нем. Но, оставаясь наедине с собой, капитан всегда думал о жене, о матери, о сыне. О сыне он думал всегда, как о живом.

Мальчик рос в его воображении. Каждую минуту капитан знал точно, сколько бы ему сейчас было лет и месяцев, как бы он выглядел, что бы говорил, как бы учился. Сейчас его сын, конечно, уже умел бы читать и писать и его матросская шапочка ему бы уже не годилась. Эта шапочка теперь лежала бы в комодe у матери, среди других вещей, из которых его Костя уже вырос, и, возможно, из нее бабушка сделала бы теперь какую-нибудь другую полезную вещь — мешочек для перьев или суконку для чистки ботинок.

— Как его звать? — сказал капитан Енакиев.

— Ваня.

— Просто — Ваня?

— Просто Ваня, — с веселой готовностью ответил сержант Егоров, и его лицо расплылось в широкую добрую улыбку. — И фамилия такая подходящая: Ваня Солнцев.

— Ну так вот что, — подумав, сказал Енакиев: — надо будет его отправить в тыл.

Лицо Егорова вытянулось.

— Жалко, товарищ капитан.

— То есть как это жалко? — строго нахмурился Енакиев. — Почему жалко?

— Куда же он денется в тылу-то? У него там никого нету родных. Круглый сирота. Пропадет.

— Не пропадет. Есть специальные детские дома для сирот.

— Так-то оно, конечно, так, — сказал Егоров, все еще продолжая держаться семейного тона, хотя в голосе капитана Енакиева уже слышались твердые, командирские нотки.

— Что?

— Так-то оно так, — сказал Егоров, переминаясь на шатких ступенях лестницы. — А все-таки, как бы это сказать, мы думали его у себя оставить, при взводе управления. Уж больно смысленный паренек. Прирожденный разведчик.

— Ну, это вы фантазируете, — сказал Енакиев раздраженно.

— Никак нет, товарищ капитан. Очень самостоятельный мальчик. На местности ориентируется, все равно как взрослый разведчик. Даже еще получше. Он сам просится: «Выучите меня, говорит, дяденька, на разведчика. Я вам буду, говорит, цели разведывать. Я здесь, говорит, каждый кустик знаю».

Капитан усмехнулся:

— Сам просится... Мало что он просится. Не положено. Да и как мы можем взять на себя ответственность? Ведь это маленький человек, живая душа. А ну как с ним что-нибудь случится? Бывает на войне, что и подстрелить могут. Ведь так, Егоров?

— Так точно.

— Вот видите. Нет, нет. Рано ему еще воевать, пусть прежде подрастет. Ему сейчас учиться надо. С первой же машиной отправьте его в тыл.

Егоров помялся.

— Убежит, товарищ капитан, — сказал он неуверенно.

— То есть как это убежит? Почему вы так думаете?

— «Если, говорит, вы меня в тыл начнете отправлять, я от вас все равно убегу по дороге».

— Так и заявил?

— Так и заявил.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сухо сказал капитан Енакиев. — Приказываю отправить его в тыл. Нечего ему здесь болтаться.

Семейный разговор кончился. Сержант Егоров вытянулся:

— Слушаюсь.

— Всё, — сказал капитан Енакиев коротко, как отрубил.

— Разрешите итти?

— Идите.

И в то время, когда сержант Егоров спускался по лестнице, из-за мутной стены дальнего леса медленно вылетела бледносиняя звездочка. Она еще не успела погаснуть, как по ее следу выкатилась другая синяя звездочка, а за нею третья звездочка — желтая.

— Батарея, к бою, — сказал капитан Енакиев негромко.

— Батарея, к бою! — крикнул звонко телефонист в трубку.

И это звонкое восклицание сразу наполнило зловеще притихший лес сотней ближних и дальних отголосков.

4

А в это время Ваня Солнцев, поджав под себя босые ноги, сидел на еловых ветках в палатке разведчиков и ел из котелка большой деревянной

ложкой необыкновенно горячую и необыкновенно вкусную крошонку из свиной тушонки, картошки, луку, перцу, чесноку и лаврового листа.

Он ел с такой торопливой жадностью, что непрожеванные куски мяса то и дело останавливались у него в горле. Острые твердые уши двигались от напряжения под косичками серых, давно не стриженных волос.

Воспитанный в степенной крестьянской семье, Ваня Солнцев прекрасно знал, что он ест крайне неприлично. Приличие требовало, чтобы он ел не спеша, изредка вытирая ложку хлебом, и не слишком сопел и чавкал.

Приличие требовало также, чтобы он время от времени отодвигал от себя котелок и говорил: «Много благодарен за хлеб, за соль. Сыт вдоволь» — и не приступал бы к продолжению еды раньше, чем его трижды не попросят: «Милости просим, кушайте еще».

Все это Ваня понимал, но ничего не мог с собой поделать. Голод был сильнее всех правил, всех приличий.

Крепко держась одной рукой за придвинутый вплотную котелок, Ваня другой рукой проворно действовал ложкой, в то же время не отводя взгляда от длинных ломтей ржаного хлеба, для которых уже не хватало рук.

Изредка его синие, как бы немного полинявшие от истощения глаза с робким извинением поглядывали на кормивших его солдат.

Их было в палатке двое: те самые разведчики, которые вместе с сержантом Егоровым выбрали его в лесу. Один — костистый великан с добродушным шербатым ртом и непомерно длинными, как грабли, руками, по прозвищу «шкелет», ефрейтор Биденко, а другой — тоже ефрейтор и тоже вели-

кан, но великан совсем в другом роде — вернее сказать, не великан, а богатырь: гладкий, упитанный, круглолицый сибиряк Горбунов с каленым румянцем на толстых щеках, с белобрысыми ресницами и светлой поросычьею щетинкой на розовой голове, по прозвищу Чалдан.

Оба великана не без труда помещались в палатке, рассчитанной на шесть человек. Во всяком случае, им приходилось сильно поджимать ноги, чтобы они не вылезали наружу.

До войны Биденко был донбасским шахтером. Каменноугольная пыль так крепко въелась в его темную кожу, что она до сих пор имела синеватый оттенок.

Горбунов же был до войны забайкальским лесорубом. Казалось, что от него до сих пор крепко пахнет ядреными, свежекотлыми березовыми дровами. И вообще весь он был какой-то белый, березовый.

Они оба сидели на пахучих еловых ветках в стеганках, накинутых на богатырские плечи, и с удовольствием наблюдали, как Ваня уплетает крошонку.

Иногда, заметив, что мальчик смущен своей неприличной прожорливостью, общительный и разговорчивый Горбунов доброжелательно замечал:

— Ты, пастушок, ничего. Не смущайся. Ешь вволю. А нехватит, мы тебе еще подбросим. У нас насчет харчей крепко поставлено.

Ваня ел, облизывал ложку, клал в рот большие куски мягкого солдатского хлеба с кисленькой каштановой корочкой, и ему казалось, что он уже давно живет в палатке у этих добрых великанов. Даже как-то не верилось, что еще совсем недавно — вчера — он пробирался по страшному, хо-

лодному лесу один во всем мире, ночью, голодный, больной, затравленный, как волчонок, не видя впереди ничего, кроме гибели.

Ему не верилось, что позади было три года нищеты, унижения, постоянного гнетущего страха, ужасной душевной подавленности и пустоты.

Впервые за эти три года Ваня находился среди людей, которых не надо было опасаться. В палатке было прекрасно. Хотя погода стояла скверная, пасмурная, но в палатку сквозь желтое полотно проникал ровный, веселый свет, похожий на солнечный.

Правда, благодаря присутствию великанов в палатке было тесновато, но зато как все было аккуратно, разумно разложено и развешано!

Каждая вещь помещалась на своем месте. Хорошо вычищенные и смазанные салом автоматы висели на желтых палочках, изнутри подпиравших палатку. Шинели и плащ-палатки, сложенные ровно, без единой складки, лежали на свежих еловых и можжевельных ветках. Противогазы и вещевые мешки, поставленные в головах вместо подушек, были покрыты чистыми суровыми утиральниками. У выхода из палатки стояло ведро, покрытое фанерой. На фанере в большом порядке помещались кружки, сделанные из консервных банок, целлулоидные мыльницы, тюбики трофейной зубной пасты и зубные щетки в разноцветных футлярах с дырочками. Был даже в алюминиевой чашечке помазок для бритья, и висело маленькое круглое зеркальце, снятое с немецкой трофейной машины. Были даже две сапожные щетки, воткнутые друг в друга щетиной, и возле них коробочка ваксы.

Конечно, имелся также фонарь «летучая мышь».

Снаружи палатка была аккуратно окопана

ровиком, чтобы не натекала дождевая вода. Все колышки были целы и крепко вбиты в землю. Все полотнища туго, равномерно натянуты. Все было точно, как полагается по инструкции.

Недаром же разведчики славились на всю батарею своей хозяйственностью. Всегда у них был изрядный неприкосновенный запас сахарку, сухарей, сала. В любой момент могла найтись иголка, нитка, пуговица или добрая заварка чаю. О табачке нечего и говорить. Курево имелось в большом количестве и самых разнообразных сортов: и простая фабричная махорка, и пензенский самосад, и легкий сухумский табачок, и папиросы «Путина», и даже маленькие трофейные сигары, которые разведчики не уважали и курили в самых крайних случаях, и то с отвращением.

Но не только этим славились разведчики на всю батарею.

В первую голову славились они боевыми делами, известными далеко за пределами своей части. Никто не мог сравниться с ними в дерзости и мастерстве разведки. Забираясь в неприятельский тыл, они добывали такие сведения, что иной раз даже в штабе дивизии только руками разводили. А начальник второго отдела иначе их и не называл, как «эти профессора капитана Енакиева».

Одним словом, воевали они геройски.

Зато и отдыхать после своей тяжелой и опасной работы привыкли толково.

Было их всего шесть человек, не считая сержанта Егорова. Ходили они в разведку по очереди, парами, через два дня в третий. Потом отдыхали. Что же касается сержанта Егорова, то когда он отдыхает, никто не знал.

Нынче отдыхали Горбунов и Биденко, закадычные дружки и постоянные напарники. И хотя с

утра шел бой, воздух в лесу ходил ходуном, тряслась земля и ежеминутно по верхушкам деревьев мело низким, оглушающим шумом штурмовиков, идущих на работу или с работы, оба разведчика безмятежно наслаждались вполне заслуженным отдыхом в обществе Вани, которого они уже успели полюбить и даже дать ему прозвище: «пастушок».

Действительно, в своих коричневых домотканых портках, крашенных луковичной шелухой, в рваной кацавейке, с торбой через плечо, босой, простоволосый мальчик как нельзя больше походил на пастушонка, каким его изображали в старых букварях. Даже лицо его — темное, сухощавое, с красивым прямым носиком и большими глазами под шапкой волос, напоминавших соломенную крышу старенькой избушки, — было точь-в-точь, как у деревенского пастушка.

Опустошив котелок, Ваня насухо вытер его коркой. Этой же коркой он обтер ложку, корку съел, встал, степенно поклонился великанам и сказал, опустив ресницы:

— Благодарствуйте. Много вами доволен.

— Может, еще хочешь?

— Нет, сыт.

— А то мы тебе еще один котелок можем наложить, — сказал Горбунов, подмигивая не без хвастовства. — Для нас это не составляет. А, пастушок?

— В меня уже не лезет, — застенчиво сказал Ваня, и синие его глаза вдруг метнули из-под ресниц быстрый, озорной взгляд.

— Не хочешь — как хочешь. Твоя воля. У нас такое правило: мы никого насильно не заставляем, — сказал Биденко, известный своей справедливостью.

Но тщеславный Горбунов, любивший, чтобы все люди восхищались жизнью разведчиков, сказал:

— Ну, Ваня, так как же тебе показался наш харч?

— Хороший харч, — сказал мальчик, кладя в котелок ложку ручкой вниз и собирая с газеты «Суворовский натиск», разостланной вместо ска-терти, хлебные крошки.

— Верно хороший? — оживился Горбунов. — Ты, брат, такого харча ни у кого в дивизии не найдешь. Знаменитый харч. Ты, брат, главное дело, за нас держись, за разведчиков. С нами никогда не пропадешь. Будешь за нас держаться?

— Буду, — весело сказал мальчик.

— Правильно, и не пропадешь. Мы тебя в баньке отмоем. Патлы тебе острижем. Обмундирование какое-никакое справим, чтоб ты имел надле-жащий воинский вид.

— А в разведку меня, дяденька, будете брать?

— И в разведку тебя будем брать. Сделаем из тебя знаменитого разведчика.

— Я, дяденька, маленький. Я всюду проле-зу, — с радостной готовностью сказал Ваня. — Я здесь вокруг каждый кустик знаю.

— Это и дорого.

— А из автомата палить меня научите?

— Отчего же. Придет время — научим.

— Мне бы, дяденька, только один разок стрельнуть, — сказал Ваня, жадно поглядев на автоматы, покачивавшиеся на своих ремнях от бес-престанной пушечной пальбы.

— Стрельнешь. Не бойся. За этим не станет. Мы тебя всей воинской науке научим. Первым долгом, конечно, зачислим тебя на все виды до-вольствия.

— Как это, дяденька?

— Это, братец, очень просто. Сержант Егоров доложит про тебя лейтенанту Седых. Лейтенант Седых доложит командиру батареи капитану Енакиеву, капитан Енакиев велит дать в приказе о твоём зачислении. С того, значит, числа на тебя и пойдут все виды довольствия: вещевое, приварок, денежное. Понятно тебе?

— Понятно, дяденька.

— Вот как оно делается у нас, у разведчиков... погоди! Ты это куда собрался?

— Посуду помыть, дяденька. Нам мать всегда приказывала после себя посуду мыть, а потом в шкаф убирать.

— Правильно приказывала, — сказал Горбунов строго. — То же само и на военной службе.

— На военной службе швейцаров нету, — назидательно заметил справедливый Биденко.

— Однако еще погоди мыть посуду, мы сейчас чай пить будем, — сказал Горбунов самодовольно. — Чай пить уважаешь?

— Уважаю, — сказал Ваня.

— Ну и правильно делаешь. У нас, у разведчиков, так положено: как покушаем, так сейчас же чай пить. Нельзя! — сказал Биденко. — Пьем, конечно, внакладку, — прибавил он равнодушно. — Мы с этим не считаемся.

Скоро в палатке появился большой медный чайник — предмет особенной гордости разведчиков, он же источник вечной зависти остальных батарейцев.

Оказалось, что с сахаром разведчики действительно не считались.

Молчаливый Биденко развязал свой вещевой мешок и положил на «Суворовский натиск» громадную горсть рафинада.

Не успел Ваня и глазом мигнуть, как Горбунов бултыхнул в его кружку две большие грудки сахару, однако, заметив на лице мальчика выражение восторга, добултыхнул третью грудку. Знай, мол, нас, разведчиков!

Ваня схватил обеими руками жестяную кружку. Он даже зажмурился от наслаждения. Он чувствовал себя, как в необыкновенном, сказочном мире.

Все вокруг было сказочно. И эта палатка, как бы освещенная солнцем среди пасмурного дня, и грохот близкого боя, и добрые великаны, кидающиеся грудками рафинада, и обещанные ему загадочные «все виды довольствия» — вещевое, приварок, денежное, — и даже слова «свинная тушонка», большими черными буквами напечатанные на кружке.

— Нравится? — спросил Горбунов, горделиво любуясь удовольствием, с которым мальчик сосал чай осторожно вытянутыми губами.

На этот вопрос Ваня даже не мог толково ответить. Губы его были заняты борьбой с чаем, горячим, как огонь. Сердце было полно бурной радости оттого, что он остается жить у разведчиков, у этих прекрасных людей, которые обещают его постричь, обмундировать, научить палить из автомата.

Все слова смешались в его голове. Он только благодарно закивал головой, высоко поднял брови домиком и выкатил глаза, выражая этим высшую степень удовольствия и благодарности.

— Ребенок ведь, — жалостно и тонко вздохнул Биденко, скручивая своими громадными, грубыми, как будто закопченными пальцами хорошенькую козью ножку и осторожно насыпая в нее из кисета пензенский самосад.

Тем временем звуки боя уже несколько раз меняли свой характер.

Сначала они слышались близко и шли равномерно, как волны. Потом они немного удалились, ослабли. Но сейчас же разбушевались с новой, утроенной силой. Среди них послышался новый, поспешный, как казалось, беспорядочный грохот авиабомб, которые все сваливались и сваливались куда-то в кучу, в одно место, как бы молотя по вздрагивающей земле чудовищными кувалдами.

— Наши пикируют, — заметил вскользь Биденко, прислушиваясь среди разговора.

— Хорошо бьют, — одобрительно сказал Горбунов.

Это продолжалось тоже довольно долго.

Потом наступила короткая передышка. Стало так тихо, что в лесу отчетливо послышался твердый звук дятла, как бы телеграфирующего по азбуке Морзе.

Пока продолжалась тишина, все молчали, прислушиваясь.

Потом издали донеслась винтовочная трескотня. Она все усиливалась, крепчала.

Ее отдельные звуки стали сливаться. Наконец они слились. Сразу по всему фронту в десятках мест часто застрочили пулеметы. И грозная машина боя вдруг застонала, засвистела, завывала, застучала, как ротационка, пущенная самым полным ходом.

И в этом беспощадном, механическом шуме только очень опытное ухо могло уловить нежный, согласный хор человеческих голосов, где-то очень далеко певших «а-а-а...»

— Пошла царица полей в атаку, — сказал Горбунов. — Сейчас бог войны будет ей подпевать.

И как бы в подтверждение его слов, опять со всех сторон ударили на разные лады сотни пушек самых различных калибров.

Биденко долго, внимательно слушал, повернув ухо в сторону боя.

— А нашей батарее не слышать.

— Да, молчит.

— Небось, наш капитан выжидает.

— Это как водится. Зато потом как ахнет...

Ваня переводил синие испуганные глаза с одного великана на другого, стараясь по выражению их лиц понять, хорошо для нас то, что делается, или плохо. Но понять не мог. А спросить не решался.

— Дяденька, — наконец сказал он, обращаясь к Горбунову, который казался ему добрее, — кто кого побеждает: мы немцев или немцы нас?

Горбунов засмеялся и слегка хлопнул мальчика по заправке:

— Эх, ты!

Биденко же серьезно сказал:

— Ты бы, Чалдан, верно, сбегал бы к радистам на рацию, узнал бы, что там слышно.

Но в это время раздались торопливые шаги человека, споткнувшегося о колышек, и в палатку, нагнувшись, вошел сержант Егоров.

— Горбунов!

— Я.

— Собирайся. Только что в пехотной цепи Кузьминского убило. Заступишь на его место.

— Нашего Кузьминского?

— Да, очередью из автомата. Одиннадцать пуль. побыстрее.

— Есть!

Пока Горбунов, согнувшись, торопливо надевал шинель и набрасывал через голову снаряжение,

сержант Егоров и ефрейтор Биденко молча смотрели на то место, где помещался разведчик Кузьминский.

Место это ничем не отличалось от других мест. Оно было так же аккуратно — без единой морщинки — застлано зеленой плащ-палаткой, так же в головах стоял вещевой мешок, покрытый суровым утиральником; только на утиральнике лежали два треугольных письма и номер разноцветного журнала «Красноармеец», принесенные полевым почтальоном уже в отсутствие Кузьминского.

Ваня видел Кузьминского только один раз, на рассвете. Кузьминский торопился на смену. Так же как теперь Горбунов, Кузьминский, согнувшись, надевал через голову снаряжение и выправлял складки шинели из-под револьверной кобуры с большим кольцом медного шомпола. От шинели Кузьминского грубо и вкусно пахло солдатскими шами. Но самого Кузьминского Ваня рассмотреть не успел, так как Кузьминский сейчас же ушел. Он ушел, ни с кем не простившись, как уходит человек, уверенный, что скоро вернется. Теперь все знали, что он уже никогда не вернется, и молчаливо смотрели на его освободившееся место.

В палатке стало как-то пусто, скучно и пасмурно.

Ваня осторожно протянул руку и пощупал свежий, липкий номер «Красноармейца». Только теперь сержант Егоров заметил Ваню; мальчик ожидал увидеть улыбку и сам приготовился улыбнуться. Но сержант Егоров строго взглянул на него, и Ваня почувствовал, что случилось что-то неладное.

— Ты еще здесь? — сказал Егоров.

— Здесь, — виновато прошептал мальчик, хотя не чувствовал за собой никакой вины.

— Придется его отправить, — сказал сержант Егоров, нахмурясь точно так, как хмурился капитан Енакиев. — Биденко!

— Я!

— Собирайся.

— Куда?

— Командир батареи приказал отправить мальчишку в тыл. Доставишь его с попутной машиной во второй эшелон фронта. Там сдашь коменданту под расписку. Пусть он его отправит в какой-нибудь детский дом. Нечего ему у нас болтаться. Не положено.

— На тебе! — сказал Биденко с нескрываемым огорчением.

— Капитан Енакиев распорядился.

— А жалко. Такой шустрый мальчик.

— Жалко не жалко, а не положено.

Сержант Егоров еще больше нахмурился. Ему и самому было жаль расставаться с мальчиком. Про себя он еще ночью решил оставить Ваню связным и с течением времени сделать из него хорошего разведчика.

Но приказ командира не подлежал обсуждению. Капитан Енакиев лучше знает. Сказано — исполняй.

— Не положено, — еще раз сказал Егоров, властным и резким тоном подчеркивая, что вопрос решен окончательно. — Собирайся, Биденко.

— Слушаюсь.

— Ну, стало быть, так и так, — сказал Горбунов, выправляя складки шинели из-под обмявшей-

ся, потертой до глянца кобуры нагана. — Не тужи, пастушок. Раз капитан Енакиев приказал, надо исполнять. Такова воинская дисциплина. По крайней мере, хоть на машине прокатишься. Не так ли? Прощай, брат.

И с этими словами Горбунов быстро, но не торопливо вышел из палатки.

Ваня стоял маленький, огорченный, растерянный. Покусывая губы, обметанные лихорадкой, он смотрел то на одевавшегося Биденко, то на сержанта Егорова, который сидел на койке убитого Кузьминского с полузакрытыми глазами, бросив руки между колен и, пользуясь свободной минутой, дремал.

Они оба прекрасно понимали, что творится в душе мальчика. Только что, какие-нибудь две минуты назад, все было так хорошо, так прекрасно, и вдруг все сделалось так плохо.

Ах, какая чудесная, какая восхитительная жизнь начиналась для Вани: дружить с храбрыми, великодушными разведчиками, вместе с ними обедать и пить чай внакладку, вместе с ними ходить в разведку, париться в бане, палить из автомата; спать с ними в одной палатке; получить обмундирование — сапожки, гимнастерку с погонами и пушечками на погонах, шинель, может быть даже компас и револьвер-наган с патронами...

Три года жил Ваня, как бродячая собака, без дома, без семьи. Он боялся людей и все время испытывал голод и постоянный ужас. Наконец он нашел добрых, хороших людей, которые его спасли, обогрели, накормили, полюбили. И в этот самый миг, когда, казалось, все стало так замечательно, когда он наконец попал в родную семью, — трах! — и всего этого нет. Все это рассеялось, как туман.

— Дяденька, — сказал он, глотая слезы и осторожно тронув Биденко за шинель, — а дяденька! Слушайте, не везите меня. Не надо.

— Приказано.

— Дяденька Егоров... товарищ сержант! Не велите меня отправлять. Лучше пусть я у вас буду жить, — сказал мальчик с отчаянием. — Я вам всегда буду котелки чистить, воду носить...

— Не положено, не положено, — устало сказал Егоров. — Ну, что же ты, Биденко! Готов?

— Готов.

— Так бери мальчика и отправляйся. Сейчас как раз с полкового обменного пункта пятитонка со стреляными гильзами уходит обратным рейсом. Еще захватите. А то наши на четыре километра вперед продвинулись. Закрепляются. Сейчас начнут тылы подтягиваться. Куда мы тогда малого денем? С богом!

— Дяденька! — закричал Ваня.

— Не положено, — отрезал Егоров и отвернулся, чтобы не расстраиваться.

Мальчик понял, что все кончено. Он понял, что между ним и этими людьми, которые еще так недавно любили его, как родного сына, добродушно называли пастушком, теперь выросла стена.

По выражению их глаз, по интонациям, по жестам мальчик чувствовал наверняка, что они продолжают его любить и жалеть. Но так же наверняка он чувствовал и другое: он чувствовал, что стена между ними непреодолима. Хоть бейся в нее головой.

Тогда вдруг в душе мальчика заговорила гордость. Лицо его стало злым. Оно как будто сразу похудело. Маленький подбородок вздернулся, глаза упрямо сверкнули исподлобья. Зубы сжались.

— А я не поеду, — сказал мальчик дерзко.

— Небось, поедешь, — добродушно сказал Биденко. — Ишь ты, какой злющий. «Не поеду»! Посажу тебя в машину и повезу. Так поедешь.

— А я все равно убегу.

— Ну, брат, это вряд ли. От меня еще никто не убегал. Поедем-ка лучше, а то машину не захватим.

Биденко легонько взял мальчика за рукав, но мальчик сердито вырвался:

— Не трожьте, я сам.

И, цепко перебирая босыми ногами, вышел из палатки в лес.

А в лесу уже обозники увязывали на повозках кладь, водители заводили машины, солдаты вытаскивали из земли колья палаток, телефонисты наматывали на катушки провод.

Повар в белом халате поверх шинели торопливо рубил на пне топором яркокрасную баранину.

Всюду валялись пустые ящики, солома, консервные банки с рваными краями, куски газет, и вообще все говорило, что тылы уже тронулись следом за наступающими частями.

6

На другой день поздно вечером Биденко вернулся в свою часть. Он был очень злой и голодный.

За это время на фронте произошли большие перемены. Наступление быстро разворачивалось. Преследуя немцев, армия продвинулась далеко на запад.

Там, где вчера шел бой, сегодня размещались вторые эшелоны. Там, где вчера стояли вторые эшелоны, сегодня было тихо, пустынно. А перед-

ний край проходил в том месте, где еще вчера у немцев были глубокие тылы.

Лес остался далеко позади. Сражение, начавшееся в нем, теперь продолжалось на открытом месте, среди полей, болот и небольших холмов, поросших кустарником.

На этот раз команда разведчиков помещалась уже не в палатке, а занимала немецкий офицерский блиндаж — прекрасное, солидное сооружение, крытое толстыми бревнами в четыре наката и обложенное сверху дерном.

Хозяйственные разведчики высмотрели себе этот блиндаж еще тогда, когда он находился в немецком расположении и в нем еще жили немецкие офицеры. Засекая немецкие огневые позиции, разведчики на всякий случай засекли и этот блиндаж, который им уже тогда очень понравился.

Когда Биденко, никого по дороге не расспрашивая и руководствуясь единственно своим безошибочным чутьем разведчика, добрался до блиндажа, было уже совсем темно.

На западном горизонте раскатисто гремело, рычало. Там беспрерывно вспыхивали и подергивались, отражаясь в зловещих тучах, длинные багровые сполохи.

Спустившись вниз по земляным ступеням, обшитым тесом, Биденко вошел в просторный блиндаж.

Первое, что бросилось ему в глаза, была новая карбидная лампа, лившая из-под потолка очень яркий, но какой-то едкий, химический, мертвенно-зеленоватый свет. Видно, немцы второпях не успели ее унести.

В стенах, в специальных деревянных нишах, аккуратно рядами, как книги, стояли немецкие ручные гранаты с длинными деревянными ручками.

Посредине стоял крепкий обеденный стол, вбитый в землю. В углу топилась докрасна раскаленная чугунная немецкая походная печка, и рядом с ней был небольшой запасец дров, приготовленный тоже немцами.

Как видно, немцы устраивались здесь прочно, по-хозяйски, рассчитывали зимовать. Во всяком случае, они даже повесили на стене картину в деревянной раме. Это была большая раскрашенная фотография красивого домика с готической крышей, окруженного ярко цветущими яблонями. Через всю эту слащавую бело-розовую картинку тянулась красная печатная надпись: «Фрюлинг им Дейтчланд», что значило: «Весна в Германии».

Во всем же остальном блиндаж уже имел вполне обжитой русский вид: в головах коек, застланных без единой морщинки русскими артиллерийскими шинелями, попонами и палатками, стояли зеленые вещевые мешки, покрытые чистыми утиральниками; на печке грелся знаменитый медный чайник; на столе, покрытом листками «Суворовского натиска», вокруг большой буханки хлеба в строгом порядке были разложены деревянные ложки и расставлены кружки, а хорошо вычищенное, жирно смазанное русское оружие висело в углах под зелеными шлемами.

В блиндаже было полно народу. Был тот редкий случай, когда все разведчики собрались вместе. Биденко также заметил и много посторонних. Это были знакомые и земляки из других взводов. Они пришли к хлебосольным, зажиточным разведчикам покурить хорошего табачку и попить чайку внакладку из знаменитого чайника.

Судя по всему этому, Биденко понял, что за время его отсутствия в дивизии произошла смена

частей и что их батарея в данное время находится в резерве.

Почти все курили, и в жарко натопленном блиндаже стоял тот самый крепкий солдатский дух, о котором принято говорить: «хоть топор вешай».

— А, здорово, Вася! — увидев дружка, сказал Горбунов, который в это время занимался своим любимым делом — угощал гостей.

Прижав к животу буханку, он нарезал толстые ломти хлеба.

— Ну как, сдал мальчика? Садись к столу. Аккурат к чаю попал.

Он был без гимнастерки, в одной бязевой сорочке, в расстегнутом вороте которой виднелась могучая, жирная, розовая грудь.

— А мы, брат, нынче в резерве. Гуляем. Раздевайся, Вася, грейся. Вот твоя койка, я ее убрал. Ну, как тебе показалась наша новая квартира? Такой, брат, квартиры ни у кого во всей дивизии не сыщешь. Особенная!

Биденко молча разделся, подошел к своей койке, сердито кинул на нее снаряжение и шинель, присел на корточки перед печкой и протянул к ней большие черные руки.

— Ну, что там слышать в штабе фронта, Вася? Немцы еще мира не запросили?

Биденко молчал, ни на кого не глядя и хмуро посапывая.

— Может, закуришь? — сказал Горбунов, заметив, что дружок его сильно не в духе.

— А, пошло оно все к чорту! — неожиданно пробормотал Биденко, направился к своей койке и вяло повалился на нее животом.

Было ясно, что с Биденко случилась какая-то неприятность, но проявлять излишнее любопытство

к чужим делам считалось у разведчиков крайне неприличным. Раз человек молчит, значит не считает нужным говорить. А раз не считает нужным, то и не надо. Захочет — сам расскажет. И нечего человека за язык тянуть.

Поэтому Горбунов, ничуть не обидевшись и сделав вид, что ничего не замечает, хлопотал по хозяйству, продолжая рассказывать батареям о том, как его вчера чуть не убило в пехотной цепи, где он заступил на место убитого Кузьминского.

— Я, понимаешь ты, как раз взялся за ракетницу. Собираюсь давать одну зеленую, чтобы наши перенесли огонь немного подальше. Как вдруг она рядом со мной как хватит! Прямо-таки под самыми ногами разорвалась. Меня воздухом как шибанет! Совсем с ног сбило. Не пойму, где верх, где низ. Даже в голове на одну минуту затемнилось. Открываю глаза, а земля — вот она, тут, возле самого глаза. Выходит дело — лежу...

Горбунов захохотал счастливым смехом.

— ...Чувствую — весь побит. Ну, думаю, готово дело. Не встану. Осматриваю себя — ничего такого не замечаю. Крови нигде на мне нет. Это меня, стало быть, — соображаю, — землей побило. Но зато на шинели шесть штук дырок. На шлеме вмятина с кулак. И, понимаешь ты, каблук на правом сапоге начисто оторвало. Как его и не было. Все равно как бритвой срезало. Бывает же такая чепуха! А на теле, как насмех, ни одной царапины. Вот оно, как снесло каблук. Смотрите, ребята.

Радостно улыбаясь, Горбунов показал гостям попорченный сапог. Гости внимательно его осмотрели. А некоторые даже вежливо потрогали руками.

— Да, собачье дело, — заметил один деловито.

— Бывает, — сказал другой, искоса поглядывая на рафинад, который Горбунов выкладывал на стол. — И то же самое и с нами случилось. Когда мы под Борисовом форсировали Березину, у нас во взводе у красноармейца Теткина осколком поясной ремень порезало. А его самого даже не задело. Этого никогда не учтешь.

— Кузьма, — сказал вдруг Биденко со своей койки натужным голосом тяжело больного человека, — слышишь, Кузьма, а где же сержант Егоров?

— Сержант Егоров нынче дежурный, — ответил Горбунов, — пошел посты проверять.

— Поди, скоро вернется?

— Грозился к чаю поспеть.

— Так, — сказал Биденко и закричал, как от зубной боли.

Он закричал довольно громко, и в этом крикенье явно послышалась просьба посочувствовать.

— Ты что маешься? — равнодушно сказал Горбунов, всем своим видом показывая, что спрашивает не столько из любопытства, сколько из простой холодной вежливости.

— А, пошло оно все к чорту! — вдруг опять сказал Биденко мрачно.

— Выпей чаю, — сказал Горбунов, — может, полегчает.

Биденко сел на табурет перед столом, но до кружки не дотронулся. Он долго молчал, повернув глаза к печке.

— Понимаешь, какая получилась петрушка, — наконец сказал он неестественно высоким голосом, стараясь придать ему насмешливый оттенок. — Не знаю прямо, как и докладывать буду сержанту Егорову.

- А что?
- Не выполнил приказание.
- Как так?
- Не довез малого до штаба фронта.
- Шутишь!
- Верно говорю. Прохлопал. Ушел.
- Кто ушел?
- Да малый же этот. Ваня наш. Пастушок.
- Стало быть, убежал по дороге?
- Убежал.
- От тебя?
- Ага.

Горбунов некоторое время молчал, а потом вдруг так и затрясся от хохота всем своим большим, жирным телом.

— Как же это ты так сплеховал, Вася, а? Ну, погоди. Придет Егоров, он тебе даст дрозда. Как же это получилось?

— Так и получилось. Убежал, да и всё.

— Вот тебе и знаменитый разведчик! «От меня, — хвалился, — еще никто не уходил», а мальчишка ушел. Ай да Ваня! Ай да пастушок!

— Толковый ребенок, — с вялой улыбкой сказал Биденко.

— Да уж видно, что толковый, коли такого профессора объегорил. Ты все же расскажи, Вася, путем, как дело-то было.

— Убежал и убежал. Чего там рассказывать.

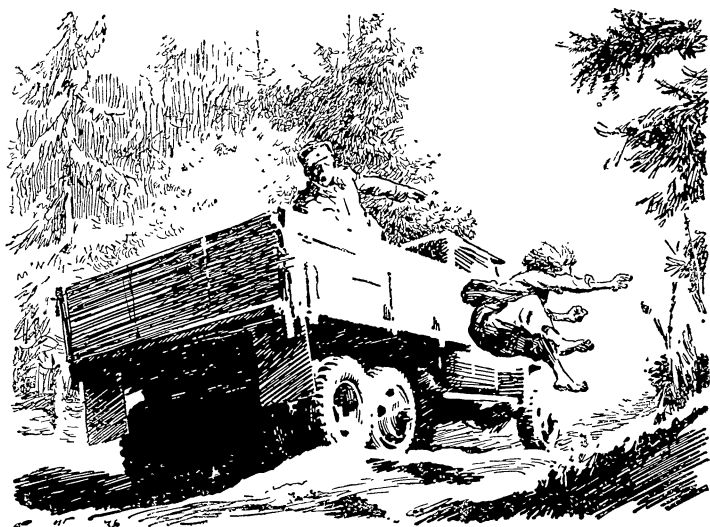
— А все-таки. Ты, брат, всю правду докладывай. Все равно дознаемся.

— А, пошло оно к чорту! — сказал Биденко, безнадежно махнув рукой, отправился на свою койку, лег к стене лицом, и больше ничего от него добиться не удалось.

И только впоследствии стали известны все подробности этого беспримерного происшествия.

Дело было так.

Едва грузовик, позванивая стреляными гильзами и подпрыгивая по корням, проехал по лесу километров пять, как Ваня вдруг схватился руками за высокий борт, сделал отчаянное лицо и выпрыгнул из машины, кувырнувшись в мох.

Это произошло так быстро и так неожиданно, что Биденко сначала даже потерялся. В первую секунду ему показалось, что мальчика вытряхнуло на повороте.

— Эй там, полегче! — крикнул Биденко, застучав кулаками в кабину водителя. — Остановись, чорт! Мальчика потеряли.

Пока водитель тормозил разогнавшуюся машину, Биденко увидел, как мальчик вскочил на ноги,

подхватил свою торбу и побежал что есть мочи в лес.

— Эй! Эй! — отчаянным голосом закричал ефрейтор.

Но Ваня даже не оглянулся.

Мелькая руками и ногами, как мельница, он мчался сломя голову по кустам и кочкам, пока не скрылся в пестрой чаще.

— Ваня-а-а! — крикнул Биденко, приложив громадные свои руки ко рту. — Пастушо-о-ок! Погоди-и-и!

Но Ваня не откликнулся, и только гулкое лесное эхо, пересчитав по пути деревья, прилетело назад откуда-то сбоку: «А-о-и! А-о-и!»

— Ну, погоди, чертенок! — сердито сказал Биденко и, попросив водителя чуток подождать, большими шагами, треща по валежнику, отправился в лес за Ваней.

Он не сомневался, что поймает мальчика очень скоро. В самом деле, много ли труда стоит старому, опытному разведчику, одному из самых знаменитых «профессоров» капитана Енакиева, отыскать в лесу убежавшего мальчишку? Смешно об этом и говорить.

На всякий случай покричав во все стороны, чтобы Ваня не валял дурака и возвращался, ефрейтор Биденко приступил к поискам по всем правилам военной науки.

Прежде всего он определился по компасу, для того чтобы в любой момент без труда найти место, где он оставил грузовик. Затем он повернул линейку компаса по тому направлению, в котором скрылся мальчик. Однако по азимуту Биденко не пошел, так как хорошо знал, что, двигаясь в лесу без компаса, мальчик непременно начнет забирать вправо.

Это Биденко хорошо знал по опыту. Двигаясь без компаса в темноте или в условиях ограниченной видимости, человек всегда начинает кружить по ходу часовой стрелки.

Поэтому Биденко, немного подумав и сообразившись с временем, повернул несколько направо и бесшумно пошел мальчику наперехват.

«Там-то я тебя, голубчика, и сцапаю», не без удовольствия думал Биденко.

Он живо представлял себе, как он бесшумно выползет из-за куста перед самым носом Вани, возьмет его за руку и скажет: «Хватит, дружок. Погулял в лесу — и будет. Пойдем-ка обратно в машину. Да смотри у меня, больше не балуй. Потому что все равно ничего не получится. Не родился еще на свете тот человек, который бы ушел от ефрейтора Биденко. Так себе это и заметь раз навсегда».

И Биденко весело улыбался этим своим приятным мыслям. По правде сказать, ему не хотелось отвозить мальчика в тыл. Уж очень ему нравился этот синеглазый, заросший русыми волосами, худенький, вежливый и вместе с тем гордый, а временами даже и злой парнишка, настоящий «пастушок».

Ваня вызывал в душе у Биденко очень нежное, почти отцовское чувство. Здесь была и жалость, и гордость, и страх за его судьбу. Было и еще что-то, чего Биденко и сам не вполне понимал.

Ваня как-то незаметно напоминал ефрейтору Биденко его самого, когда он был еще совсем маленький и его посылали пасти коров.

Смутно вспоминалось раннее утро, туман, разлитый, как молоко, по яркозеленому лугу. Вспоминались разноцветные искорки росы — яркозеле-

ные, яркофиолетовые, огненно-красные — и в руках у него вырезанная из бузины сопилка, из которой он выдувал такие чистые, такие нежные, веселые и вместе с тем однообразные звуки.

Особенно же ему полюбился Ваня после того, как он на полном ходу выпрыгнул из машины.

«Смелый, чертенок! Ничего не боится. Настоящий солдат, — думал Биденко. — Жалко, очень жалко его отвозить. Да ничего не поделаешь. Приказано».

Размышляя таким образом, разведчик все шел да шел, углубляясь в лес. По его расчетам, он уже давно должен был встретить мальчика. Но мальчик не показывался.

Биденко часто останавливался, прислушиваясь к тишине осеннего леса. Впрочем, его опытному слуху лес не казался совсем тихим. Биденко различал в лесу множество различных, еле уловимых звуков. Но среди них ни разу не услышал он звука человеческих шагов.

Мальчик пропал.

Нигде не было ни малейших его следов. Напрасно Биденко осматривал каждый кустик, каждый ствол. Напрасно он ложился на землю, изучая опавшие листья, травинки и мох. Нигде — ничего. Можно было подумать, что мальчик шел по воздуху.

Биденко готов был поручиться, что ни один даже самый искусный разведчик не прошел бы так незаметно.

В некотором смущении Биденко бродил по лесу, меняя направление. Он ломал себе голову над необъяснимым отсутствием всяких следов мальчика.

Один раз он даже унизился до того, что маленько покричал лживым, бабьим голосом:

— Ванюшка-а-а! Ау-у-у! Полно балова-а-ать!
Пора еха-а-ать!

И тут же сам себе стал противен.

Он посмотрел на часы и увидел, что ищет мальчика уже больше двух часов. Тогда ему стало ясно, что мальчик ушел, что его уже не вернешь.

Никогда в жизни старый разведчик не испытывал еще такого конфуза. Как же он теперь будет докладывать сержанту Егорову? Как он ему в глаза посмотрит? О товарищах и говорить нечего: засмеют. Впору хоть сквозь землю провалиться.

Но делать было нечего. Не бродить же здесь до ночи, как леший.

Биденко справился с компасом и, кряхтя, пошел обратно к машине. Однако машины, как он того и ожидал, уже не было. Она уехала. Водитель, выполнявший срочное боевое задание, не имел права дожидаться так долго. Да, в сущности, машина была теперь и ни к чему. Приходилось возвращаться.

Но, прежде чем тронуться в обратный путь, Биденко решил покурить и перемотать портянки.

Он отыскал в лесу подходящий пенек и сел на него. Но только он сделал козью ножку и, осторожно потряхивая кисет, стал насыпать махорку, как вдруг что-то зашуршало по веткам, и сверху ему на голову свалился какой-то предмет.

Ему показалось, что это какая-то птица. Но, посмотрев, Биденко ахнул. Это был тот самый старый букварь без переплета, который носил в своей торбе пастушок.

Тогда Биденко посмотрел вверх и увидел на самой верхушке, среди зеленых кистей, знакомые коричневые домотканые портки, из которых торчали босые ноги, грязные, как картошка.

В тот же миг Биденко вскочил, как ужаленный, швырнул на землю кисет с махоркой, недоделанную козью ножку и даже приготовленную зажигалку и в одну минуту был уже на дереве.

Ваня не шевелился. Биденко подтянулся к нему на руках и увидел, что мальчик спит. Он сидел верхом на желто-розовом смолистом суке, обняв чешуйчатый лиловый ствол и, прислонив к нему голову, спал глубоким детским сном. Тень ресниц лежала на его голубоватых щеках, а на губах, обметанных лихорадкой, застыла чуть заметная невинная улыбка. При этом мальчик даже немножко похрапывал.

Биденко сразу понял все. Пастушок обвел его вокруг пальца самым невинным и самым простым образом. Вместо того чтобы бегать от разведчика по всему лесу, Ваня сейчас же, как только скрылся из виду, взобрался на высокое дерево и решил пересидеть суматоху, а потом спокойно спуститься вниз и уйти своей дорогой. Если бы не букварь, упавший из распоровшейся торбы, несомненно так бы оно и было.

«Ах, хитрый! Ну же, я вам скажу, и лисица! Ничего не скажешь — силён!» с восхищением подумал Биденко, любуясь Ваней.

Биденко осторожно и крепко обнял мальчика за плечи, близко заглянул в его спящее лицо и ласково сказал:

— Пойдем-ка, брат пастушок, вниз.

Ваня быстро открыл глаза, увидел солдата, рванулся. Но Биденко держал его крепко.

Мальчик сразу понял, что ему не вырваться.

— Ладно уж, — сказал он сумрачным голосом, хрипловатым со сна.

Минут через пять, подобрав букварь, махорку и зажигалку, они уже шли по лесу, разыскивая дорогу, где можно было сесть на попутную машину, идущую во второй эшелон фронта.

Ваня шел впереди, а Биденко — на шаг сзади, ни на секунду не спуская с мальчика глаз.

— Хватит, дружок, — говорил Биденко назидательно, — погулял в лесу — и будет. Потому что все равно ничего не получится. Не родился еще на свете такой человек, который бы от меня ушел. Так себе это и запомни.

— Неправда ваша, — сердито отвечал Ваня, не оборачиваясь. — Кабы не мой букварь, вы бы меня сроду не поймали.

— Небось, поймал бы.

— Неправда ваша.

— Верно говорю. От меня еще никто не уходил.

— А я ушел.

— Не ушел бы.

— Если бы да кабы.

— Вот тебе и «да кабы»!

— Неправда ваша.

— Заладил одно.

— Неправда ваша. Неправда ваша, — упрямо повторял Ваня.

— Весь бы лес прочесал, а нашел.

— Чего же вы не прочесали?

— Стало быть, не прочесал. Много будешь спрашивать — язык измочалишь. Я бы тебя по приметам нашел.

— Чего же вы меня не нашли?

— Я тебя нашел.

— Неправда ваша. Я вас хитрее. Вы меня по компасу искали — и то не нашли.

— Чего языком треплешь! Когда я тебя по компасу искал?

— А вот искали. Вы меня не видели, а я с дерева все видел.

— Чего же ты видел?

— Видел, как вы на мой след компас направляли.

«Вот чертенок, все он замечает!» подумал Биденко почти с восхищением. Но сказал строго:

— Это, брат, не твоего ума дело. Я только по компасу определялся, чтобы машину не потерять. А тебя это не касается.

Тут Биденко немного покривил душой. Но это ему все равно не помогло.

— Неправда ваша, — сказал Ваня неумолимо. — Вы меня по компасу ловили. Я знаю. Только вам это не удалось, потому что я вас обхитрил. А я бы вас без всякого компаса за полчаса нашел в каком хотите лесу, хоть днем, хоть ночью.

— Ну, браток, это ты чересчур хватил.

— Давайте спорить.

— Стану я еще с тобой спорить! Молод.

— Ну давайте так испытаем. Без спора. Вы мне завяжите чем-нибудь глаза да уйдите от меня в лес. А я минут через пяток начну вас искать.

— Ну и не найдешь.

— А вот найду.

— Никогда!

— Испытаем.

— А ну, давай! — воскликнул Биденко, в котором вдруг вспыхнул азарт разведчика. — Нипочем не найдешь! погоди... — сказал он вдруг подозрительно. — Это что же получается? Я от тебя в лес уйду, а ты в это время от меня опять убежишь?

Э, нет, малый, больно ты хитер, как я на тебя посмотрю.

Ваня усмехнулся:

— Бойтесь, что уйду?

— Ничего я не боюсь, — хмуро сказал Биденко, — а просто чересчур много ты болтаешь. Через тебя у меня уже голова болит.

— Вы не бойтесь, — сказал мальчик весело, — я от вас и так все равно уйду.

И такая глубокая уверенность, такое непреклонное решение послышалось ефрейтору Биденко в этих веселых словах, что он хотя и промолчал, но решил про себя все время быть начеку.

Мальчик бодро топал впереди Биденко своими крепкими босыми ногами и, как бы платя за обиду, которую ему нанесли разведчики, вызывающе повторял:

— Вот уйду! Хоть вы меня привяжите к себе. Вот все равно уйду.

— А что ж ты думаешь? И привяжу. У меня это недолго. Посмотрим, как ты тогда уйдешь.

Биденко задумался.

— Ей-богу, — вдруг решительно сказал он, — вот, ей-богу же, возьму веревку и привяжу!

У Биденко действительно, как у каждого запасливого разведчика, всегда при себе имелось метров пять тонкой и крепкой веревки. И он начал подумывать всерьез, не привязать ли Ваню к себе, когда они сядут в машину. Ехать предстояло довольно далеко. В дороге можно было бы хорошо вздремнуть. А как тут вздремнешь, если мальчишка может каждую минуту сигануть через борт!

«А что, в самом деле, — думал Биденко, — привяжу — и кончено дело. А потом, как приедем на место, отвяжу. Ничего с ним не сделается».

И действительно, когда вышли на дорогу и забрались в попутную машину, Биденко достал из кармана аккуратно свернутую веревку.

— Ну, держись, пастушок, сейчас я тебя привязывать буду, — весело сказал он, стараясь разыграть дело в шутку, чтобы не оскорбить мальчика.

Но Ваня и не подумал обидеться. Он легко принял этот якобы шутливый тон и ответил в таком же духе:

— Привязывайте, дяденька, привязывайте. Только делайте узел покрепче, чтобы я не развязал.

— Моего, брат, узла не развяжешь. У меня двойной морской.

С этими словами Биденко крепко, но не больно привязал конец веревки двойным морским узлом к Ваниной руке повыше локтя, а другой конец обмотал вокруг своего кулака.

— Теперь, брат пастушок, плохо твое дело. Не убежишь.

Мальчик промолчал. Он прикрыл ресницами глаза, в которых неистово прыгали синие искры.

Грузовик попался очень хороший, большой, крытый брезентом — новенький американский «студебеккер». Он шел порожняком до самого места. Сперва Биденко и Ваня были в нем единственные пассажиры. Они очень удобно устроились на пустых мешках, у самой кабинки водителя, где почти не трясло.

Биденко несколько раз пытался заговаривать с мальчиком, но Ваня все время упорно молчал.

«Смотрите, пожалуйста, какой гордый! — думал с умилением Биденко. — Маленький, а злой. Самостоятельный у паренька характер. Видать, немало хлебнул в жизни».

И Биденко опять стали представляться далекие картины его детства.

Тем временем у каждого контрольно-проверочного пункта в машину подсаживались все новые и новые люди. Скоро машина переполнилась.

Здесь были солдаты с переднего края, только что из боя. Их сразу можно было узнать по шлемам и коротким грязным плащ-палаткам, завязанным на шее и висящим сзади длинным углом.

Было два интенданта в тесных шинелях с узкими серебряными погончиками и в новеньких, твердых фуражках.

Была девушка из Военторга, в макинтоше, в коротких керзовых сапогах, с круглым пунцовым лицом, выглядывающим из платка, завязанного по-бабьи, как кочан капусты.

Было несколько веселых летчиков-истребителей. Они все время курили папиросы из толстых прозрачных портсигаров, сделанных на авиационном заводе из отходов бронестекла.

Была женщина — военный хирург, толстая, пожилая, в круглых очках и в синем берете, плотно натянутом на седую, коротко остриженную голову.

Словом, были все те люди, которые обычно передвигаются по военным дорогам на попутных машинах.

Стемнело.

По брезентовой крыше зашумел дождь. Ехать было еще далеко. И люди стали помаленьку засыпать, устраиваясь кто как мог.

Стал засыпать и ефрейтор Биденко, положив под голову кулак с намотанной на него веревкой. Однако сон его был чуток. Время от времени он просыпался и подергивал за веревку.

— Ну, что вам надо? — сонно отзывался Ваня. — Я еще тут.

— Спишь, пастушок?

— Сплю.

— Ладно. Спи. Это я так: проверка линии.

И Биденко засыпал опять.

Один раз ему почудилось вдруг, что Вани возле него нет. Биденко сел, торопливо подергал за веревку, но не получил никакого ответа. Холодный пот прошиб ефрейтора. Он вскочил на колени и засветил электрический фонарик, который все время держал наготове.

Нет. Ничего. Все в порядке. Ваня попрежнему спал рядом, прижав к животу колени. Биденко осветил ему в лицо. Оно было спокойно и невинно. Сон его был так крепок, что даже свет электрического фонарика, наставленного в упор, не мог его разбудить.

Биденко потушил фонарик и вспомнил ту ночь, когда они нашли Ваню. Тогда ему тоже посветили в лицо фонариком. Но какое у него тогда было лицо: измученное, больное, костлявое, страшное. Как он тогда сразу весь вздрогнул, встрепенулся. Как дико открылись его глаза. Какой ужас отразился в них.

Ведь это было всего несколько дней тому назад. А теперь мальчик спит себе спокойно и видит приятные сны. Вот что значит попасть наконец к своим. Верно люди говорят, что в родном доме и стены лечат.

Биденко лег и под мерное подскакиванье грузовика снова задремал.

На этот раз он проспал довольно долго и спокойно. Но все же, проснувшись, не забыл подергать за веревку.

Ваня не откликался.

«Спит, небось, — подумал Биденко. — Слава богу, утомился».

Биденко перевернулся на другой бок, немножко опять поспал, потом опять на всякий случай подергал за веревку.

— Слушайте, я не понимаю, что тут делается? Когда это наконец кончится? — раздался в темноте сердитый женский бас. — Почему ко мне привязали какую-то веревку? Почему меня дергают? Кто мне все время не дает спать?

Биденко похолодел.

Он зажег электрический фонарик, и в глазах у него потемнело. Мальчика не было. А веревка была привязана к сапогу женщины-хирурга, которая сидела на полу, грозно сверкая очками, в упор освещенными электрическим фонариком.

— Эй, остановись! — заорал Биденко страшным голосом, изо всех сил барабанив кулаком в кабину водителя.

Не дожидаясь остановки, он ринулся по чьим-то рукам, ногам и головам, по вещевым мешкам и чемоданам к выходу. Он одним махом перескочил через высокий борт и очутился на шоссе.

Ночь была черная, непроглядная. Хлестал холодный дождь. На западном горизонте мелькали отражения далекого артиллерийского боя.

По шоссе в ту и другую сторону проносились десятки, сотни грузовых и легковых машин, транспортеры, тягачи, пушки, бензозаправщики. Они бегло освещали своими фарами черные лужи, покрытые белыми сверкающими кругами и пузырьками ливня.

Биденко постоял некоторое время, слегка расставив руки и ноги. Потом он изо всех сил плюнул и сказал:

— А, пошло оно все к чорту!

И не торопясь побрел назад, к ближайшему регулировщику, для того чтобы там сесть на попутную машину, идущую в сторону переднего края.

9

— А ну, хлопчик, отойди от калитки. Здесь посторонним стоять не положено.

— Я не посторонний.

— А какой же ты?

— Я свой.

— Какой свой?

— Советский.

— Мало что советский. Говорю, не положено. Стало быть, не положено. Проходи своей дорогой.

— А здесь, дяденька, штаб?

— Что бы ни было.

— Мне к начальнику надо.

— К какому тебе начальнику?

— К самому главному.

— Ничего не знаю. Проходи.

— Пустите, дяденька. Что вам стоит?

— Ступай. Мне с тобой разговаривать не приходится. Не видишь — я на посту.

— А вы со мной, дяденька, и не разговаривайте. Пропустите меня к начальнику — и ладно.

— Ишь ты, какой шустрый! — сказал часовой, усмехаясь, и вдруг, нахмурившись, крикнул: — Нету здесь никакого начальника!

— А вот неправда ваша. Есть начальник.

— Ты почему знаешь?

— Сразу видать. Изба хорошая. Лошади под седлами во дворе стоят. Самовар в сени тетенька понесла. Часовой у калитки.

— Все он видит! Больно ты шустрый, как я на тебя посмотрю.

— Пустите, дяденька!

— А вот я сейчас дам свисток, вызову караульного начальника, он тебя живо отсюда заберет.

— Куда заберет?

— Куда надо. Ну! Кому я говорю? Отойди от калитки. Не положено. Вот тебе и весь сказ.

Ваня отошел в сторону. Он сел на старый мельничный жорнов, положил подбородок на кулаки и стал терпеливо ждать, не спуская глаз с калитки.

Часовой поправил на шее ремень автомата и продолжал ходить взад-вперед по палисаднику, мягко ступая белыми валенками, подшитыми оранжевой кожей.

Убежав второй раз от Биденко, Ваня стал разыскивать тот лес, где находилась палатка разведчиков. Никакого определенного плана у Вани не было. Его тянуло к тем людям-разведчикам, которые сперва обошлись с ним так хорошо, так ласково.

То, что они отправили его в тыл, казалось мальчику большим недоразумением, которое можно легко уладить. Стоит только еще раз хорошенько попросить.

Однако, как ни хорошо умел мальчик различать местность и находить дорогу, ему никак не удавалось отыскать тот лес и ту палатку. Слишком все передвинулось на запад. Слишком все переменялось, стало неузнаваемым.

Ваня знал, что бродит где-то поблизости, может быть даже рядом. Но ни того леса, ни той палатки не было. Похоже, что лес был тот. Но теперь он был совсем пуст и палатка в нем не находилась.

Двое суток бродил мальчик по каким-то неизвестным ему, новым военным дорогам и гáтям, по сожженным деревьям, расспрашивая встречных военных, как ему найти палатку разведчиков. Но так как он не знал, что это за разведчики, какой они части, то никто ничего сказать не мог.

Кроме того, все военные были люди крайне недоверчивые, молчаливые.

Чаще всего на Ванины вопросы они отвечали:

— Не знаю.

— А тебе зачем?

— Ступай к коменданту.

— Не положено.

И все в таком же духе.

Ваня совсем было отчаялся и уже подумывал, не податься ли на самом деле в какой-нибудь тыловой город, не попроситься ли там в детский дом.

Он бы, наверное, в конце концов так и сделал, несмотря на все свое упрямство, если бы вдруг не встретился с одним мальчиком.

Мальчик этот был не намного старше Вани. Ему было лет четырнадцать. А по виду и того меньше. Но, боже мой, что это был за мальчик!

Сроду еще не видал Ваня такого роскошного мальчика. На нем была полная походная форма гвардейской кавалерии: шинель — длинная до пят, как юбка; круглая кубанская шапка черного барашка с красным верхом; погоны с маленькими стременами, перекрещенными двумя шашками; шпоры — и, как венец всего этого воинского великолепия, яркоалый башлык, небрежно закинутый за спину.

Лихо откинув чубатую голову, мальчик чистил небольшую казацкую шашку, почти до самой рукоятки втыкая клинок в мягкую лесную землю.

К такому мальчику даже страшно было подойти, не то что с ним разговаривать. Однако Ваня был не робкого десятка. С независимым видом он приблизился к роскошному мальчику, расставил босые ноги, заложил руки за спину и стал его рассматривать.

Но военный мальчик и бровью не повел. Не обращая на Ваню никакого внимания, он продолжал свое воинственное занятие. Изредка он озабоченно сплевывал сквозь зубы.

Ваня молчал. Молчал и мальчик. Это продолжалось довольно долго. Наконец военный мальчик не выдержал.

— Чего стоишь? — сказал он сумрачно.

— Хочу и стою, — сказал Ваня.

— Иди, откуда пришел.

— Сам иди. Не твой лес.

— А вот мой!

— Как?

— Так. Здесь наше подразделение стоит.

— Какое подразделение?

— Тебя не касается. Видишь — наши кони.

Мальчик мотнул чубатой головой назад, и Ваня действительно увидел за деревьями коновязь, лошадей, черные бурки и алые башлыки конников.

— А ты кто такой? — спросил Ваня.

Мальчик небрежно, со щегольским стуком кинул клинок в ножны, сплюнул и растер сапогом.

— Знаки различия понимаешь? — сказал мальчик насмешливо.

— Понимаю! — дерзко сказал Ваня, хотя ничего не понимал.

— Ну так вот, — строго сказал мальчик, показывая на свой погон, поперек которого была нашита белая лычка. — Ефрейтор гвардейской кавалерии. Понятно?

— Да! Ефрейтор! — с оскорбительной улыбкой сказал Ваня. — Видали мы таких ефрейторов. Мальчик обидчиво мотнул белым чубом.

— А вот представь себе, ефрейтор! — сказал он.

Но этого показалось ему мало. Он распахнул шинель. Ваня увидел на гимнастерке большую серебряную медаль на серой шелковой ленточке.

— Видал?

Ваня был подавлен. Но он и виду не подал.

— Великое дело! — сказал он с кривой улыбкой, чуть не плача от зависти.

— Великое не великое, а медаль, — сказал мальчик, — за боевые заслуги. И ступай себе, откуда пришел, пока цел.

— Не больно модничай. А то сам получишь.

— От кого? — прищурился роскошный мальчик.

— От меня.

— От тебя? Молод, брат.

— Не моложе твоего.

— А тебе сколько лет?

— Тебя не касается. А тебе?

— Четырнадцать, — сказал мальчик, слегка привирая.

— Ге! — сказал Ваня и свистнул.

— Чего — «ге»?

— Так какой же ты солдат?

— Обыкновенный солдат. Гвардейской кавалерии.

— Толкуй! Не положено.

— Чего не положено?

— Больно молод.

— Постарше тебя.

— Все равно не положено. Таких не берут.

— А вот меня взяли.

- Как же это тебя взяли?
- А вот так и взяли.
- А на довольствие зачислили?
- А как же.
- Заливаешь.
- Не имею такой привычки.
- Побожись.
- Честное гвардейское.
- На все виды довольствия зачислили?
- На все виды.
- И на... приварок? — неуверенно произнес

Ваня.

- И на приварок!
- Ге!
- Вот тебе и «ге».
- И оружие дали?
- А как же! Все, что положено. Видал мою шашечку? Знатный, братец, клинок. Златоустовский. Его, если хочешь знать, можно колесом согнуть, и он не сломается. Да это что! У меня еще бурка есть. Бурочка что надо. На красоту. Но я ее только в бою надеваю. А сейчас она за мной в обозе ездит.

Ваня проглотил слюну и довольно жалобно посмотрел на обладателя бурки, которая ездит в обозе.

— А меня не взяли, — убито сказал Ваня. — Сперва взяли, а потом сказали — не положено. Я у них даже один раз в палатке спал. У разведчиков, у артиллерийских.

— Стало быть, ты им не показался, — сухо сказал роскошный мальчик, — раз они тебя не захотели принять за сына.

— Как это за сына? За какого?

— Известно, за какого. За сына полка. А без этого не положено.

— А ты — сын?

— Я — сын. Я, братец, у наших казачков уже второй год за сына считаюсь. Они меня еще под Смоленском приняли. Меня, братец, сам майор Вознесенский на свою фамилию записал, поскольку я являюсь круглая сирота. Так что я сейчас называюсь гвардии ефрейтор Вознесенский и служу при майоре Вознесенском связным. Он меня, братец мой, один раз даже вместе с собой в рейд взял. Там наши казачки ночью большой шум в тылу у немцев сделали. Как ворвутся в одну деревню, где стоял немецкий штаб, а немцы как выскочат на улицу в одних подштанниках! Вот было смеху! Мы их там больше чем полторы сотни набили. Рубали — все равно как капусту.

Мальчик вытащил из ножен свою шашку и показал Ване, как они рубали немцев.

— И ты рубал? — с дрожью восхищения спросил Ваня.

Мальчик хотел сказать «а как же», но, как видно, гвардейская совесть удержала его.

— Не, — сказал он смущенно. — Правду сказать, я не рубал. У меня тогда еще шашки не было. Я только на тачанке ехал вместе со станковым пулеметом... Ну и, стало быть, иди, откуда пришел, — сказал вдруг ефрейтор Вознесенский, спохватившись, что слишком дружески болтает с этим неизвестно откуда взявшимся, довольно-таки подозрительным гражданином. — Прощай, брат.

— Прощай, — уныло сказал Ваня и побрел прочь.

«Стало быть, я им не показался», с горечью подумал он. Но тотчас всем своим сердцем почувствовал, что это неправда. Нет, нет. Сердце его не могло обмануться. Сердце говорило ему, что он крепко полюбился разведчикам. А всему виной

командир батареи капитан Енакиев, который его даже в глаза никогда не видел.

И тогда у Вани явилась мысль итти добиться до какого-нибудь самого главного начальника и пожаловаться на капитана Енакиева.

Таким-то образом он в конце концов и набрел на избу, где, по его предположению, помещался какой-то высокий начальник.

Он сидел на мельничном жорнове и, не спуская глаз с избы, терпеливо ждал, не покажется ли этот начальник.

Через некоторое время на крыльцо вышел, надевая замшевые перчатки, офицер и крикнул:

— Соболев, лошадь!

10

Судя по той быстроте и готовности, с которой из-за угла выскочил солдат, ведя на поводу двух оседланных лошадей, мальчик сразу понял, что это начальник, если не самый главный, то, во всяком случае, достаточно главный, чтобы справиться с капитаном Енакиевым.

Это же подтверждали и звездочки на погонах. Их было очень много: по четыре штучки на каждом золотом погоне, не считая пушечек.

«Хоть и не старь, а, небось, уже генерал», решил Ваня, с почтением рассматривая тонкие, хорошо начищенные сапоги со шпорами, старенькую, но необыкновенно ладно пригнанную походную офицерскую шинель, электрический фонарик на второй пуговице, бинокль на шее и полевую сумку с компасом.

Солдат вывел лошадей на улицу через ворота и поставил их перед калиткой. Офицер подошел к

своей лошади, но, прежде чем на нее сесть, весело потрепал ее по крепкой атласной шее и дал ей кусочек сахара.

Судя по всему, у него было прекрасное настроение.

Когда нынче его вызвал к себе командир полка, то он, признаться, был немного встревожен. Как бывает в подобных случаях, он ожидал разноса, хотя никаких упущений по службе за собой не чувствовал.

Однако строгий командир полка не только не сделал ему никакого замечания, но даже отметил хорошую работу его батареи и приказал представить к награждению человек десять артиллеристов, отличившихся в последнем бою. В особенности же было приятно то, что полковник — человек суховатый и скупой на похвалы — высоко оценил именно тот внезапный, сокрушительный огневой налет на немецкий танковый резерв, который так тщательно продумал и подготовил капитан Енакиев и который в конечном счете решил дело.

Полковник напоил капитана чаем из своего походного самовара, что считалось в полку величайшей честью. Он проводил капитана Енакиева до сеней и на прощанье сказал еще раз:

— В общем, хорошо воюете. Молодцом, капитан Енакиев.

На что капитан Енакиев, смущенно покраснев, ответил:

— Служу Советскому Союзу, товарищ полковник!

Все это было необыкновенно приятно, и капитан Енакиев предвкушал удовольствие, с которым он передаст своим офицерам мнение командира полка об их батарее.

— Дяденька!—услышал он вдруг чей-то голос. Он повернулся и увидел Ваню, который стоял перед ним, вытянув руки по швам, и не мигая смотрел стоячими синими глазами.

— Разрешите обратиться, — сказал Ваня, стараясь как можно больше походить на солдата.

— Ну что ж, обратись, — сказал капитан весело.

— Дяденька, вы начальник?

— Да. Командир. А что?

— А вы над кем командир?

— Над батареей командир. Над солдатами своими командир. Над пушками своими.

— А над офицерами вы тоже командир?

— Смотря над какими. Над своими офицерами, например, тоже командир.

— А над капитанами вы тоже командир?

— Над капитанами я не командир.

Глубокое разочарование отразилось на лице мальчика.

— А я думал, вы и над капитанами командир!

— Для чего тебе это?

— Надо.

— Ну, а все-таки?

— Если вы над капитанами не командир, то и толковать нечего. Мне надо, дяденька, такого командира, чтобы он мог всем капитанам приказывать.

— А что надо всем капитанам приказывать? Это интересно.

— Всем капитанам не надо приказывать. Одному только надо.

— Кому же именно?

— Енакиеву, капитану.

— Как, как ты сказал? — воскликнул капитан Енакиев.

— Енакиеву.

— Гм... Что же это за капитан такой?

— Он, дяденька, над разведчиками командует. Он у них самый старший. Что он им велит, то они все исполняют.

— Над какими разведчиками?

— Известно, над какими: над артиллерийскими. Которые немецкие огневые точки засекают. Ух, дяденька, и сердитый же их капитан! Прямо беда.

— А ты видел когда-нибудь этого сердитого капитана?

— То-то и беда, что не видел.

— А он тебя видел?

— И он меня не видел. Он только приказал меня в тыл отвезти и коменданту сдать.

Офицер прищурился и с любопытством посмотрел на мальчика.

— Постой. Погоди... Звать-то тебя как?

— Меня-то? Ваня.

— Просто — Ваня? — улыбнулся офицер.

— Ваня Солнцев, — поправился мальчик.

— Пастушок?

— Верно! — с изумлением воскликнул Ваня. — Меня разведчики пастушком прозвали. А вы почему знаете?

— Я, брат, все знаю, что у капитана Енакиева в батарею делается. А скажи-ка мне, друг любезный, каким это манером ты здесь очутился, если капитан Енакиев приказал отвезти тебя в тыл?

В глазах мальчика мигнули синие озорные искры, но он тотчас опустил ресницы.

— А я убежал, — скромно сказал он, стараясь всем своим видом изобразить смущение.

— Ах, вот как! Как же ты убежал?

— Взял да и убежал.

— Так сразу взял да так сразу и убежал?

— Нет, не сразу, — сказал Ваня и почесал ногу об ногу, — я два раза от него убегал. Сначала я убежал, да он меня нашел. А уж потом я так убежал, что он меня уж и не нашел.

— Кто это он?

— Дяденька Биденко. Ефрейтор. Разведчик ихний. Может, знаете?

— Слыхал, слыхал, — хмурясь еще сильнее, сказал Енакиев. — Только что-то мне не верится, чтобы ты убежал от Биденко. Не такой он человек. По-моему, голубь, ты что-то сочиняешь. А?

— Никак нет, — сказал Ваня вытягиваясь. — Ничего не сочиняю. Истинная правда.

— Слыхал, Соболев? — обратился капитан к своему коневоду, который с живейшим интересом слушал разговор своего командира с мальчишкой.

— Так точно, слыхал.

— И что же ты скажешь? Может это быть, чтобы мальчик убежал от Биденко?

— Да никогда в жизни! — с широкой, блаженной улыбкой воскликнул Соболев. — От Биденко ни один взрослый не убежит, а не то что этот пистолет. Это он, товарищ капитан, извините за такое выражение, просто мало-мало заливаает.

Ваня даже побледнел от обиды.

— С места не сойти! — твердо сказал он и метнул на коневода взгляд, полный холодного презрения и достоинства.

Потом, весь вспыхнув и залившись румянцем, он стал быстро-быстро, пятое через десятое, рассказывать, как он обхитрил старого разведчика.

Когда он дошел до места с веревкой, капитан не стал более сдерживаться. Он смахнул перчаткой слезы, выступившие на глазах, и захохотал таким громким, басистым смехом, что лошади

навострили уши и стали тревожно подтанцовывать. А Соболев, не смея в присутствии своего командира смеяться слишком громко — это было не положено! — только крутил головой и прыскал в кулак и все время повторял:

— Ай, Биденко! Ай, знаменитый разведчик! Ай, профессор!

Когда же Ваня стал рассказывать о встрече с военным мальчиком, капитан Енакиев вдруг помрачнел, задумался, стал грустным.

— Они меня, говорит, за своего сына приняли, — возбужденно рассказывал Ваня про военного мальчика, — я у них теперь, говорит, сын полка. Я, говорит, с ними один раз даже в рейд ходил, на тачанке сидел вместе со станковым пулеметом. Потому что я своим, говорит, показался. А ты своим, говорит, верно не показался. Вот они тебя и отослали.

Тут Ваня крупно глотнул воздух и жалобно посмотрел в глаза капитану своими наивными престелными глазами.

— Только он это врет, дяденька, что будто я своим не показался. Я-то своим показался. Верно говорю. Они меня жалели. Да только они ничего поделаться не могли против капитана Енакиева.

— Что ж, выходит дело, что ты всем «показался», только одному капитану Енакиеву «не показался»?

— Да, дяденька, — сказал Ваня, виновато мигая ресницами. — Всем показался, а капитану не показался. А он меня даже ни разу и не видел. Разве это можно судить человека, не выдавши? Кабы он меня разок посмотрел, может быть я бы ему тоже показался. Верно, дяденька?

— Ты так думаешь? — сказал капитан усмехнувшись. — Ну, да ладно. Поглядим.

Он решительно поставил ногу в стремя и сел на лошадь.

— В ночное с ребятами ездил? — строго спросил он, улыбаясь глазами и разбирая поводья.

— Как не ездил! Ездил, дяденька.

— На лошади удержишься? А ну-ка, Соболев, бери его к себе.

И не успел Ваня моргнуть, как сильные руки коневода подхватили его с земли и посадили впереди себя на лошадь.

— К разведчикам! — скомандовал капитан Енакиев, и они помчались галопом.

— От Биденко ушел, а от меня, брат, не уйдешь, — сказал ординарец, крепко, но осторожно прижимая к себе мальчика.

— А я сам не хочу, — сказал Ваня весело.

Он чувствовал, что в его судьбе происходит какая-то очень важная, счастливая перемена.

Подъехав к блиндажу разведчиков, капитан спрыгнул с лошади и бросил поводья коневоду.

— Дожидайтесь, — сказал он и, быстро бреща шпорами, сбежал по ступенькам вниз.

11

Все разведчики были в сборе и как раз в это самое время играли в козла. Они с таким азартом хлопали костями по столу, что можно было подумать, будто в блиндаже палят из пистолетов.

— Встать, смирно! — крикнул дневальный, увидав входящего командира батареи.

Разведчики резво вскочили на ноги, побросав кости на стол.

А ефрейтор Биденко, который в этот день был дежурным по отделению, как положено — в голов-

ном уборе и при оружии, — чортом подскочил к капитану и отрапортовал:

— Товарищ капитан! Команда разведчиков взвода управления вверенной вам батарее. Команда находится в резерве. Люди отдыхают. Во время дежурства никаких происшествий не случилось. Дежурный ефрейтор Биденко.

— Здравствуйте, артиллеристы!

— Здравия желаем, товарищ капитан! — дружно крикнули разведчики.

После этого капитан Енакиев обычно командовал «вольно» и разрешал продолжать заниматься своим делом. Но на этот раз он молча сел на подставленный ему табурет и довольно долго рассматривал трофейную картину «Весна в Германии».

Батарейцы хорошо изучили своего командира. Достаточно было посмотреть на его нахмуренные брови под прямым козырьком артиллерийской фуражки, достаточно было увидеть его прищуренные глаза, тронутые вокруг суховатыми морщинками, и твердые губы, сложенные под короткими усами в неопределенную, холодную улыбку, чтобы понять, что без хорошего «дрозда» нынче дело не обойдется.

— Стало быть, никаких происшествий не случилось? — сказал капитан Енакиев, помахивая по столу снятой перчаткой.

Биденко молчал, сразу сообразив, куда гнет командир батареи.

— Что ж вы молчите?

— Разрешите доложить...

— Можете не докладывать. Известно. Хорош у меня разведчик, которого мальчишка вокруг пальца обвел! Командиру отделения докладывали?

— Так точно. Докладывал.

— Ну и что же?

— Командир отделения мне наряд не в очередь дал.

— Мало. Доложите ему, что я приказал от себя еще два наряда прибавить. Итого — три.

— Слушаюсь.

Капитан Енакиев некоторое время не спускал глаз с вытянувшихся перед ним солдат.

— Садитесь, орлы, — наконец сказал он, расстегивая шинель и давая этим понять, что официальный разговор кончен и теперь разрешается держать себя по-семейному. — Отдыхайте. Слышал я, что вы мужички хозяйственные, будто у вас завелся какой-то необыкновенный пензенский самосад. Вы бы меня угостили, что ли!

Не успел он это сказать, как пять кисетов протянулись к нему, пять нарезанных газетных бумажек и пять зажигалок, готовых вспыхнуть по первому его знаку.

Отовсюду слышались голоса:

— Моего возьмите, товарищ капитан. Мой будто малость послабже.

— Моего попробуйте, мой с можжевельником.

— Разрешите, товарищ капитан, я вам скручу. Против меня тоньше никто не скрутит.

— Может быть, легкого табачку желаете? У меня сухумский, любительский, сладкий, как финик.

— Богато живете, богато живете, — говорил капитан, неторопливо примеряясь, у кого бы взять табачку. — А ты, Биденко, ты зря свой кисет подставляешь. У тебя я все равно не возьму. Накуришься твоего табачку, а потом, чего доброго, проспишь все на свете.

— Верно, — подмигнул Горбунов. — Точно. Это он непременно после своей махорки заснул в машине и пастушка нашего прошляпил.

— На это я и намекаю, — сказал Енакиев.

— Товарищ капитан, — жалобно сказал Биденко, — кабы он был обыкновенный мальчик... А ведь это не мальчик, а настоящий чертенок. Право слово.

— А что, верно — хороший малый? — спросил капитан, затягиваясь пензенским самосадам. — Как он вам, братцы, показался?

— Паренек хоть куда, — сказал Горбунов, улыбаясь той широкой, свойской улыбкой, которой привыкли улыбаться все разведчики, говоря о Ване. — Самостоятельный мальчик. И уж одно слово — прирожденный солдат. Мы бы из него знаменитого разведчика сделали. Да, видно, не судьба.

— Жалко? — сказал капитан Енакиев.

— Да нет, что же. Жалко не жалко... Он, конечно, и в тылу не пропадет. А сказать правду, то и жалко. У него душа настоящая, воинская. Ему в армии самое место.

— А не сочиняешь?

— Чего же тут сочинять! Это сразу заметно. Хотя вам, как нашему командиру батареи, конечно виднее.

— А вы, ребята, почему молчите? — сказал капитан Енакиев, пытливо всматриваясь в солдатские лица. — Как вам показался мальчик?

По лицам разведчиков тотчас разлилась такая дружная улыбка, словно она у них была одна, большая, на всю команду, и они улыбались ею не каждый порознь, а все вместе.

— Смотрите. Думайте. Вам с ним жить, а не мне.

— Подходящий паренек. Одно слово — пастушок, солнышко, — заговорили разведчики, все еще не вполне понимая, куда гнет их капитан.

А он строго посмотрел на них и после некоторого, довольно продолжительного раздумья твердо сказал:

— Ну ладно. Только знайте, что это вам не игрушка, а живая душа. Эй, Соболев! — крикнул он, подойдя к двери. — Давай сюда пастушка.

И когда на пороге, к общему изумлению, появился Ваня, капитан сказал, крепко взяв мальчика за плечо:

— Получайте вашего пастушка. Пусть пока у вас живет. А там увидим.

12

Едва капитан Енакиев вышел из блиндажа, как разведчики окружили Ваню. Всем хотелось поскорее узнать, каким образом все это получилось.

— Пастушок! Друг сердечный! — воскликнул Горбунов.

— Ну, парень, докладывай! — строго сказал Биденко. — Откуда ты взялся? Где тебя черти носили? Как тебя нашел капитан Енакиев?

— Который капитан Енакиев? — сказал Ваня с недоумением.

— А тот самый, кто тебя к нам привез.

— Так нешто это был капитан Енакиев?

— Он самый.

— Батюшки!

— А ты и не знал?

— Откуда ж! — воскликнул Ваня, мигая короткими ресницами. — Кабы я знал... Нет, кабы я

только догадывался... Правда, дяденька, самый это и был капитан Енакиев?

— Разумеется.

— Командир батареи?

— Точно. Самый он.

— Ох, дяденька, неправда ваша!

— Погоди, пастушок, — сияя общей улыбкой команды разведчиков, сказал Горбунов. — Ты лучше нам все по порядку рассказывай.

Но Ваня, видимо, был так взволнован, что не мог связать и двух слов. Восхищенно сияя глазами, он осматривал новый блиндаж, который уже казался ему знакомым и родным, как та палатка, где он первый раз ночевал с разведчиками.

Те же аккуратно разостланные шинели и плащ-палатки, те же вещевые мешки в головах, те же суровые утиральники.

Даже медный чайник на печке и рафинад, который Горбунов уже поспешно выкладывал на стол, были те же.

Правда, трофейная карбидная лампа была другая. Она неприятно резала глаза своим едким химическим светом, который, как и сама лампа, казался трофейным. И мальчик щурился на нее, морща нос и делая вид, что не может вымолвить ни слова.

На самом же деле, если говорить всю правду, Ваня давно уже смекнул, что офицер, с которым он заговорил возле избы, был капитан Енакиев. Только и виду не показал. Недаром же солдаты сразу разглядели в нем прирожденного разведчика. А первое правило настоящего разведчика — лучше знать да молчать, чем не знать да болтать.

Так судьба Вани трижды волшебю обернулась за столь короткое время.

Темный поздний рассвет чуть брезжил над болотами. Среди черных, гнилых лугов, среди дымчатого кустарника, среди полей, покрытых неровными рядами сжатого, но не убранного льна, болота светились бело и слепо, как олово.

Озябшие вороны, ночевавшие в кустарнике, уже проснулись и с голодным карканьем перелетали с места на место. Они лениво двигали крыльями, отяжелевшими от ночной сырости.

В особенно низких местах на земле лежал плотный белый туман. Призрачные верхушки кочек с пучками мертвой травы, казалось плавали на поверхности тумана.

Вокруг, насколько хватал глаз, все было мертво, пустынно, очень тихо. Лишь далеко на востоке туманный воздух время от времени вздрагивал, как будто там мягко, но очень сильно хлопали большой дверью.

Но если бы чей-нибудь опытный глаз особенно внимательно присмотрелся к кочкам, выступающим из тумана, то он бы, возможно, и заметил, что две кочки расположены как-то слишком близко друг к другу. Эти две темные кочки с пучками травы были шлемы Биденко и Горбунова. Вот уже три часа они неподвижно лежали среди трясины, покрывшись плащ-палатками с нашитыми на них пучками почерневшей травы.

Разведчики лежали таким образом, что каждый видел, что делается позади другого. Упершись локтями в топкую землю и чуть приподняв головы, они напряженно всматривались каждый в свою сторону.

Изредка они перекидывались короткими фразами:

- Что-нибудь просматривается?
- Пусто.
- И у меня пусто. Ни живой души.
- Плохо дело.
- Да. Неважно.

Они находились в тылу у немцев, километрах в тринадцати от линии фронта. С каждой минутой их лица делались все серьезнее, озабоченнее.

- Не видать?
- Не видать.

— Давно бы, кажется, пора.

— Слышь, глянь на часы. Мои стали, чорт! Должно, обо что-нибудь стукнул. Сколько времени мы уже дожидаемся?

Горбунов поднес руку с часами к глазам. Он сделал это так плавно, так осторожно, что на его шлеме не шевельнулась ни одна травинка.

— Семь тридцать две. Стало быть, ждем уже больше трех часов.

— Ого!

Минут пятнадцать, если не больше, они молчали.

- Слышь, Вася.
- Да.

— А что как его там захватили немцы?

Горбунов наконец высказал то самое, что уже давно в глубине души мучило Биденко. Но Биденко сумрачно сжал челюсти, от чего темные его скулы обозначились еще резче. Глаза сузились, стали злыми.

— Не каркай! Чем зря языком трепать, наблюдай.

— Я и так наблюдаю. Да что ж, когда пусто.

И снова они надолго замолчали, изо всех сил напрягая зрение. Вдруг Горбунов шевельнулся, чуть приподнял голову.

Это движение было едва заметно. Но оно выражало крайнюю степень волнения. Как у очень дальнозоркого человека, зрачки его глаз сразу резко сократились, стали маленькими, как булавочные головки.

Биденко понял, что Горбунов видит нечто очень важное.

— Что там такое, Кузьма? — тихо, одними губами спросил Биденко.

— Лошадь, — так же тихо ответил Горбунов.

— Наша?

— Кажись, наша. Погоди. Зашла в кусты — не видать. Сейчас выйдет. Машет хвостом. Идет. Вот вышла. Так и есть: наш Серкó!

— Что ты говоришь! — почти крикнул Биденко.

— Серкó. Теперь ясно видать.

— Ну, стало быть сейчас и пастушок покажется. Я ж тебе говорил. А ты каркал!

Не в силах сдержать радостного волнения, Биденко сделал то, чего ни за что не позволил бы себе при других обстоятельствах. Он ловко изменил положение тела и стал смотреть в ту сторону, куда смотрел его друг.

Так как они оба лежали, прижавшись к самой земле, то поле их зрения было очень ограничено. Горизонт казался придвинутым совсем близко. И по горизонту среди дымчатого кустарника медленно брела белая костлявая кляча, припадая на переднюю ногу с раздутым коленом.

Действительно, это был Серкó. Но пастушка возле него не было.

— Отстал малый. Верно, притомился. Сейчас покажется.

— Небось.

И оба разведчика стали прислушиваться, ста-

раясь за хлопаньем разбитых копыт, которые лошадь с трудом вытаскивала из трясины, уловить звуки человеческих шагов. Но человеческих шагов слышно не было.

Тогда Горбунов приложил ладони ко рту и несколько раз покрякал, как дикая утка. Однако никто не отозвался на этот условный звук.

— Не услышал. Ты давай погромче.

Горбунов покрякал громче, но опять никто не откликнулся. Биденко со всевозможной осторожностью, необычайно медленно поднялся, стал на колени.

Горизонт сразу как бы отодвинулся, но на плоском болотистом пространстве, открывшемся перед глазами, попрежнему не было заметно ни одной живой души.

— Балуется парень. Незаметно хочет подобраться, — сказал Биденко, тревожно поглядывая на Горбунова, как бы ища у него подтверждения догадки, которой сам не верил.

Горбунов молчал.

— А ну-ка, Кузьма, покрячь еще. Может, отзовется.

Горбунов снова покрякал. И снова никто не отозвался.

— Ваня-а! Пастушок! — позвал Биденко, забывая всякую осторожность.

— Кричи не кричи, — сумрачно сказал Горбунов, — дело ясное...

Между тем седая кляча продолжала приближаться. Через каждые два шага она останавливалась и опускала длинную, худую шею, для того чтобы ущипнуть желтыми зубами хоть несколько гнилых травинок. С ее морды, поросшей редким седым волосом, свисала длинная резинка слюны. Костлявые ноги дрожали. И над глазами, из кото-

рых один был сплошное бельмо, чернели мягкие глубокие ямины.

— Серкó, Серкó! — тихо позвал Горбунов и осторожно посвистал.

Лошадь устало направила одно ухо и, хромя, побрела к разведчикам. Она остановилась над ними, повесив голову. Так равнодушно, безучастно останавливается лошадь, потерявшая своего хозяина.

— Где же пастушок, Серкó? — спросил Биденко. — Где ты его потерял?

Серкó стоял неподвижно, согнув больную ногу. Его разбитые бабки были облиты черной болотной грязью. Старая кожа, поросшая желтовато-белой шерстью, вздрагивала на ребрах. Мертвенное, перламутровое бельмо с тупой покорностью, слепо смотрело в землю. И только сухой хвост на облысевшей репице тревожно поматывался из стороны в сторону.

Серкó был старая, умная обозная лошадь. Если бы он умел говорить, он многое бы рассказал разведчикам. Но они и так поняли многое. Во всяком случае, они поняли главное: с пастушком случилась беда.

Позавчера в сумерках Биденко и Горбунов вышли в разведку, взяв с собой Ваню. Они взяли его впервые, не доложив по команде, что берут с собой мальчика.

У них было задание как можно дальше проникнуть в расположение противника и разведать дороги, по которым в случае продвижения можно было бы наилучшим образом провести батарею через болота вперед.

Разведчики должны были подыскать хорошие позиции для огневых взводов, отметить наиболее выгодные места будущих наблюдательных пунк-

тов, разведать оборонительные сооружения, а главное, собрать сведения о количестве и расположении немецких резервов. Было бы, разумеется, не худо на обратном пути захватить и привести с собою хорошего «языка» — штабного или артиллерийского офицера. Но это — как бог даст. Мальчика же они взяли с собой за проводника, потому что он отлично знал эту болотистую, труднопроходимую местность.

Впрочем, если бы Ваню к этому времени успели помыть в баньке, остричь и обмундировать, его бы вряд ли взяли в разведку. Но пастушку повезло. Неожиданно, как это всегда бывает на фронте, батарея была брошена из резерва прямо в бой. Опять все смешалось. Тылы отстали. Ни о какой баньке пока не могло быть и речи. И Ваня передвигался со взводом управления в своем натуральном виде — заросший, нечесанный, босой, с холщевой торбой, — прямой деревенский пастушок.

Какому немцу, встретившему такого мальчика у себя в тылу, могло притти в голову, что это неприятельский разведчик? В таком виде Ваня мог пройти куда угодно, не возбуждая никаких подозрений. Лучшего проводника и не придумаешь.

Кроме того, Ваня очень просился. Он так жалобно повторял: «Дяденька, возьмите меня с собой! Ну что вам стоит? Я здесь каждый кустик знаю. Я вас так проведу, что ни один немец не заметит. Вы мне только спасибо скажете. Дяденька!»

Он ходил за разведчиком по пятам. Он так умиленно и с такой надеждой смотрел в глаза своими открытыми, ясными глазами. Он так робко трогал за рукав... Одним словом, они его взяли на свой риск. Но взяли они его не просто.

Прежде они, как и подобало хорошим разведчикам, обсудили это дело основательно, всесторонне, по-хозяйски. Они решили, что Ваня будет их проводником, и поставили ему точное, строго ограниченное задание.

Это боевое задание заключалось в том, что пастушок должен был идти впереди разведчиков, показывая дорогу и предупреждая об опасности.

Для этого — чтобы Ваня еще больше походил на пастушонка и не имел подозрительного вида человека, шатающегося в немецком расположении без дела — была придумана лошадь. Мальчик должен был вести за собою лошадь, якобы убежавшую и теперь найденную.

Подходящую лошадь добыли у обозников во втором эшелоне полка. Это была старая раненая кляча серой масти, давно уже подлежащая исключению из списков. Звали ее Серко́.

Ваня свил себе из веревки настоящий пастушеский кнут, сделал для своего Серко́ веревочный повод, и после полуночи, ближе к рассвету, трое разведчиков — в их числе и Ваня со своей клячей — без особого труда перешли линию фронта.

Ваня с лошадыю, не таясь, шел впереди, а метрах в ста сзади, один за другим, след в след, осторожно ползли Горбунов и Биденко.

Пройдя таким образом километра четыре, Ваня внезапно наткнулся на немецкий пикет.

Было бы неправдой сказать, что он не испугался, когда вдруг увидел выросшие перед ним, как из-под земли, три темные фигуры в плащах и глубоких касках, похожих на котлы. Ваня почувствовал не то что страх — его охватил просто ужас. Слишком свежо еще было в его памяти все то, что он пережил за время своего пребывания «под немцами».

Ноги его подкосились, кровь жарко прилила к лицу, в глазах потемнело. Он задрожал всем телом, делая отчаянные усилия не стучать зубами.

Свет электрического фонарика скользнул по его маленькой оборванной фигурке, осветил белую костлявую клячу, стоявшую во тьме, как привидение.

— Ну, какого чорта ты здесь шляешься ночью, мерзавец! — крикнул немецкий грубый, простуженный голос.

И в этом каркающем, наглом, презрительном и вместе с тем безжалостном голосе с какими-то самодовольными горловыми придыханиями мальчику послышались десятки, сотни слишком хорошо знакомых ему постылых немецких голосов всех этих комендантов, надзирателей, полевых жандармов, караульных начальников, патрульных, от которых он получил столько пинков и затрещин.

Он быстро вдавил голову в плечи и закрыл ее руками, ожидая немедленного удара. И действительно, он его тотчас получил. Сапог больно пихнул его в зад, и каркающий голос с придыханием крикнул по-немецки:

— Что же ты молчишь, негодяй? Отвечай, когда тебя спрашивают. А то еще раз как дам!

Мальчик не понимал по-немецки. Но смысл немецкой речи был ему вполне понятен. Он достаточно хорошо, на своей шкуре, изучил этот немецкий смысл.

И вдруг страх исчез. Всю его душу охватила и потрясла ярость. Как! Его, солдата Красной Армии, разведчика знаменитой батареи капитана Енакиева, посмела ударить сапогом какая-то фашистская рванина!

Ванины глаза налились кровью. Еще миг, и он бы кинулся на немца, бил бы его кулаками по

морде, грыз ему горло. Он знал, что он не один. Он знал, что рядом — друзья его, верные боевые товарищи. По первому крику они бросятся на выручку и уложат немцев всех до одного. Но мальчик так же твердо помнил, что они находятся в глубокой разведке, где малейший шум может обнаружить группу и сорвать выполнение боевого задания.

Тогда он могучим усилием воли подавил в себе ярость и гордость. Он заставил себя снова превратиться в маленького придурковатого пастушка, заблудившегося ночью со своей лошадью.

— Ой, дяденька, не бейте! — жалобно захныкал он, делая вид, что развозит по лицу слезы. — Я коня своего искал. Насилу нашел. Целый день и целую ночь мотался. Заплутал. У, холера! — закричал он, замахиваясь кнутом на Серко. — Погибели на тебя нету!

Он опять стал хныкать:

— Пустите меня, дяденька! Я больше никогда не буду. Меня мамка дома дожидается, — и даже, как ему это ни было отвратительно, стал ловить руку немца, делая вид, что хочет ее поцеловать.

— Пошел к чорту, дурак! — сказал немец смягчаясь. — Забирай свою дохлятину и проваливай. Да не смей больше шататься по ночам — повесим.

Он дал мальчику коленом под зад, а лошадь стукнул по спине автоматом, и немецкий пикет скрылся в темноте.

Тогда Ваня осторожно покрякал по-утиному, давая знать, что опасность миновала. Разведчики двинулись дальше.

В общем, все обошлось благополучно.

Дальше дело пошло еще лучше.

Настало утро. День прошел без всяких происшествий. Разведчики убедились, что Ваня действительно замечательно знает местность. Он очень точно, толково исполнял свою задачу проводника.

Пока Биденко и Горбунов сидели, спрятавшись где-нибудь в старом омете или в кустарнике, Ваня уходил со своей клячей вперед и осматривал местность, потом он возвращался и кричал, давая знать, что путь свободен.

Так работать было гораздо удобнее и быстрее.

Ожидая Ваню, разведчики обычно не теряли времени даром. Они наносили на карту все, что им удалось разведать по дороге. Добыча на этот раз была особенно богатой. Участок, отведенный батарею капитана Енакиева, был тщательно, толково разведан на всю глубину немецкой обороны. Оставалось только разведать небольшую болотистую речку и отметить на карте те места, где можно было наиболее скрытно переправить орудия на другой берег вброд. Это имело особенно важное значение в случае успешного прорыва немецкой обороны. Это давало возможность капитану Енакиеву неожиданно, одним рывком, не теряя времени на разведку, по готовому маршруту в надлежащий миг выбросить свои пушки далеко вперед и громить отступающие немецкие колонны почти с тылу.

Но произвести эту сложную разведку днем — особенно найти подходящие броды, прощупать дно и измерить глубину реки — было невозможно. Надо было дожидаться ночи. Поэтому Горбунов, который был старшой в группе, приказал заноче-

вать на лугу посреди болот, с тем чтобы перед рассветом прорваться к речке и, пользуясь утренним туманом, осмотреть берега, найти броды, промерить их и нанести на карту. После этого можно было уже возвращаться домой.

Так и сделали. Переночевали на лугу, а часа за два до рассвета Ваня взял за повод своего Серкó и пошел, как обычно, вперед.

Биденко и Горбунов стали его дожидаться. До речки было недалеко, и, по их расчету, Ваня должен был воротиться самое большее через час.

Но прошел час, потом два, потом три, а Ваня не возвращался. Вместо него пришел Серкó один. Тогда разведчики поняли: с Ваней приключилась беда. Надо было итти на выручку.

Биденко и Горбунов некоторое время смотрели друг на друга. Они не произнесли ни слова. Но для того, чтобы понять друг друга, им не нужно было никаких слов. Все было слишком просто и слишком ясно. Надо итти искать пастушка немедленно, хотя бы это стоило им жизни.

Горбунов как старшой сделал Биденко знак рукой следовать за ним. Они осторожно и плавно поползли по лугу от кочки к кочке, иногда оставаясь, для того чтобы осмотреться.

На их счастье, туман, поднявшийся на рассвете, не рассеялся. Наоборот, он даже как будто еще больше сгустился. Он призрачно плавал над болотистой низменностью, скрывая предметы. Но даже если бы тумана и не было, то и тогда вряд ли кто-нибудь увидел бы разведчиков. Место было глухое, пустынное. Оно казалось непроходимым.

Вдруг позади Биденко и Горбунова послышалось какое-то хлюпанье. Они обернулись. За ними плелся, припадая на раненую ногу, Серкó, казавшийся в тумане громадным и призрачным.

— Ступай назад, Серко! Не обнаруживай нас, — сказал Биденко с добродушной улыбкой. — Кому говорю, старый? Поворачивай! Гэть!

Но Серко продолжал идти, уныло повесив голову и тускло отсвечивая перламутровым бельмом. Он как бы хотел сказать: «Не бросайте меня, люди добрые. Что я здесь буду делать один, среди этого гнилого мокрого луга, в этом страшном молочном тумане? Пожалейте старого коня!»

И разведчики это поняли. Но, как ни жалко им было бросать добрую и смирную животину, делать было нечего. Лошадь могла привлечь к ним внимание и в одну минуту погубить их.

— Эх, сердечная! — сказал Биденко со вздохом, подползая к Серко.

Он вынул из кармана ремешок и быстро стреножил слабые, распухшие ноги клячи.

— Жалко нам, брат, тебя. Да ничего не поделаешь. Гуляй пока здесь. Жируй. Авось еще увидимся.

И разведчики поползли.

Серко попытался побежать вслед за ними, но путы были затянуты туго, не давали сделать ни шагу. Тогда лошадь решила прыгнуть, она напрягла все свои слабые силы. Но сил было слишком мало: Серко только сумел немного подкинуть задние ноги и тотчас тяжело остановился, вода раздувшимися, костлявыми боками.

Он жалобно посмотрел вслед разведчикам, слабо махнул хвостом, мигнул крупными белыми ресницами и растаял в тумане, как призрак.

Разведчики поползли в том направлении, куда ночью ушел Ваня. В иных местах на топкой почве были еще довольно ясно заметны следы его ног.

Биденко смотрел на эти следы и думал: «Эх, ведь какие мы, право, непутевые! До сих пор не

успели для парнишки обуви расстараться. Ну, да уж ладно. Найдем его, воротимся благополучно в часть, тогда полное обмундирование ему справим. По мерке подгоним. Будет у нас ходить красавчиком».

Когда началось болото, следы вовсе пропали. Теперь двигались по компасу, в направлении речки. Вокруг попрежнему было туманно, безлюдно. Речка действительно оказалась недалеко.

Скоро разведчики увидели низкий луговой берег, кое-где поближе к воде поросший густыми камышами. На противоположном, высоком берегу синел лес.

Прежде чем двинуться дальше, Горбунов и Биденко долго лежали, внимательно изучая местность. Берег речки хотя и был пуст, но внушал опасение. На поверхности еще довольно яркого мокрого луга были видны многочисленные следы грузовиков. Судя по тому, что они были свежие, черные, как вакса, грузовики проезжали здесь совсем недавно. Возможно, привозили сюда какой-то груз, вероятнее всего — строительный лес, так как в некоторых местах на лугу валялись кучи свежих щепок.

Было похоже, что где-то недалеко совсем недавно строили мост. Несомненно, мост был тут, только его скрывали камыши. Но раз был мост, значит была и охрана. И этого следовало опасаться. Что же касается леса на противоположном берегу, то в нем явно стояла воинская часть или находились штабы: в нескольких местах над лесом подымались дымки, а в одном месте на опушке между корнями деревьев просматривалось какое-то инженерное сооружение, тщательно затянутое зеленой маскировочной сетью. Это мог быть оружейный блиндаж, запасный наблюдательный

пункт или бруствер пехотного окопа полного профиля.

Видно, немцы здесь сильно укрепились и подготовились к долговременной обороне.

Это было очень важное открытие, и разведчики напряженно всматривались в местность, стараясь запомнить все подробности, для того чтобы позже, когда представится возможность, нанести их на карту по памяти.

Однако, как бы то ни было, дольше оставаться здесь было невозможно. Надо было поскорее уходить. Но они медлили. Разве могли они бросить товарища в беде и вернуться в часть без Вани? А с другой стороны, что они еще могли сделать?

Вот они дошли до той речки, куда до них отправился мальчик. Вот они видят эту речку. Но что же дальше?

Следы мальчика потеряны. Если его действительно захватили немцы, то они его, конечно, уже давно отвели в какую-нибудь полевую комендатуру. Но, с другой стороны, на что бы понадобилось немцам задерживать маленького оборванного деревенского мальчика, ведущего большую клячу? Мало ли их, этих нищих, голодных советских детей, бродит у них в тылу? Всех не переловишь. А потом — куда их девать, кто будет с ними возиться? Теперь не до них, свою шкуру надо спасать.

Нет, было положительно невероятно, чтобы Ваню схватили немцы. А даже если и схватили, какие улики могли найтись против мальчика? Ровным счетом никаких. Дырявая торба, и в ней старый, рваный букварь. Только и всего.

В таком случае, куда же он делся? Почему лошадь вернулась одна? Может быть, Ваня просто

от них ушел, не выдержал, надоело? Но это было уж совсем невозможно. Не таков был Ваня!

Вернее всего, он дошел до речки, повернул назад, заблудился... Ваня заблудился! Нет, об этом смешно было и думать.

Между тем время шло. Надо было принимать какое-нибудь решение.

Биденко и Горбунов лежали в небольшой заросли молодого дубняка, не сронившего еще своей жесткой коричневой листвы. Они лежали и напряженно думали.

Вдруг Биденко у самых своих глаз увидел на земле предмет, который заставил его чуть не крикнуть. Это был химический карандаш, тот самый маленький химический карандашик с маркой «Химуголь», который Биденко недавно подарил Ване и который Ваня постоянно таскал в своей торбе.

— Кузьма! — шопотом сказал Биденко, показывая глазами на карандаш.

Горбунов посмотрел и ахнул.

И тотчас множество мелких и даже мельчайших подробностей, на которые солдаты не обратили внимания именно потому, что эти подробности были так близко, сразу бросились им в глаза.

Они увидели пучок белого конского волоса, повисший на сучке. Они увидели втопанную в землю недокуренную немецкую сигарету. Они увидели целый ворох листьев, сбитых с поломанного куста. Наконец, они увидели немного подальше веревочный кнут Вани.

Земля вокруг была истоптана, изрыта солдатскими сапогами, подбитыми железом.

Из всех этих подробностей перед ними вдруг встала страшная картина того, что здесь произошло несколько часов тому назад.

Теперь все стало ясно.

Они выбрали правильное направление. Именно по этому направлению шел сюда Ваня со своей лошадью. Он дошел до этих кустов. И именно тут, на том самом месте, где сейчас лежали Горбунов и Биденко, Ваню схватили немцы. Судя по всему, они схватили его внезапно и грубо.

Потоптанная земля, сломанные кусты, выпавший из торбы карандаш и отброшенный в сторону кнут, недокурная сигаретка — все говорило, что мальчик отчаянно сопротивлялся. А потом они его поволокли. Теперь разведчики ясно увидели на земле следы, показывающие, в какую сторону потащили Ваню.

Следы вели по направлению к камышам, туда, где, по предположению Биденко и Горбунова, должен был находиться мост. Значит, немцы повели мальчика через мост, на ту сторону, в лес, где, по всем признакам, у них был штаб или комендатура.

Тогда разведчики стали обсуждать положение.

Они обсудили его быстро, но основательно, со всех сторон, как и подобало разведчикам-артиллеристам. Оставалось принять решение.

Биденко и Горбунов были между собой равны по званию, по заслугам и по сроку службы. Но в этой разведке начальником был назначен Горбунов. Стало быть, за Горбуновым оставалось последнее слово. И это последнее слово был приказ, не подлежащий обсуждению.

Прежде чем сказать свое решение, Горбунов крепко задумался. Биденко не сомневался в своем друге, он был уверен, что решение будет наилучшее. Но когда Горбунов его сказал, Биденко опешил. Он мог ожидать всего, но только не этого.

— Вот что, Василий, — сказал Горбунов твердо. — Обстановка требует, чтобы мы с тобой рассредоточились. Понятно? Ты пойдешь обратно в часть. Собирайся. А я останусь здесь.

— Как? Как ты приказываешь? — переспросил Биденко.

— Приказываю тебе ворочаться в часть. А я останусь.

— Кузьма! — почти крикнул Биденко.

— Кончено! — коротко сказал Горбунов, сдвигнув брови.

И Биденко понял, что больше говорить не о чем. Все же он сделал попытку объясниться:

— А как же пастушок?

— Я здесь останусь. Буду выручать.

— А я?

— Ты пойдешь в часть.

— Я, Кузьма, так располагаю: мы здесь останемся вместе.

— Сказано! — сухо обрезал Горбунов.

— Да как же я вернусь без пастушка? — взмолился Биденко. — Нет, брат, это дело не выйдет. Как хочешь, а я паренька не брошу. Голову положу, а выручу. Ведь это что же такое? Ведь он мне вроде как родной сын!..

— Он нам всем, как родной сын. А служба на первом месте. Знаешь, кому служим? Советскому Союзу. Небось, знаешь. Пойдешь в часть. А я здесь останусь.

— Не пойду в часть, — сказал Биденко, зло сузив глаза.

— Приказываю, — сказал Горбунов. — А не подчинишься, тогда я знаю, что мне с тобой делать. Понятно тебе? Слышь, Вася, — сказал он вдруг мягко. — Нешто я не понимаю? Я, друг, понимаю. Да что поделаешь! Батарея ждет наших

данных. Ужели ж мы оставим ее слепой, без маршрута? Не дури, Вася. Я здесь останусь, а ты отправляйся в часть. Доставишь наши данные. Гляди, чтоб дошел благополучно. Берегись, пробирайся толково, чтоб не нарваться на немцев. На тебя — как на каменную гору. Доложишь командиру обстановку. Понятно?

— Понятно, — сказал Биденко, натужив скулы.

Ему не надо было долго толковать. Был бы он на месте Горбунова, он бы поступил точно так же. Он понимал, что один из них обязан доставить данные разведки в часть. А то, что Горбунов отправил с документами его, было тоже понятно. Горбунов был командир группы. Он отвечает за каждого своего человека. Мог ли он вернуться в часть, не употребив всех усилий для спасения пастушка?

— Исполниай, — сказал Горбунов, передавая Биденко карту с отметками.

— Счастливо, Кузьма!

— Действуй, Василий.

— Слушаюсь!

И, не сказав больше ни слова, Биденко стал отползать. Наконец он пропал из глаз, слившись с бурой землей, растаяв в тумане.

Горбунов остался один.

«Что же случилось с пастушком? — думал он, ломая голову над неразрешенным вопросом. — Ну, что ж такое, — успокаивал он себя. — Его задержали немцы. Потасили в комендатуру или в штаб. Ну, допросят. А что они с него возьмут? Ведь доказательства у немцев против Вани никаких нет. Мальчик и мальчик. Подержат и отпустят. Надо его, главное, не пропустить, когда он от них выйдет. Тогда вместе и вернемся в часть. Вот и ладно».

Но, утешая себя таким образом, Горбунов в глубине души чувствовал, что дело обстоит совсем не так просто, а гораздо хуже.

Было что-то, чего Горбунов не знал и не предвидел. Но что именно?

И действительно, Горбунов не знал одной вещи. Если бы он ее знал, он бы похолодел от ужаса. Он не знал характера Вани Солнцева, всей живости его ума, всей силы его воображения и всей глубины его чистого, детского самолюбия, которые чуть не привели его к гибели.

Ване Солнцеву было мало того, что его берут в разведку проводником. Он знал, что быть проводником — почетное, ответственное задание. Но ему этого было мало. Его слишком горячее, ненасытное сердце требовало большего. Ему захотелось прославиться как настоящему разведчику и удивить всех.

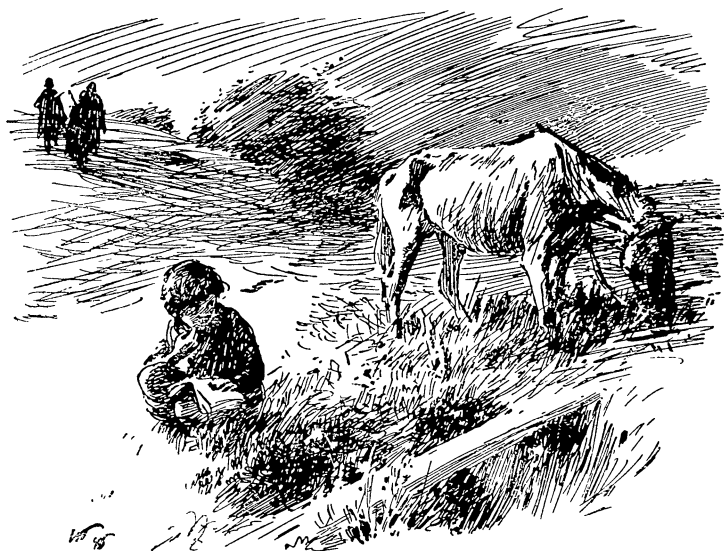
Перед тем как отправиться в разведку, Ваня втайне от всех раздобыл себе компас. Как выяснилось потом, он его просто-напросто стащил у одного разведчика. Точнее сказать, он его потихоньку взял с койки, рассчитывая после разведки положить на прежнее место. Он в том не видел ничего дурного, так как разведчик всегда давал ему этот компас поносить и даже объяснил, как им надо пользоваться. Карандашик у Вани уже был. А вместо записной книжки он решил воспользоваться букварем.

Таким образом снарядившись по всем правилам, пастушок и стал действовать, как настоящий разведчик.

Во время разведки, дожидаясь Ваню, ушедшего вперед, Горбунов и Биденко понятия не имели, чем без них занимается мальчик. Они думали, что он просто идет со своей лошадкой, «изучает»

местность, потом возвращается и докладывает, свободен ли путь.

Но Ваня делал не только это. Подражая разведчикам, он вел самостоятельные наблюдения. Сопя и прилежно наморщив лоб, он возился с компасом, на полях своего букваря он записывал каракулями какие-то одному ему ведомые ориентиры

и цели. Наконец, он даже делал попытки снимать план местности. Коряво, но довольно верно он рисовал условными знаками дороги, рощи, реки, болота.

Именно за таким занятием и застал его немецкий комендантский патруль, когда он, расположившись со своим компасом и букварем в дубовом кустарнике, снимал план местности с речкой и

новым мостом, который Ваня действительно развел в камышах.

Нетрудно себе представить, что случилось потом.

Ваня сопротивлялся яростно и отчаянно. Но что мог поделать мальчик против двух солдат немецкого комендантского патруля?

Скрутив Ване за спину руки и толкая его прикладами, они повели его через новый мост на гору, в лес.

Здесь они втолкнули его в глубокий, темный блиндаж и заперли.

15

Через некоторое время за Ваней пришел солдат и отвел его в другой блиндаж на допрос.

Блиндаж этот, над которым снаружи между стволами сосен висела растянутая маскировочная сеть, был просторный, теплый и освещался электричеством. В углу мурлыкало радио.

Посредине, за длинным сосновым столом, вбитым в пол, сидели рядом мужчина и женщина.

Мужчина был немецкий офицер в тесном френче с просторным отложным воротником черного бархата, обшитым серебряным басоном, что придавало ему погребальный вид. Лица немца Ваня не видел, так как оно было прикрыто рукой с тонким обручальным кольцом и грязными ногтями. Ваня видел только худую шею, красную, как у индюка, желтоватые волосы и сплющенное мясистое ухо.

Офицер имел вид человека, крайне утомленного бессонницей и раздраженного слишком ярким светом. Его черная суконная фуражка с широкими,

остро выгнутыми полями и большим лакированным козырьком в форме совка висела сзади на гвозде.

Эта фуражка, в особенности это старое, заплывшее ухо с волосами в середине произвели на мальчика гнетущее впечатление чего-то зловещего, неумолимого.

Что касается женщины, то Ваня не мог понять, кто она такая, хотя почему-то сразу назвал ее про себя «учительницей».

На ней была старая кротовая кофта с пучком матерчатых цветов на воротнике, вязаная, растянувшаяся на коленях юбка и серые резиновые сапоги. Белокурые волосы, круто завитые рожками, торчали над чересчур высоким и узким лбом, а на толстой переносице виднелся кораллово-красный след очков, которые она держала в руках и протирала кусочком замши. У нее были выпуклые жидкоголубые глаза с острыми зрачками.

Ваню поставили перед столом, и он тотчас увидел на столе свой компас и свой букварь, развернутый как раз на том месте, где он пытался нарисовать план местности с речкой, мостом и рощей, той самой рощей, где он теперь находился.

Женщина быстро надела очки — золотые очки с толстыми стеклами без оправы, — высморкалась в маленький кружевной платочек и сказала голосом ученого скворца на правильном русском языке:

— Подойди сюда, мальчик, и отвечай на все мои вопросы. Ты меня понял? Я буду тебя спрашивать, а ты мне отвечай. Не так ли? Договорились?

Но Ваня плохо понимал, что ему говорят. В голове у него еще гудело после драки с солдатами. В глазах было темновато. Скрученные за спиной руки набрякли и сильно болели в локтях.

— Мальчик, ты страдаешь?

Ваня молчал.

— Развяжите паршивцу руки, — быстро сказала она по-немецки и прибавила по-русски, с улыбкой, обнажившей золотой зуб: — Развяжите ребенку руки. Он обещает исправиться. Он больше не будет драться с нашими солдатами и кусать их. Он погорячился. Не так ли, мальчик?

Ване развязали руки, но он молчал, бросая вокруг исподлобья быстрые взгляды.

— А теперь, — сказала немка, продолжая кротко показывать золотой зуб, — а теперь, мальчик, подойди к нам поближе. Не бойся нас. Мы только тебя будем спрашивать, а ты только будешь нам отвечать. Не так ли? Итак, скажи нам: кто ты таков, как тебя зовут, где ты живешь, кто твои родители и зачем ты очутился в этом укрепленном районе?

Ваня угрюмо опустил глаза.

— Я ничего не знаю. Чего вы от меня хотите? Я вас не трогал, — сказал он всхлипывая. — Я коня своего искал. Насилу нашел. Целый день и целую ночь мотался. Заблудился. Сел отдохнуть. А ваши солдаты стали меня бить. Какое право?

— Ну-ну, мальчик. Не следует так грубо разговаривать. Солдаты исполняли свой долг и тоже немножко погорячились, не больше. Но мы хотим знать, кто ты таков, откуда, где твои родители — отец, матушка?

— Я сирота.

— О! Бедный ребенок. Твои родители умерли, не так ли?

— Они не умерли. Их убили. Ваши же и убили, — сказал Ваня со страшной, застывшей улыбкой, смотря в толстую переносицу немки, на которой блестели мелкие капельки пота.

Немка засуетилась и стала вытирать платочком пористый нос.

— Да, да. Такова война, — быстро сказала немка. — Это очень печально, но не надо огорчаться. Тут никто не виноват. Везде много сирот. Бедный мальчик! Но ты не горюй. Мы дадим тебе образование и воспитание. Мы поместим тебя в детский дом. В хороший детский дом. А потом, возможно, в учебное заведение. Ты получишь основательную жизненную профессию. Ты этого хочешь? Не так ли?

— Фрау Мюллер, — с раздражением сказал офицер по-немецки сварливым голосом, нетерпеливо барабанил пальцами по веснущатому лбу, — перестаньте разводить антимию. Это никому не интересно. Мне нужно знать, откуда у мерзавца компас и кто его послал снимать схему нашего укрепленного района.

— Сию минуту, господин майор. Но вы не знаете души русского ребенка, а я ее хорошо знаю. Можете на меня положиться. Сначала я проникну в его душу, завоюю его доверие, а потом он мне все скажет. Можете мне поверить. Я десять лет жила среди этого народа.

— Хорошо. Только не разводите антимию. Мне это надоело. Скорей проникайте в душу, и пусть негодяй скажет, кто ему дал компас и научил снимать схемы наших военных объектов. Действуйте!

— Итак, мальчик, — сказала немка по-русски, терпеливо улыбаясь и снова показывая золотой зуб, — ты видишь сам, что я тебя люблю и желаю тебе блага. Мои родители — мой папа и моя мама — долгое время жили в России, и я сама прожила здесь более десяти лет. Ты видишь, как я говорю по-русски? Значительно лучше, чем ты. Я совсем, совсем русская женщина. Ты вполне можешь мне доверять. Будь со мной откровенным,

как со своей родной тетушкой. Не бойся. Называй меня своей тетушкой. Мне это будет только приятно. Итак, скажи нам, мальчик, откуда ты получил этот компас?

— Нашел.

— Ай-ай-ай! Нехорошо обманывать свою тетушку, которая тебя так любит. Ты должен усвоить, что ложь унижает достоинство человека. Итак, подумай еще раз и скажи, откуда у тебя этот компас.

— Нашел, — с тупым упрямством повторил Ваня.

— Можно подумать, что здесь компасы растут на земле, как грибы.

— Кто-нибудь потерял, а я нашел.

— Кто же потерял?

— Солдат какой-нибудь.

— Здесь есть только немецкие солдаты. У немецких солдат имеются немецкие компасы. А этот компас русского образца. Что ты на это скажешь, мальчик?

Ваня молчал, с досадой чувствуя, что совершил промах.

— Ну, как же это получилось?

— Не знаю.

— Ты не знаешь? Прекрасно. Я понимаю. Ты не хочешь выдать людей, которые дали тебе компас. Ты умеешь молчать. Это делает тебе честь. Но люди, которые тебе дали компас, нехорошие люди. Они очень нехорошие люди. Они преступники. А ты знаешь, что обычно делают с преступниками? Ведь ты не хочешь быть преступником, не правда ли? Скажи же нам, кто дал тебе компас?

— Никто.

— А как же?

— Нашел.

— Хорошо. Я тебе верю. Допустим — ты говоришь правду. Но, в таком случае, скажи: кто тебя научил рисовать такие прекрасные рисунки?

— Чего рисунки? Я не понимаю, про чего вы спрашиваете, — сказал Ваня тупо, утирая рукавом нос.

— Подойди-ка сюда. Поближе. Не бойся. Я ведь тебя не бью. Кому принадлежит эта книга?

— Чего принадлежит? — сказал Ваня и захныкал: — Чего вы меня спрашиваете, не пойму!

— Чья это книга? — теряя терпение, сказала немка.

— Букварь-то?

— Да. Букварь. Чей он?

— Мой.

— А рисовал на нем кто?

— Чегой-то рисовал?

— Эй, мальчик, ты не прикидывайся! Кто делал эту схему?

— Которую схему? — снова захныкал Ваня. — Я не знаю никакой вашей схемы. Я потерял лошадь. Днем и ночью мотался. Отпустите меня, тетенька! Что я вам сделал?

— Иди сюда, говорю тебе! — крикнула немка, и ее глаза в очках сделались резкими, как у галки.

Она схватила мальчика за плечо пальцами, твердыми, как щипцы, рванула к столу, ткнула носом в букварь.

— Вот это. Кто рисовал?

Что мог ответить Ваня? Улики были слишком очевидны. Молча, с побледневшим лицом Ваня смотрел на обтрепанную страницу букваря, где поверх прописей и картинок была неумело, но довольно толково нарисована химическим карандашом схема реки с новым мостом и бродами.

Особенно Ваня гордился бродами. Он их сам разведаль и потом нарисовал так же точно, как это делали разведчики. Против каждого брода была поставлена толстая горизонтальная палочка, над которой была старательно выписана цифра 1, обозначающая глубину — один метр, а под палочкой — буква, обозначающая качество дна: Т — твердое.

Ваня понял, что отпереться невозможно и что он пропал.

— Кто это рисовал? — повторила немка голосом, задрожавшим, как сильно натянутая металлическая струна.

— Не знаю, — сказал Ваня.

— Ты не знаешь? — сказала немка, и лицо ее сначала покрылось пятнами, а потом стало сплошь темнорозовое, как земляничное мыло.

И вдруг она, проворно схватив мальчика за уши своими железными пальцами, с силой повернула его лицо вверх.

— Открой рот. Я тебе приказываю! Сию же минуту открой рот и покажи язык!

Ваня понял и сжал зубы. Тогда немка стиснула его необыкновенно сильными, мускулистыми коленями, всунула ему за щеки указательные пальцы и стала, как крючками, раздирать ему рот.

Ваня вскрикнул от боли и на мгновение показал язык. Немка посмотрела на него и сказала весело:

— Теперь мы знаем!

Весь Ванин язык был в лиловом анилине, потому что, рисуя схему, он все время брал в рот и старательно слюнявил химический карандаш.

— Итак, мальчик, — сказала немка, брезгливо вытирая о вязаную юбку свои толстые красные пальцы, — мы тебя будем спрашивать, а ты нам

45
46

отвечай. Не так ли? Кто тебя научил делать топографические схемы, где они находятся, эти люди, и как их найти? Ты меня понял? Ты получишь трех опытных провожатых, и ты покажешь им дорогу.

— Я не знаю, про чего вы меня спрашиваете, — сказал Ваня.

Мальчик стоял вплотную к столу. Он изо всех сил кусал губы. Его голова была упрямо опущена. С ресниц, как горошины, сыпались слезы, падая на схему, нарисованную на пробеле страницы, между черной картинкой, изображающей топор, воткнувший в бревно, и красивой прописью в сетке косых линеек: «Рабы не мы. Мы не рабы».

— Говори, — тихо сказала немка и задышала носом.

— Не скажу, — еще тише промолвил Ваня.

И в тот же миг он увидел, как рука офицера с тонким обручальным кольцом на пальце медленно сползла вниз, открыв веснушчатое лицо нездорового цвета, с остреньким красненьким носиком и крошечным старушечьим подбородком.

Глаза офицера Ваня заметить не успел, так как они вспыхнули, мелькнули и оглушительная пощечина отбросила мальчика к стене.

Ваня стукнулся затылком о бревно, но упасть не успел. Его тотчас одним рывком бросили обратно к столу, и он получил вторую пощечину, такую же страшную, как и первая. И снова ему не дали упасть. Он стоял, шатаясь, перед столом, и теперь на букварь из его носа капала кровь, заливая пропись: «Рабы не мы. Мы не рабы».

Перед глазами мальчика летали ослепительно белые и ослепительно черные значки, слипшиеся попарно. В ушах гудело, как будто он находился в пустом котле и по этому котлу снаружи били

молотком. И Ваня услышал голос, показавшийся ему страшно тихим и страшно далеким:

— Теперь ты скажешь?

— Тетенька, не бейте меня! — закричал мальчик, в ужасе закрывая голову руками.

— Теперь ты скажешь? — нежно повторил далекий голос.

— Не скажу, — еле двигая губами, прошептал мальчик.

Новый удар отбросил его к стене, и больше уже ничего Ваня не помнил. Он не помнил, как два солдата волокли его из блиндажа и как немка кричала ему вслед:

— Подожди, мой голубчик! Ты у нас еще заговоришь, после того как три дня не получишь воды и пищи.

16

Ваня очнулся в полной темноте от страшных ударов, трясших землю. Его подбрасывало, швыряло от стенки к стенке, качало. Сверху с сухим шорохом сыпался песок. То он бежал тонкими ручейками, то вдруг обваливался громадными массами. Ваня чувствовал на себе тяжесть песка. Он был уже полузасыпан. Он изо всех сил работал руками, пытаясь выкопаться. Он обдирал себе ногти. Он не знал, сколько времени был без сознания. Вероятно, довольно долго, потому что чувствовал голод, сильный, до тошноты.

Он был насквозь прохвачен душной ледяной сыростью.

Его зубы стучали. Пальцы окоченели, еле разгибались. Голова еще болела, но сознание было ясное, отчетливое.

Ваня понимал, что находится в том самом блин-

даже, куда его заперли перед допросом, и что вокруг — бомбежка.

С большим трудом, натываясь на трясущиеся стены, мальчик пополз отыскивать дверь. Он искал ее долго и наконец нашел. Но она была заперта снаружи и не подавалась.

Вдруг совсем близко, над самой головой, раздался удар такой страшной силы, что мальчик на миг перестал слышать. Сверху, едва не стукнув его по голове, упало несколько бревен.

Дошатая дверь, сорванная с петель, разбилась вдребезги. Сквозь раскиданные бревна наката ярко ударил в глаза едкий дневной свет. Послышался слитный звук множества пулеметов, работающих совсем близко, как бы наперегонки.

Бомба, разметавшая блиндаж, где сидел Ваня, была последняя. В наступившей тишине отовсюду отчетливо слышалась машина боя, пущенная полным ходом. В ее беспощадном, механическом шуме возвратившийся слух мальчика уловил нежный, согласный хор человеческих голосов, как будто бы где-то певших: «а-а-а-а-а!»

И в Ванином сознании повторилась фраза, уже однажды слышанная им у разведчиков: «Пошла царица полей в атаку».

По осыпавшимся, заваленным земляным ступенькам мальчик выбрался из блиндажа и припал к земле.

Он увидел лес, тот самый лес, в который его так недавно приволокли немцы.

Тогда в этом лесу был полный порядок, спокойствие, тишина. Всюду, как в парке, были проложены дорожки, посыпанные речным песком; через канавы были перекинuty хорошенькие мостики с перильцами, сделанными из белых березовых сучьев; над штабными блиндажами висели

маскировочные сети с нашитыми на них зелеными квадратиками и шишками; под полосатыми грибами стояли тепло одетые часовые; во всех направлениях тянулись черные и красные телефонные провода; ходили девушки с судками; где-то в чаще дрожала походная электрическая станция; в специальных, глубоко вырезанных ямах помещались прикрытые ветками штабные автобусы и легковые «оппель-адмиралы».

Теперь же этот удобно оборудованный немецкий штабной лес был изуродован до неузнаваемости.

Вокруг рыжих дымящихся воронок лежали вырванные с корнем сосны, разноцветные обломки автомобилей, трупы немцев в обгоревших и еще дымящихся шинелях. Высоко на ветках болтались ключья маскировочных сетей. В воздухе стоял удушающий пороховой чад.

Со звуком, похожим на короткий свист хлыста, летели пули, сбивая кору и отрубая ветки.

Ваня тотчас понял, что немцы уже очистили лес, но наши еще в него не вошли. Это была короткая и вместе с тем томительно долгая пауза, во время которой батареи спешно меняют позиции, минометчики взваливают на плечи свои минометы, телефонисты бегут, разматывая на бегу катушки, офицеры связи проносятся верхом на граненых броневиках, минеры водят перед собой длинными щупами и стрелки с винтовками наперевес пробегают, уже не ложась, по земле, где пять минут назад был неприятель.

С сильно бьющимся сердцем, прижавшись к земле, Ваня ждал, когда же наконец покажутся свои.

И вот они показались.

Первым показался большой солдат в грязной,

разорванной развевающейся плащ-палатке. Он пробежал между стволами, упал на колени, быстро переменял диск в автомате, потом лег и прицелился.

Ване показалось, что он прицеливается целую вечность. А на самом деле он целился всего несколько секунд. Его глаза зорко и беспощадно всматривались из-под откинутого капюшона в глубину леса. Он выбирал. Наконец он нажал спусковой крючок. Автомат с круглым черным диском затрясся от короткой очереди.

И в тот же миг Ваня узнал солдата. Это был Горбунов. Но боже мой, как он изменился! Это был все тот же богатырь, плотный, широкий, даже толстый, но куда девалась его добродушная, своя улыбка? Теперь его лицо с белыми ресницами, озабоченное, разъяренное боем, темное от копоти, смотрело грозно.

Как не похож был этот Горбунов на того Горбунова, которого Ваня привык видеть, чисто бритого, белого, розового, доброжелательного...

Но если тот Горбунов был просто хорош, то этот был прекрасен.

— Дядя Горбунов! — крикнул Ваня тонким голосом, стараясь перекрыть шум боя.

И в ту же минуту глаза их встретились.

На лице Горбунова вспыхнула радостная улыбка — та, прежняя, широкая, артельная улыбка, открывшая крепкие зубы.

— Пастушок! Ванюшка! — крикнул Горбунов на весь лес своим богатырским, но вместе с тем и немного бабьим, высоким голосом. — Будь ты неладен! Гляди — жив! А я думал, ты и вовсе пропал. Друг ты мой сердечный, ну что ты скажешь, — говорил он, одним махом очутившись рядом с Ваней. — Ну, брат, задал же ты нам заботу!

Он крепко обнял мальчика, прижал его к себе, потом взял горячими руками за щеки и два раза поцеловал в губы жесткими солдатскими губами.

Невероятное счастье испытал Ваня, почувствовав тепло его большого потного тела, распаренного боем.

Все, что с ним происходит, казалось Ване сном, чудом. Ему хотелось еще крепче прижаться к Горбунову, спрятаться под его плащ-палатку и так сидеть сколько угодно, хоть пять часов подряд. Но он вспомнил, что он солдат и что солдату не подобают такие глупости.

— Дядя Горбунов, — сказал он быстро, — тут в лесу есть один штабной блиндаж, где они меня допрашивали. Куда лучше, чем тот наш, с карбидной лампой. Раза в два больше.

— Да что ты говоришь!

— Честное батарейское.

— А теплый? — озабоченно спросил Горбунов.

— Ого! Теплей не надо. И там у них еще радио было. Все время играло.

— Радио? Это нам очень надо, — засуетился Горбунов, почувствовав прилив хозяйственной деятельности. — А ну, где этот блиндаж, показывай!

— Тут, недалеко.

— Так давай будем занимать. А то другие для себя захватят. А я уж давно интересовался достать для команды такой блиндаж. Чтобы в нем и радио было. Наша батарея аккурат должна идти по этому направлению.

Они бросились к блиндажу.

— Этот? — спросил Горбунов.

— Этот, — сказал Ваня, презрительно сузив глаза.

Горбунов вынул из шаровар кусок угля, специально припасенный для подобного случая, и бы-

стро написал на двери крупными буквами: «Занято командой разведчиков взвода управления первой непобедимой батареи Н-ского арtpолка. Ефрейтор Горбунов».

А тем временем через лес уже мчались, виляя между стволами, грузовики с прицепленными сзади легкими семидесятишестимиллиметровыми пушками.

Это меняла огневую позицию батарея капитана Енакиева.

17

— Ну, пастушок, конечно твое дело. Погулял — и будет. Сейчас мы из тебя настоящего солдата сделаем.

С такими словами ефрейтор Биденко бросил на койку объемистый сверток с обмундированием. Он расстегнул новенький кожаный пояс, которым был туго стянут этот сверток. Вещи распустились, и Ваня увидел новенькие шаровары, новенькую гимнастерку с погонями, бязевое белье, портянки, вещевой мешок, противогаз, шинельку, цигейковую трехую шапку с красной звездой, а главное — сапоги. Превосходные маленькие юфтовые сапоги на кожаных подметках, со светлыми точками деревянных гвоздей, аккуратно сточенных рашпилем.

Ваня долго ждал этой минуты. Он мечтал о ней все время. Он предвкушал ее. Но когда она наступила, мальчик не поверил своим глазам. У него захватило дух.

Казалось совершенно невероятным, что все эти превосходные, крепко сшитые, новенькие вещи — громадное богатство — теперь принадлежат ему.

Ваня смотрел на обмундирование, не решаясь дотронуться до него. Особенно хотелось потро-

гать маленькие латунные пушечки на погонах. Палец так и тянулся к ним, но тотчас отдергивался, словно пушечки были раскаленные.

Ваня, дрожа ресницами, смотрел то на вещи, то на Биденко.

— Это все мне? — наконец сказал он робко.

— Безусловно.

— Нет, скажите правду, дядя Биденко.

— Правду говорю.

— Честное батарейское?

— Честное батарейское.

— И честное разведчицкое?

— Это само собой понятно, — сказал Биденко, хмурясь, чтобы не улыбнуться. — Я даже вместо тебя в ведомости расписался.

— Ух ты, сколько вещей!

— Вещевое довольствие, — строго заметил Биденко. — Сколько положено, столько и есть. Ни больше, ни меньше.

Только теперь, услышав магические слова «ведомость», «вещевое довольствие», а главное, «положено», Ваня наконец понял, что это не сон. Вещи действительно принадлежат ему.

Тогда он не торопясь, по-хозяйски стал перебирать и перекладывать их, внимательно рассматривая каждую вещь в отдельности на свет.

Наконец, все перебрав и всем насладившись, Ваня сказал:

— Можно уже надевать обмундирование?

Но Биденко покачал головой и засмеялся:

— Ишь ты, какой скорый! Одеваться. Понравилось! Нет, брат, прежде мы с тобой в баньку сходим, затем патлы твои снимем, а уж потом и воина из тебя делать будем.

Ваня тяжело вздохнул, но смолчал. Как ему ни хотелось поскорее надеть на себя обмундирование

и наконец превратиться в настоящего солдата, он не посмел возражать старшему. Он уже чувствовал, хотя и еще не вполне понимал, что такое воинская дисциплина. Он уже научился беспрекословно подчиняться. Он уже однажды на собственном опыте убедился, что значит самостоятельный поступок и к чему он может привести. Ему до сих пор было совестно перед Биденко и Горбуновым за то беспокойство, которое он причинил им, занявшись без спросу топографией. Двое суток Горбунов, каждую минуту рискуя быть схваченным немецким патрулем и поплатиться жизнью, скрывался в немецком «штабном лесу», разыскивая Ваню.

Это мальчик знал. Но многого он не знал. Он не знал, что Горбунов твердо решил без него в часть не возвращаться. Горбунов взял Ваню в разведку без разрешения и отвечал за него перед командиром батареи головой. Ваня также не знал, что когда Биденко, благополучно вернувшись в часть, доложил по команде о происшествии, то капитан Енакиев пришел в бешенство. Он обещал отдать лейтенанта Седых, командира взвода управления, под суд и приказал немедленно отправить на розыски мальчика группу разведчиков в пять человек. К счастью для лейтенанта, в этот же день началось новое наступление, и все решилось само собой.

На этот раз немецкий фронт был прорван более чем на сто километров в ширину. В первый же день наши войска с боем прошли более тридцати километров вперед, не давая немцам остановиться и привести себя в порядок.

Потому к исходу этого славного дня «штабной лес» — так его именовали на картах и в донесениях — оказался у нас в глубоком тылу,

а наши войска продолжали безостановочно продвигаться, наращивая удары, так что блиндаж, занятый Горбуновым для своей команды, не понадобился.

Все же Ваня побывал в этом проклятом блиндаже. Немцы бежали так поспешно, что в блиндаже все осталось, как было. Даже черная фуражка висела на тесовой стене.

Ваня взял со стены свою торбу, компас и букварь, попрежнему открытый на разрисованной странице с прописью «Рабы не мы. Мы не рабы», запачканной высохшей кровью.

Наступление развивалось быстро. Тылы отстали. Поэтому прошло довольно много времени, пока получили Ванино обмундирование. Затем обмундирование нужно было еще перешить и подогнать по росту.

В условиях ежедневных передвижений это было почти невозможно. Но разведчики употребили все свое влияние, для того чтобы на ходу найти хорошего портного, сапожника, а главное, парикмахера с машинкой.

Хозяйственный Горбунов не поскупился на угощение. В ход пошла и свиная тушонка и сотня трофейных сигарет, немало рафинада и фляжка чистого авиационного спирта.

За портным, сапожником и парикмахером, которых отыскивали во втором эшелоне у гвардейских минометчиков, ухаживали, как за любимыми родственниками, не щадя продуктов.

Зато все Ванино обмундирование было готово в самый короткий срок и вызвало единодушное восхищение разведчиков — такое оно было маленькое, аккуратное, толковое, с иголки.

А посмотреть на Ванины сапожки приходили даже солдаты из соседних блиндажей.

Теперь дело стояло только за баней и парикмахером.

Баня, устроенная в землянке, уже топилась, а парикмахера с машинкой ждали. И вот парикмахер наконец явился, предшествуемый Горбуновым.

— Ну-ка, друзья. Попрошу вас. Не раскидывайтесь. Освободите лишнее место. А то товарищу парикмахеру неловко будет работать. Надо ему создать для работы необходимые условия, — говорил Горбунов, суетливо расчищая для парикмахера место и ставя посредине тесной, маленькой землянки ящик из-под осколочных гранат. — Иди сюда, Ваня. Садись. Не бойся. Сейчас тебя товарищ парикмахер будет стричь.

Чувствуя необыкновенно сильное волнение человека, вступающего в новую, прекрасную жизнь, Ваня сел на ящик и робко положил руки на колени.

Все взоры в эту знаменательную минуту были обращены на него, на маленького босого пастушка, готового к превращению в солдата.

Парикмахер был немолодой человек с добрыми воспаленными глазами и элегической улыбкой на рыжем лице. По званию он был сержант, но погонов его не было видно, так как на нем поверх толстой шинели был надет очень узкий и очень коротенький, совсем детский бязевый халатик, из бокового кармана которого торчала алюминиевая гребенка.

Он был военоторговый парикмахер. Фамилия его была Глазс. Но по фамилии его называли редко. А большей частью называли его «Восемь-сорок».

Это прозвище утвердилось за сержантом Глазсом под Орлом, когда он однажды брил приезжего писателя.

Он усадил писателя на травке, на обратном склоне холма, известного в донесениях того времени как «безыменная высотка к северо-западу от железнодорожного виадука».

Бритье происходило метрах в пятистах от немецкого переднего края. Немцы все время вели по безыменной высотке так называемый тревожащий огонь из миномета.

Но сержант Глазс любил свежий воздух и предпочитал работать на просторе, а не мучиться в тесной щели, где негде было повернуться, тем более что, как известно, немецкий «тревожащий» огонь обыкновенно меньше всего тревожил русских.

Сержант Глазс брил писателя с особенным старанием, с душой, желая дать ему понять, что парикмахерское дело поставлено в Военторге на должную высоту.

Он побрил писателя очень тщательно, два раза: один раз по волосу, а другой раз против волоса. Он хотел пройти еще и третий раз, но писатель сказал:

— Не надо.

Затем Глазс подправил писателю волосы на затылке и спросил, какие виски он предпочитает: прямые, косые или севастопольские полубачки.

— Все равно, — сказал писатель, прислушиваясь к разрывам мин на гребне безыменной высотки.

— В таком случае, я вам сделаю косые. У нас почти все гвардейцы-минометчики предпочитают косые.

— Ну, пусть будут косые, — сказал писатель.

— Вас не беспокоит? — спросил Глазс, уловив некоторое раздражение в голосе клиента.

— Я тороплюсь, — сказал писатель.

— Пять минут, не больше, — сказал Глазс. — Я должен вам сделать виски, как следует быть, для того чтобы вы могли иметь представление о работе военторговских парикмахеров. Может быть, это вам пригодится как материал для статьи.

В это время, когда Глазс делал писателю второй висок, довольно близко от них разорвалась мина.

— Не беспокойтесь, — сказал Глазс, — он кидает наобум. Это никого не волнует. Разрешите попудрить?

— У вас есть и пудра? — удивился писатель.

— Разумеется. У нас есть все, что положено для культурной парикмахерской.

— Как, даже одеколон? — еще больше изумился писатель.

— Разумеется, — сказал Глазс. — Разрешите освежить?

— Освежите, — сказал писатель.

Глазс вынул из кармана склянку, сунул в нее трубку и подул писателю в лицо одеколоном. Он уже собирался вытереть клиенту лицо вафельным полотенцем, как вдруг прислушался и сказал:

— А вот теперь я вам советую на одну минуту спуститься в щель.

И едва они успели спрыгнуть в щель, как совсем рядом разорвалась мина, в один миг уничтожившая все инструменты Глазса, оставленные на траве: помазок, чашечку, оселок, тюбик крема для бритья и зеркало.

Когда ветер унес коричневый дым, писатель сказал не без юмора:

— Сколько прикажете?

Тогда парикмахер поднял свои воспаленные глаза к небу, некоторое время шевелил губами и наконец сказал:

— Восемь сорок.

Писатель этого не ожидал. Он никак не предполагал, что за бритье берут деньги даже на фронте.

— Дороговато, — сказал он довольно мрачно.

— Такие цены, — вздохнул парикмахер, пожимая плечами. — Если угодно, могу вам показать преёскурант, утверждённый Военторгом. Но если вы почему-либо не при деньгах, не беспокойтесь. Я могу подождать. Вы мне отдадите после. Какая разница!

Вот каков был человек, явившийся брить пастушка.

Он развернул вафельное полотенце, где у него были завернуты инструменты, и в большом порядке разложил их на пустой койке, полотенце же завязал Ване вокруг шеи.

— Давно не был в бане? — деловито спросил он мальчика.

— С сорок первого года, — сказал Ваня.

— Сравнительно не так давно, — сказал Восемь-сорок.

Все почтительно засмеялись. Было сразу видно, что Восемь-сорок человек знаменитый и в своей области считается профессором, оказавшим большую честь своим визитом.

— Сто грамм сейчас будете пить или после работы? — спросил Горбунов, ставя на койку фляжку, кружку, два громадных ломтя хлеба и открытую банку свиной тушонки.

— До войны у нас в Бобруйске умные люди имели обыкновение сначала работать, а уже потом выпивать, — сказал парикмахер меланхолично. — Что будем делать с молодым человеком? — спросил он, поднимая двумя пальцами волосы мальчика на затылке.

— Постричь надо ребенка, — жалостным, бабьим голосом сказал Биденко, с нежностью глядя на пастушка.

— Это ясно, — сказал Восемь-сорок. — Но возникает вопрос, как именно стричь? Стрижка бывает разная. Есть нулевая, есть под гребенку, есть под бокс, есть с чубчиком.

— С чубчиком, — сказал Ваня.

— Почему именно с чубчиком?

— Я так видел у одного мальчика, гвардейского кавалериста. У ихнего сына полка. У ефрейтора Вознесенского. Красивый чубчик!

— Знаю. Моя работа, — сказал парикмахер.

— Нет, артиллеристу с чубчиком не подходит, — строго сказал Биденко. — Для конника — да. А для батарейца — нет. Батарейца надо стричь под ноль-ноль. Чтоб как шаром покати.

— Ну, брат, не думаю, — сказал Горбунов. — Под ноль это скорее всего годится для пехотинца. А для артиллериста — никак. Какой же он будет бог войны, если у него волосы — шаром покати? Скорее всего, артиллериста надо стричь под бокс. Это более подходяще.

— Под бокс это для авиации, — глухо сказал кто-то из угла.

— Для авиации? Пожалуй, да. Стало быть, под гребенку.

— Это уж будет слишком по-танкистски.

— Верно, братцы! Чересчур бронетанковый вид получится у нашего Вани. Это не годится. Надо его так постричь, чтобы сразу было видать, что малый — артиллерист.

Довольно долго вся команда разведчиков обсуждала вопрос о Ваниной стрижке. Парикмахер терпеливо ждал. Когда же в конце концов выяснилось, что никто толком не знает, как надо стричь

по-артиллеристски, Восемь-сорок сказал со снисходительной улыбкой:

— Я вас выслушал. Хорошо. Теперь я его буду стричь так, как я это сам себе мыслю. Мальчик, нагни голову.

И с этими словами вынул из бокового карманчика алюминиевую гребенку.

— Только с чубчиком,—жалобно сказал Ваня.

— И височки не забудьте покосее,—добавил Горбунов.

— Не беспокойтесь,—сказал парикмахер, и в его высоко поднятой руке звонко защебетали ножницы.

На вафельное полотенце посыпались густые хлопья Ваниных волос.

Восемь-сорок был великий мастер своего дела, это знали все. Но тут он превзошел самого себя. Он стриг мальчика и так и этак, всеми способами и на все фасоны.

С ловкостью фокусника он менял в руках инструменты. То мелькали ножницы, то повизгивала машинка, то вдруг на миг вспыхивала, как молния, бритва, прикасаясь к вискам.

И по мере того, как на вафельном полотенце вырастала гора снятых волос, голова мальчика волшебным образом изменялась.

Ваня ежился и сдержанно хихикал от прикосновения холодных инструментов к своей непривычно оголенной голове. Посмеивались и разведчики, видя, как их пастушок на глазах превращается в маленького солдата.

Его острые уши, освобожденные из-под волос, казались несколько великоваты, шейка несколько тонка, но зато лоб оказался открытый, круглый, упрямый — прямо солдатский лоб, но только с небольшой, хорошенькой чолочкой.

Чолочка вызвала у разведчиков особенное восхищение. Это было как раз то, что нужно. Не бесшабашный кавалерийский чубчик, а именно приличная, скромная артиллерийская чолка.

— Ну, брат, конечно дело! — воскликнул в восторге Горбунов. — Сняли с нашего пастушка крышу.

Ване страсть как хотелось поскорее посмотреть на себя в зеркало, но парикмахер, как истинный артист и взыскательный художник, еще долго возился, окончательно отделывая свое произведение.

Наконец он обмахнул Ванину голову веничком и подул на Ваню из трубочки одеколоном. Ваня не успел зажмуриться. Глаза жгуче защипало. Из глаз брызнули слезы.

— Готово, — сказал парикмахер, сдергивая с Вани полотенце. — Любуйся.

Ваня открыл глаза и увидел перед собой маленькое зеркало, оклеенное позади обоями, а в зеркале — чужого, но вместе с тем странно знакомого мальчика со светлой голой головкой, крупными ушами, крошечной льняной чолочкой и радостно раскрытыми синими глазами.

Ваня погладил себя холодной ладонью по горячей голове, от чего и ладони и голове стало щекотно.

— Чубчик! — восхищенно прошептал мальчик и тронул пальцем шелковистые волосики.

— Не чубчик, а чолочка, — наставительно сказал Биденко.

— Пускай чолочка, — с нежной улыбкой согласился Ваня. — Лишь бы вроде чубчика.

— Ну, а теперь, брат, в баньку!

Пока знаменитый мастер заворачивал инструменты и полотенце, пока он затем выпивал честно заработанные сто граммов и закусывал, Горбунов и Биденко повели мальчика в баню.

Хотя банька эта была устроена в маленьком немецком блиндаже и состояла из печки, сделанной из железного бочонка, и казана, сделанного тоже из железного бочонка, так что горячая вода немного попахивала бензином, но для Вани, не мывшегося уже три года, эта банька показалась раем.

Оба дружка — Горбунов и Биденко — знали толк в банях. Они сами любили париться, да и других любили хорошенько попарить.

Они вымыли мальчика на славу.

Для такого случая Горбунов не пожалел куска душистого мыла, которое уже два года лежало у него на дне вещевого мешка, ожидая своего часа. А Биденко разжился у земляков из батальона капитана Ахунбаева рогожей и нащипал из нее отличной мочалы.

Что касается березовых веников, то, к немалому изумлению Вани, они тоже нашлись у запасливого Горбунова.

В бане горел фонарь «летучая мышь».

В жарком, туманном, воздухе, насыщенном крепким духом распаренного березового листа, оба разведчика двигались вокруг мальчика, наклоня головы, чтобы не стукнуться о бревенчатый потолок.

Их богатырские тени, как балки, пробивали туман.

В какие-нибудь полчаса они так лихо обрабатывали Ваню, что он весь был совершенно чистый,

яркокрасный и светился насквозь, как раскаленная железная печка.

Но, конечно, добиться этого было не так-то легко. Биденко и Горбунов употребили все свои богатырские силы, для того чтобы смыть с мальчика трехлетнюю грязь. Они по очереди терли ему спину рогожной мочалой, они покрывали его тело горячей душистой пеной, они обливали его кипятком из громадной консервной банки, они клали его на скользкую лавку и шлепали его в два веника, очень напоминая при этом деревянную игрушку «мужик и медведь», причем в особенности напоминал медведя голый Горбунов, весь как бы грубо сработанный долотом из липы.

В пяти водах пришлось мыть Ваню, и после каждой воды его снова мылили.

Первая вода потекла с него до того черная, что даже показалась синей, как чернила. Вторая вода была просто черная. Третья вода была серая. Четвертая — нежноголубая. И лишь пятая вода, перламутровая, потекла по чистому телу, сияющему, как раковина.

— Ну, брат, намучились с тобой, сил нет, — сказал Горбунов, вытирая с лица пот. — Тебя, знаешь, брат, надо было скрести не мочалой, а скорее всего наждачной бумагой.

— Или даже рашпилем, — добавил Биденко, с удовольствием разглядывая хотя и худую, но стройную, крепкую фигурку пастушка с прямыми, сильными ногами и по-детски острыми ключицами.

Особенно же умилили разведчиков Ванины лопатки, выступающие на чистенькой спине, как топорики.

Ваня вытирался собственным новым полотенцем и надел в предбаннике собственное белье: рубаху и подштанники с оловянными пуговицами.

И вот наступила великая минута. Ваня наконец надел на себя обмундирование. Он надел шерстяную гимнастерку с воротником, аккуратно подшитым белым полотняным подворотничком. Ваня почувствовал на своих плечах твердые картонки погонов и шнуручки, которыми эти погоны были привязаны к гимнастерке сквозь специальные дырочки.

Почувствовав погоны, мальчик вместе с тем почувствовал гордое сознание, что с этой минуты он уже не простой мальчик, а солдат Красной Армии.

Он стоял с мокрой чолочкой, босиком на полу предбанника, усталого можжевельником. Он смотрел, подняв глаза на своих воспитателей, как бы спрашивая: «Ну, как? Правильно я обмундирываюсь?»

Но они молчали, внимательно наблюдая, как он одевается.

Продолжая искоса поглядывать на великанов, Ваня чистенькими, белыми, сморщенными от воды пальцами стал застегивать жесткий воротник и тесные рукава.

С непривычки это было довольно трудно. Крепко пришитые медные пуговицы со звездочками с трудом пролезали в узкие петли. Петельки то и дело выскальзывали из пальцев. Но мальчик, упрямо сжав губы, все-таки наконец справился с ними.

Теперь его запястья были тесно и прочно схвачены рукавами. Застегнутый воротник плотно облегал шею, делая ее твердой, прямой.

Оставалось только надеть пояс и обуться.

Мальчик был в затруднении. Он не знал, что «положено»: надевать сначала пояс или сапоги? Он вопросительно посмотрел на Биденко и Горбу-

нова. Они молчали. Немного подумав, Ваня взялся за сапоги.

— Правильно, — сказал Биденко.

Ваня натянул белые нитяные носки и нерешительно взял портянки. Он никогда еще не надевал портянок. Он не знал, как с ними надо обращаться.

Горбунов легонько толкнул локтем Биденко. Ваня сердито нахмурился и покраснел. Он быстро намотал на ногу портянку. Горбунов и Биденко молчали. Ваня взял сапог и сунул в него обмотанную ногу, но она застряла в голенище. Ваня стал тянуть ее назад и с трудом вытащил.

— Не лезет, — сказал он отдуваясь.

Разведчики молчали. Ваня покраснел еще больше.

— А, черт! — сказал Ваня и снова стал со злобой вбивать ногу в сапог.

— Не лезет? — сказал Биденко сочувственно.

— Не лезет, — сказал Ваня кряхтя.

— Значит, узкие, — сказал Горбунов.

— Да, — сказал Биденко и вздохнул. — Никуда не годятся сапоги. Испортил проклятый сапожник. Придется их выкинуть. Верно, Чалдан?

— Не иначе. Давай сюда сапоги, Ваня. Я их сейчас выкину.

Ваня испуганно посмотрел на Горбунова.

— Не надо, дяденька. Я их без портянок попробую надеть. Может быть, налезут.

— Без портянки нельзя. Не положено.

Неумолимое «не положено» привело мальчика в отчаяние. Он схватил сапог и снова стал его натягивать. Он натянул его до половины. Дальше нога решительно не лезла. Тогда Ваня попытался стащить сапог. Но это тоже не вышло. Нога прочно застряла. Ни туда, ни сюда.

— Плохо дело, — сказал спокойно Биденко.

— Погоди, — сказал Горбунов. — А может быть, не сапог узкий, а портянка чересчур толстая попалась?

— Ага, чересчур толстая! — неуверенно сказал Ваня, чувствуя, что дело тут совсем не в сапоге и не в портянке и что есть какой-то солдатский секрет, который Горбунов и Биденко отлично знают, да только не хотят ему сказать — испытывают его.

Мальчик жалобно смотрел на своих учителей, и они не стали его слишком долго мучить.

— Так что, пастушок, — сказал Биденко строго, назидательно, — выходит дело, что из тебя не получилось настоящего солдата, а тем более артиллериста. Какой же ты батареец, коли ты даже не умеешь портянку завернуть, как положено? Никакой ты не батареец, друг сердечный. Стало быть, одно: переодеть тебя обратно в гражданское и отправить в тыл. Верно?

Ваня молчал, подавленный мрачной перспективой лишиться обмундирования и ехать в тыл.

— Такие-то дела, Ванюша, — продолжал Биденко. — Но я сказал это только так, к примеру. В тыл мы тебя, конечно, отправлять не будем, поскольку ты уже прошел приказом, а также потому, что сильно к тебе привыкли. Стало быть, одно: придется тебе научиться заворачивать портянки, как полагается каждому культурному воину. И это будет твоя первая солдатская наука. Гляди.

С этими словами Биденко разостлал на полу свою портянку и твердо поставил на нее босую ногу. Он поставил ее немного наискосок, ближе к краю, и этот треугольный краешек подсунул под пальцы. Затем он сильно натянул длинную сторону портянки, так, что на ней не стало ни одной морщинки. Он немного любовался тугим полотни-

щем и вдруг с молниеносной быстротой, легким, точным, воздушным движением запахнул ногу, круто обернул полотнищем пятку, перехватил свободной рукой, сделал острый угол и остаток портянки в два витка обмотал вокруг лодыжки.

Теперь его нога туго, без единой морщинки была спеленута, как ребенок.

— Куколка! — сказал Биденко и надел сапог.

Он надел сапог и не без щегольства притопнул каблуком.

— Красота! — сказал Горбунов. — Можешь сделать так?

Ваня во все глаза с восхищением смотрел на действия Биденко. Он не пропустил ни одного движения. Ему казалось, что он в точности может повторить все это. Однако, живя с солдатами, он научился солдатской осторожности. Ему не хотелось осрамиться.

— А ну-ка, дядя Биденко, покажите мне еще один раз.

— Изволь, брат.

И Биденко обернул портянкой вторую ногу, надел на нее сапог и притопнул с еще большей быстротой и точностью.

— Заметил?

— Заметил, — сказал Ваня, став необыкновенно серьезным.

Он разостлал на лавке свою портянку совершенно так же, как это сделал Биденко. Он долго примеривался, прежде чем поставить на нее ногу. Вид у него был смущенный, даже робкий. Но Ваня притворялся. В его опущенных глазах нет-нет, да и продергивалась сквозь ресницы синяя озорная искорка.

Для того чтобы не обнаружить улыбку, Ваня покусывал губы, сизые после купанья.

И вдруг в один миг он обернул ногу портянкой по всем правилам — туго, почти без единой морщинки.

— Куколка! — крикнул он, натянул сапог и лихо притопнул каблучком.

— Силён! — сказал Горбунов, обменявшись с Биденко многозначительным взглядом.

С каждым днем мальчик нравился им все больше и больше. Они не ошиблись в нем. Это действительно был толковый, смысленый парнишка, который все схватывал на лету. Теперь уже не могло быть сомнения, что из него выйдет отличный солдат.

Когда же Ваня надел сапоги и подпоясался новеньким, скрипучим ремнем, оба разведчика даже захохотали от удовольствия — такой стройный, такой ладный стоял перед ними мальчик, вытянув руки по швам и сияя озорными глазами. Даже веснушки, появившиеся на отмытом носу, сияли.

— Хорошо, — сказал Биденко. — Молодец, пастушок! Вот теперь ты настоящий вояка.

Но Горбунов, внимательно осмотрев мальчика, остался недоволен.

— А ну-ка подойди. Два шага вперед! — скомандовал он.

И когда Ваня приблизился, Горбунов сунул ему за пояс кулак.

— Никуда, брат, не годится. У тебя пояс болтается, как на корове седло. Целый кулак вошел. А положено, чтобы два пальца входили. Отставить.

Ваня быстро рванул ремень, туго его затянул, но застегнуть не мог, так как не было больше дырочек. Тогда Биденко достал из необъятного кармана своих шаровар ножик и проколол в Вани-

ном поясе еще одну дырочку. Теперь пояс затягивал Ваню туго, как положено.

Не дожидаясь нового замечания, мальчик крепко обтянул гимнастерку и все складки согнал назад.

— Верно, — сказал Горбунов. — Теперь молодец.

Появление обмундированного Вани в блиндаже разведчиков вызвало общий восторг. Но не успели еще разведчики как следует налюбоваться своим сыном, как в землянку вошел сержант Егоров.

Он окинул мальчика быстрым внимательным взглядом и, видимо, остался доволен, так как не сделал никакого замечания.

— Пастушок, — сказал он, — живо собирайся. К командиру батареи.

На войне все совершается быстро. Судьба солдат меняется неожиданно. Глазом не успеешь мигнуть.

И через две минуты Ваня в новой шинели и новой цигейковой шапке, которая глубоко сидела на его стриженной, скользкой голове, уже шел по расположению батареи, разыскивая командирский блиндаж.

19

Капитан Енакиев отдыхал. Не часто приходилось ему отдыхать. Но даже и эти счастливые дни, а то и часы отдыха капитан Енакиев старался употребить с наибольшей пользой для службы.

Имелось много дел, которыми не было времени заняться в дни боев. В большинстве эти дела были очень важные, хотя и не первоочередные. Капитан Енакиев никогда о них не забывал. Он только откладывал их до более свободного времени.

Что же касается своих личных дел, то личных дел у него почти не было. После гибели семьи ему не от кого было получать писем и некому было больше писать. У него не было родственников. Он был совсем одинок. Но он был человек замкнутый. О его несчастьи и о его одиночестве почти никто в полку не знал, и лишь немногие догадывались.

Батарея сделалась семьей капитана Енакиева. А у каждой семьи есть свои внутренние, семейные дела. Этими-то семейными делами батареи капитан Енакиев обычно занимался в дни своего отдыха.

К числу их принадлежал и вопрос о дальнейшей судьбе Вани Солнцева.

Капитан Енакиев видел мальчика и разговаривал с ним всего один раз. Но у Вани была счастливая способность нравиться людям с первого взгляда. Было что-то необыкновенно привлекательное в этом оборванном деревенском пастушке с холщевой торбой, в его заросшей голове, похожей на соломенную крышу маленькой избушки, в его синих ясных глазах.

Капитан Енакиев, так же как и его солдаты, с первого взгляда полюбил мальчика.

Но разведчики полюбили Ваню как-то слишком весело. Может быть, даже немного легкомысленно. Они в шутку называли его своим сыном. Но, вернее сказать, он был для них не сыном, а младшим братишкой, озорным и забавным пареньком, внесшим так много разнообразия в их суровую боевую жизнь.

Что же касается капитана Енакиева, то мальчик пробудил в его душе более глубокие чувства. Ваня растравил в его душе еще не зажившую рану.

Разрешив разведчикам оставить Ваню у себя, капитан Енакиев не забыл о нем. Каждый раз, как лейтенант Седых докладывал о делах взвода

управления, капитан Енакиев непременно спрашивал и о мальчике.

Он часто о нем думал. И, думая о нем, привык соединять его в своих мыслях с тем маленьким мальчиком в матросской шапочке, которому теперь исполнилось бы семь лет, но которого нет и уже больше никогда не будет на свете.

Был ли Ваня похож на его покойного сына? Нет. Он ничуть не был на него похож — ни по внешности, ни по возрасту, а тем более по характеру. Тот мальчик был еще слишком мал, чтобы иметь какой-нибудь определенный характер. А Ваня уже был почти сложившийся человек. Нет, дело, конечно, было не в этом. Дело было в живой, страстной, деятельной любви капитана Енакиева к своему покойному мальчику.

Мальчика уже давно не было, а любовь все не умирала.

Когда капитану Енакиеву донесли о разведке, в которой участвовал Ваня, когда он узнал о происшествии в «штабном лесу», он очень рассердился. Тогда только он понял, как ему дорог этот веснушчатый, чужой для него мальчик. Он разрешил оставить Ваню у разведчиков, но он ничего не говорил о том, чтобы посылать мальчика в разведку. Плохо бы пришлось лейтенанту Седых, если бы дело не кончилось благополучно.

Капитан Енакиев тогда же решил при первом удобном случае заняться Ваней Солнцевым вплотную.

По множеству мелких признаков, которые всегда отличают место, где находится командирская квартира, Ваня Солнцев, никого, по обычаю разведчиков, не расспрашивая, сам быстро нашел блиндаж капитана Енакиева.

Непривычно стуча по ступенькам скользкими, немного выпуклыми подметками новых сапог, Ваня спустился в командирский блиндаж.

Он испытывал то чувство подтянутости, лихости и вместе с тем некоторого страха, которое всегда испытывает солдат, являющийся по вызову командира.

Капитан Енакиев сидел по-домашнему, без сапог, в расстегнутом кителе, под которым виднелась голубая байковая фуфайка, на походной койке, застланной попоной.

Койка его отличалась от койки любого разведчика лишь тем, что на ней была подушка в свежей, только что выглаженной наволочке.

Без шинели и без фуражки, с несколькими потертыми орденскими ленточками на кителе, с небольшой проседью в темных висках, командир батареи показался Ване более старым, чем тогда, когда он его увидел в первый раз.

Ваня обеими руками стащил с головы шапку и сказал:

— Здравствуйте, дяденька!

Капитан Енакиев посмотрел на него темными глазами, окруженными суховатыми морщинками, и слегка прищурился. В первую минуту он не узнал пастушка Ваню в этом стройном и довольно высоком солдатике — сапоги прибавляли ему роста — с круглой крепкой головой, высунутой из широкого воротника новой шинели с артиллерийскими погонами и петлицами.

— Здравствуйте, дяденька! — повторил Ваня, сияя счастливыми глазами и как бы приглашая командира батареи обратить внимание на свою одежду.

Но так как Енакиев продолжал молчать, Ваня осторожно присел возле двери на ящик, подтянул

голенища сапог и положил на колени руки с шапкой.

— Ты кто такой? — наконец сказал капитан с холодным любопытством.

Никакой вопрос не доставил бы Ване большего удовольствия.

— Это же я, Ваня, пастушок, — сказал мальчик, широко улыбаясь. — Не узнали меня разве?

Но капитан не улыбнулся, как того ожидал Ваня. Напротив, лицо его стало еще холодней.

— Ваня? — прищурясь, сказал он. — Пастушок?

— Ага.

— А во что это ты нарядился? Что это у тебя на плечах за штучки?

Ваня слегка растерялся.

— Это погоны, — сказал он неуверенно.

— Зачем?

— Положено.

— Ах, положено! Для чего же положено?

— Всем солдатам положено, — сказал Ваня, удивляясь неосведомленности капитана.

— Так ведь это солдатам. А ты разве солдат?

— А как же! — с гордостью сказал Ваня. — Приказом даже прошел. Вещевое довольствие нынче получил. Новенькое. На красоту!

— Не вижу.

— Чего вы не видите, дяденька? Вот же оно, обмундирование. Сапожки, шинелька, погоны. Смотрите, какие пушечки на погонах. Видите?

— Пушки на погонах вижу, а солдата не вижу.

— Так я же самый и есть солдат, — окончательно сбитый с толку ледяным тоном капитана, прошептал Ваня, глупо улыбаясь.

— Нет, друг мой, ты не солдат.

Капитан Енакиев вздохнул, и вдруг лицо его

стало суровым. Он кинул на стол «Исторический журнал», заложив его карандашиком, и резко сказал, почти крикнул:

— Так солдат не является своему командиру батареи. Встать!

Ваня вскочил, вытянулся и обмер.

— Отставить. Явись сызнова.

И тут только мальчик сообразил, что, всецело занятый своим обмундированием, он забыл все на свете — и кто он такой, и где находится, и к кому явился по вызову.

Он проворно нахлобучил шапку, выскочил за дверь, поправил сзади пояс, заложенный за хлястик, и снова вошел в блиндаж, но уже совсем по-другому.

Он вошел строевым шагом, щелкнул сапогами, коротко бросил руку к козырьку и коротко оторвал ее вниз.

— Разрешите войти? — крикнул он пискливым детским голосом, который ему самому показался лихим и воинственным.

— Войдите.

— Товарищ капитан, по вашему приказанию явился красноармеец Солнцев.

— Вот это другой табак! — смеясь одними глазами, сказал капитан Енакиев. — Здравствуйте, красноармеец Солнцев.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — лихо ответил Ваня.

Теперь уже капитан Енакиев не скрывал веселой, добродушной улыбки.

— Силён! — сказал он то самое, очень распространенное на фронте словечко, которое мальчик уже много раз слышал по своему адресу и от Горбунова, и от Биденко, и от других разведчиков. — Теперь я вижу, что ты солдат, Ванюшка.

Давай садись. Потолкуем. Соболев, чай поспел? — крикнул капитан Енакиев.

— Так точно, поспел, — сказал Соболев, появляясь с большим чайником, охваченным паром.

— Наливай. Два стакана. Для меня и для красноармейца Солнцева. А то он подумает, что мы с тобой живем хуже, чем его разведчики. Верно, Соболев?

— Это уж как водится, — сказал Соболев, тоном своим давая понять, что он вполне разделяет мнение капитана о разведчиках как о людях хотя и толковых, но имеющих слабость пускать пыль в глаза своим угощением.

Соболев поставил на столик два стакана в серебряных подстаканниках и налил крепкого, почти красного чаю, от которого сразу распространился чудеснейший горячий аромат.

И тут только Ваня понял, что такое настоящее богатство и роскошь.

Сахар, правда, был не рафинад, а мелкий, но зато Соболев подал его в стеклянной вазочке. Свиной тушонки с картошкой тоже не было. Но зато капитан Енакиев поставил на стол коробку с печеньем «Красный Октябрь» и выложил плитку шоколада «Спорт», что заставило пастушка почти онеметь от восхищения.

Капитан Енакиев с веселым оживлением смотрел на Ваню.

— Ну, пастушок, говори: где лучше — у нас или у разведчиков?

Ваня чувствовал, что здесь лучше. Но ему не хотелось обижать разведчиков и отзываться о них дурно, в особенности за глаза.

Он подумал и сказал уклончиво:

— У вас богаче, товарищ капитан.

— А ты, Ванюша, хитрый. Своих в обиду не даешь. Верно, Соболев? Не дает своих в обиду?

— Точно. Разве солдат своих в обиду даст?

— Ну, ладно, Соболев. Пока можешь быть свободен. А мы тут с красноармейцем Солнцевым побеседуем по душе... Такие-то дела, Ванюша, — сказал капитан Енакиев, когда Соболев ушел к себе за перегородку. — Что же мне с тобой дальше делать? Вот в чем вопрос.

Ваня испугался, что его снова хотят отправить в тыл. Он вскочил с ящика и вытянулся перед своим командиром:

— Виноват, товарищ капитан. Честное батаре́йское, больше не повторится.

— Чего не повторится?

— Что явился не как положено.

— Да, брат. Явился ты, надо прямо сказать, неважно. Отвратительно явился. Но это дело поправимое. Научись. Ты парень смышленный. Да ты что стоишь? Садись. Я с тобой сейчас не по службе разговариваю, а по-семейному.

Ваня сел.

— Так вот я и говорю: что мне с тобой делать? Ты ведь хотя еще и небольшой, но все же вполне человек. Живая душа. Для тебя жизнь только-только начинается. Тут никак нельзя промахнуться. А?

Капитан Енакиев смотрел на мальчика с суровой нежностью, как бы пытаясь взглядом своим проникнуть в самую глубь его души.

Как не похож был этот маленький стройный солдатик с нежной, как у девочки, шеей, уже натертой грубым воротником шинели, на того простоволосого, босого пастушка, который разговаривал с капитаном Енакиевым однажды у штаба

полка! Как неузнаваемо он переменялся за такое короткое время! Изменилась ли также и его душа? Выросла ли она с тех пор, окрепла ли, возмужала? Готова ли она к тому, что ей предстоит?

И Ваня почувствовал, что именно сейчас, в эту самую минуту, по-настоящему решается его судьба. Он стал необыкновенно серьезен. Он стал так серьезен, что даже его чистый выпуклый детский лоб покрылся морщинками, как у взрослого солдата.

Если бы разведчики увидели его в эту минуту, они бы не поверили, что это их озорной, веселый пастушок. Таким они его никогда не видели. Таким он был, вероятно, первый раз в жизни.

И это сделали не слова капитана Енакиева — простые, серьезные слова о жизни — и даже не суровый, нежный взгляд его немного усталых глаз, окруженных суховатыми морщинками, а это сделала та живая, деятельная, отцовская любовь, которую Ваня почувствовал всей своей одинокой, в сущности очень опустошенной душой. А как ей была необходима такая любовь, как бессознательно жаждала душа мальчика этой любви!

Они оба долго молчали — командир батареи и Ваня, — соединенные одним могущественным чувством.

— Ну, так как же, Ваня? А? — наконец сказал капитан.

— Как вы прикажете, — тихо сказал Ваня и опустил ресницы.

— Приказать мне недолго. А вот я хочу знать, как ты сам решишь.

— Чего же решать? Я уже решил.

— Что же ты решил?

— Буду у вас артиллеристом.

— Вопрос серьезный. Тут бы не худо родите-

лей твоих спросить. Да ведь у тебя, кажись, никого не осталось?

— Да. Круглый сирота. Всех родных немцы истребили. Никого больше нету.

— Стало быть, сам себе голова?

— Сам себе голова, товарищ капитан.

— Вот и я сам себе голова, — неожиданно для самого себя, с грустной улыбкой сказал капитан Енакиев, но тотчас спохватился и прибавил шутиливо: — Одна голова хорошо, а две — лучше. Верно, пастушок?

Капитан Енакиев нахмурился и некоторое время задумчиво молчал, поглаживая указательным пальцем короткую щеточку усов, что имел обыкновенные делать всегда перед тем, как принять окончательное решение.

— Ладно, — сказал он решительно и слегка ударил ладонью по столу. — Рано тебе еще в разведку ходить. Будешь у меня связным. Соболев! — крикнул он весело и решительно. — Сходи к разведчикам и перенеси в мой блиндаж койку и вещи красноармейца Солнцева.

И судьба Вани опять переменилась, с той быстротой, с которой всегда меняется судьба человека на войне.

20

С этого дня Ваня стал в основном жить у капитана Енакиева.

Но капитан Енакиев взял его к себе вовсе не для того, чтобы действительно сделать из мальчика связного. У него были гораздо более широкие намерения. Он хотел лично воспитать Ваню.

Со свойственной ему основательностью капитан Енакиев составил план воспитания. Он проду-

мал его во всех подробностях, так же, как он продумывал для своей батареи решение боевой задачи. Но, обдумав план всесторонне, не торопясь, он приступил к его осуществлению быстро и решительно.

Прежде всего, по этому плану, Ваня должен был постепенно научиться выполнять обязанности всех номеров оружейного расчета.

Для этого, посоветовавшись со своим старшиной, капитан Енакиев прикомандировал Ваню к первому оружию первого взвода в качестве запасного номера. Первые дни мальчик очень скучал по своим друзьям-разведчикам. Сначала ему показалось, что он лишился родной семьи. Но скоро он увидел, что новая его семья ничем не хуже старой. Эта семья сразу приняла его, как родного.

Ваня еще не знал, что нет людей более осведомленных, чем солдаты. Солдатам всегда все известно. Все новости узнаются мгновенно, как принято говорить — «по солдатскому телеграфу».

Когда Ваня явился в первое оружие, то, к его крайнему удивлению, там уже о нем было известно все. Оружейный расчет прекрасно знал историю мальчика. Знал, как его нашли разведчики в лесу, как он убежал от Биденко, как ходил со слепой лошастью в разведку, как попался немцам, как был освобожден, и вообще абсолютно все, вплоть до компаса и букваря с прописью «Мы не рабы. Рабы не мы».

В особенности оружейному расчету нравился случай с Биденко.

Они все время заставляли Ваню рассказывать эту историю с самого начала. Они хохотали, как дети, когда рассказ доходил до места с веревкой. Они валились на плечи друг другу головой, хлопали друг друга по спине кулаками, вытирали

слезы рукавами. Они еле могли говорить от смеха, душившего их.

— Слышь, Никита, он его дергает за веревку, а этот притворяется, что спит. Чуешь?

— Ах, чтоб ты пропал!

— Вполне, как говорится, связался чорт с младенцем.

— Точно. Именно, что связался. Тот его дергает, а этот задает храпака. А потом тот его обратно дергает, а этого уж и след простыл. Ищи ветра в поле.

— Ай, пастушок! Ай, друг милый! Такого знаменитого разведчика обдурил! Это ж надо уметь.

— Да. Ничего не скажешь. Силён!

Разведчики принадлежали к батарейной аристократии. Слов нет, они жили богато, по-хозяйски. Один их знаменитый чайник чего стоил! Но и орудийный расчет жил тоже не худо. Правда, такого исключительного чайника у них не было, и насчет трофеев дело тоже обстояло куда хуже, чем у разведчиков, которые всегда были впереди. Но зато они владели превосходной громадной эмалированной кастрюлей, в которой приготавливали себе сами необыкновенно вкусные ужины. Они оставляли от обеда мясные порции и жарили их с гречневой кашей на коровьем масле. Масло же для них вопроса не составляло, так как у одного из номеров имелся во втором эшелоне землячок-повар.

Жили орудийцы тесной, дружной семьей. Они жили, пожалуй, еще дружнее, чем разведчики. Да это и понятно. Разведчики редко собирались все вместе. А орудийцы постоянно находились все вместе возле своей пушки. Тут они и воевали, тут они и отдыхали, тут они и питались, тут они, как говорится, и песни пели.

А пели они песни действительно замечательно, потому что на редкость удачно подобрались по голосам.

Кроме того, у них был еще один козырь против разведчиков: у них был замечательный, очень дорогой баян, подарок шефов, которые приезжали в гости к батареям с Урала в 1942 году. И, кроме того, был знаменитый на всю дивизию баянист Сеня Матвеев, сержант, командир орудия. Так что когда бывало во время наступления батарея меняла позицию, то первое орудие мчалось вперед с музыкой. Орудийный расчет сидел на грузовике и пел хором, а Сеня Матвеев, в фуражке, надвинутой на самые брови, в расстегнутой шинели, с черными злодейскими усиками, крепко стоял с подарочным баяном и так давал, что пехота невольно сходила с дороги, останавливалась и, глядя вслед веселому грузовику, за которым в облаке пыли прыгала маленькая пушечка, с уважением кричала:

— Здорово, бог войны! Дай ему там жизни! Подбавь огоньку!

— Сейчас дадим, — отвечал Сеня Матвеев, еще шире растягивая свой баян. — Ваш табачок — наш огонек. Прощай, царица полей! До скорого свиданья на полях сражений!

Но это, конечно, было не главное. Главное заключалось в том, что орудийный расчет первого орудия первого взвода батареи капитана Енакиева в своей области был так же знаменит на всю дивизию, как и команда разведчиков.

Первое орудие славилось меткостью и невероятной быстротой стрельбы. Там, где другие орудия, даже самые лучшие, успевали выпустить два снаряда, первое орудие выпускало три. А это свидетельствовало об отличной работе всего орудий-

ного расчета в целом и каждого номера в отдельности.

В особенности же был знаменит Ковалев, лучший наводчик фронта, Герой Советского Союза.

Стало быть, новая семья, принявшая Ваню к себе, была очень известная и очень уважаемая. Ваня это сразу почувствовал, хотя орудийцы были народ скромный и о своих боевых делах говорили мало.

И Ваня стал гордиться первым орудием так же сильно, как он раньше гордился командой разведчиков. И это яснее всего показывало, что у него душа настоящего солдата. Ибо какой же хороший солдат не гордится своим подразделением?

Но что особенно поразило воображение мальчика, что помогло ему сравнительно легко пережить разлуку с разведчиками, — было орудие.

Уже самое это слово — орудие — всегда звучало для мальчика заманчиво и грозно. Оно было самое военное из всех военных слов, окружавших Ваню.

Было много военных слов: блиндаж, пулемет, атака, бой, разведка, азимут, авиация, винтовка, дзот, да мало ли их было! Но ни в одном из них с такой отчетливостью не слышался грохот боя, вой снаряда, звон стали. Ваня знал, что артиллерию называют богом войны. И, смутно представляя себе этого могущественного громадного бога, Ваня ясно слышал единственное слово, которое говорил этот бог: «орудие».

Ваня часто слышал слово «орудие», но редко ему удавалось посмотреть вблизи, а тем более потрогать руками само орудие. Было что-то неуловимое, таинственное в существе орудия, особенно на поле боя. Вокруг гремели сотни, даже тысячи орудий. Все небо горело от орудийных залпов, не

погасая ни на минуту. Люди должны были кричать друг другу в ухо, чтобы быть услышанными. Снаряды непрерывным потоком текли над головой с шумом гигантского точильного камня. Взрывы кидали вверх тонны черной земли. А самих орудий, которые все это делали, не было видно. Они были везде и нигде.

Теперь же Ваня не только увидел орудие вблизи, не только мог его потрогать, но он должен был помогать из него палить.

Это было первое орудие первого взвода, а значит, оно было отчасти и его, Ванино.

На всю жизнь запомнил пастушок этот дивный, ни с чем не сравнимый день, когда он в первый раз подошел к орудию.

Их было всего четыре орудия — батареи капитана Енакиева. Они стояли в ряд, метрах в сорока друг от друга. Они все были в точности похожи одно на другое. И все же то орудие, к которому робко приблизился Ваня, было совсем особенное, единственное в мире, ни на какое другое не похожее орудие. Оно было «свое».

Пушка стояла в небольшом полукруглом окопчике стволом на запад, крепко упираясь сошником в подкопанную землю. Не спуская с пушки очарованных глаз, Ваня робко обошел вокруг нее. Хотя на дульную часть ствола был надет маленький брезентовый чехол вроде крышечки, но Ваня, проходя мимо, на всякий случай ускорил шаги и нагнулся, боясь, как бы орудие нечаянно не пальнуло.

Впрочем, у пушки был крайне мирный и очень аккуратный вид. Было сразу заметно, что ее любят и холят. Она была чисто вытерта, смазана. Все на ней было хорошо, ладно пригнано, как на исправном солдате. А если и были кое-где дыры или

царапины от осколков, то они были тщательно заделаны, залажены и покрашены.

Кроме чехла на дульной части ствола, на пушке было еще два других брезентовых чехла. Один покрывал замок, а другой — какую-то странную, очень загадочную штуку, которая торчала вверх возле щита.

Были на пушке еще какие-то маховички, колесики, ящички. Были туго притороченные к лафету лопаты, кирка, топор. Видать, пушке было «положено» иметь при себе множество самых разнообразных необходимых вещей.

Но это было не все.

Вокруг пушки, как вокруг главного дома в хорошем, исправном колхозном хозяйстве, в большом порядке размещались различные службы, пристроек и флигельки. Зарядный ящик, вкопанный в землю по ступицу колеса рядом с пушкой, представлялся Ване главной конторой; откупоренные плоские деревянные ящички, в которых виднелись тесно уложенные патроны с медными гильзами и разноцветными полосками на снарядах, были, несомненно, пожарным сараем; окопчик телефониста казался баней — оттуда всегда выскакивал красный, распаренный, как из бани, телефонист; ровики для номеров были земляным валом, окружавшим гумно; несколько закопченных стреляных гильз, валявшихся в стороне, были сельскохозяйственным инвентарем, собранным для ремонта; елочки маскировки напоминали палисадник.

И вместе с тем во всей этой мирной картине чувствовалось что-то очень опасное, угрожающее.

Сначала мальчик никак не мог понять, что же это такое, это угрожающее, и где оно. Но потом понял. Это были воронки, на которые он, по привычке, сначала не обратил внимания. Их было

несколько десятков в разных местах вокруг орудия.

Это были свежие, совсем недавние воронки. Земля и глина, выброшенные из них на почерневшую траву, еще не успели слежаться, земля была пухлой и даже казалась теплой. Значит, совсем недавно, может быть утром, сюда прилетали немецкие снаряды. Конечно, они метили в пушку.

Раньше Ваня почти не обращал внимания на воронки, попадавшиеся ему на пути. Они его не касались, он равнодушно проходил мимо, знал, что «это» уже совершилось, что снаряды уже сделали свое дело, что опасность миновала.

Теперь же он вдруг увидел их и почувствовал совсем по-новому. Немецкие снаряды только что прилетали на батарею. Они разорвались вокруг пушки, оставив зловещие следы. Но ведь батарея не ушла. Пушка стояла на прежнем месте. Ничто на фронте не изменилось. Значит, немецкие снаряды в любой миг могли прилететь снова и на этот раз принести смерть.

Казалось, сам воздух — холодный, осенний воздух — дышит вокруг смертью. Тень смерти лежала на тучах, на елочках, на земле. А между тем орудийный расчет ничего этого как будто не замечал.

Солдаты, расположившиеся вокруг своей пушки, были заняты каждый своим делом. Кто, пристроившись к сосновому ящику со снарядами, писал письмо, слюня химический карандаш и сдвинув на затылок шлем; кто сидел на лафете, пришивая к шинели крючок; кто читал маленькую армейскую газету; кто, скрутив цыгарку, высекал искру и раздувал самодельный трут, из которого валил белый дым.

Живя с разведчиками и наблюдая поле боя с разных сторон, Ваня привык видеть войну широко и разнообразно. Он привык видеть дороги, леса, болота, мосты, ползущие танки, перебегающую пехоту, минеров, конницу, накапливающуюся в балках.

Здесь, на батарее, тоже была война, но война сузившаяся, ограниченная маленьким кусочком земли, на котором ничего не было видно, кроме орудийного хозяйства (даже соседних пушек не было видно), елочек маскировки и склона холма, близко обрезанного серым, осенним небом. А что было там, дальше, за гребнем этого холма, Ваня уже не знал, хотя именно оттуда время от времени слышались робкие звуки перестрелки.

Ваня стоял у колеса орудия, которое было одной с ним вышины, и рассматривал бумажку, наклеенную на косо́й орудийный щит. На этой бумажке были крупно написаны тушью какие-то номера и цифры, которые мальчик безуспешно старался прочесть и понять.

— Ну, Ванюша, как тебе нравится наше орудие? — услышал он за собой густой, добродушный бас.

Мальчик обернулся и увидел наводчика Ковалева.

— Так точно, товарищ Ковалев, очень нравится, — быстро ответил Ваня и, вытянувшись в струнку, отдал честь.

Видно, урок капитана Енакиева не прошел зря. Ваня его крепко запомнил. Теперь, обращаясь к старшему, Ваня всегда вытягивался в струнку и на вопросы отвечал бодро, с веселой готовностью. А перед наводчиком Ковалевым он даже переусердствовал. Он как взял руку под козырек, так и забыл ее опустить.

— Ладно, опусти руку. Вольно, — сказал Ковалев, с удовольствием оглядывая ладную фигурку маленького солдатика.

Наружностью своей Ковалев меньше всего отвечал представлению о лихом солдате, Герое Советского Союза, лучшим наводчике фронта.

Прежде всего, он был не молод. В представлении мальчика он был уже не «дяденька», а скорее принадлежал к категории «дедушка». До войны он был заведующим большой птицеводческой фермой. На фронт он мог не идти. Но в первый же день войны он записался добровольцем.

Во время первой мировой войны он служил в артиллерии и уже тогда считался выдающимся наводчиком. Поэтому и в эту войну он попросился в артиллерию наводчиком. Сначала в батарее к нему относились с недоверием — уж слишком у него была добродушная, сугубо гражданская внешность. Однако в первом же бою он показал себя таким знатоком своего дела, таким виртуозом, что всякое недоверие кончилось раз и навсегда.

Его работа при орудии была высочайшей степенью искусства. Бывают наводчики хорошие, способные. Бывают наводчики талантливые. Бывают выдающиеся. Он был наводчик гениальный. И самое удивительное заключалось в том, что за четверть века, которые прошли между двумя мировыми войнами, он не только не разучился своему искусству, но как-то еще больше в нем окреп. Новая война поставила артиллерии много новых задач. Она открыла в старом наводчике Ковалеве качества, которые в прежней войне не могли проявиться в полном блеске. Он не имел соперника в стрельбе прямой наводкой.

Вместе со своим расчетом он выкатывал пушку на открытую позицию и под градом пуль спокойно.

точно и вместе с тем с необыкновенной быстротой бил картечью по немецким цепям или бронебойными снарядами — по немецким танкам.

Здесь уже мало было одного искусства, как бы высоко оно ни стояло. Здесь требовалось беззаветное мужество. И оно было. Несмотря на свою ничем не замечательную, гражданскую внешность, Ковалев был легендарно храбр.

В минуту опасности он преображался. В нем загорался холодный огонь ярости. Он не отступал ни на шаг. Он стрелял из своего орудия до последнего патрона. А выстрелив последний патрон, он ложился рядом со своим орудием и продолжал стрелять из автомата. Расстреляв все диски, он спокойно подтаскивал к себе ящик с ручными гранатами и, прищурившись, кидал их одну за другой, пока немцы не отступали.

Среди людей часто попадают храбрецы. Но только сознательная и страстная любовь к родине может сделать из храбреца героя. Ковалев был истинный герой. Он страстно, но очень спокойно любил родину и ненавидел всех ее врагов. Немцев он ненавидел еще с прошлой войны. У него с немцами были особые счеты. В шестнадцатом году под Сморгонью они отравили его удушливыми газами. И с тех пор Ковалев всегда немного покашливал. О немцах он говорил коротко:

— Я их хорошо знаю: это сволочи. С ними у нас может быть только один разговор — беглым огнем. Другого они не понимают.

Трое его сыновей были в армии. Один из них уже был убит. Жена Ковалева, по профессии врач, тоже была в армии. Дома никого не осталось. Его дом была армия.

Несколько раз командование пыталось выдвинуть Ковалева на более высокую должность. Но

каждый раз Ковалев просил оставить его наводчиком и не разлучать с орудием.

— Наводчик — это мое настоящее дело, — говорил Ковалев, — с другой работой я так хорошо не справлюсь. Уж вы мне поверьте. За чинами я не гонюсь. Тогда был наводчиком и теперь до конца войны хочу быть наводчиком. А для командира я уже не гожусь. Стар. Надо молодым давать дорогу. Покорнейше вас прошу.

В конце концов его оставили в покое. Впрочем, может быть Ковалев был и прав: каждый человек хорош на своем месте. И, в конце концов, для пользы службы лучше иметь выдающегося наводчика, чем посредственного командира взвода.

Все это было Ване известно, и он с робостью и уважением смотрел на знаменитого Ковалева.

Ковалев был высокий, худощавый человек в новом, но уже промасленном орудийном салом ватнике, накинутом на плечи. Он был по-домашнему, без головного убора. Его голова была наголо обрита, так, как иногда имеют обыкновение брить голову мужчины, начинающие лысеть. Шея у него была красная, обветренная, вся в крупных клетчатых морщинах, русые усы и чисто выскобленный подбородок были солдатские.

Вообще все на нем было хоть и строгое, артиллерийски опрятное, но несколько старомодное, «с той войны»: и собственные черные суконные шаровары, которые он принес с собой в армию, и во рту — крашенная трубочка с жестяной крышечкой, почерневшей от дыма.

Ване хотелось расспросить Ковалева о многом. О том, например, как наводится пушка. Как производится выстрел. Для чего колесико с ручкой. Что спрятано под чехлами. Что написано на бумажке,

приклеенной к щиту. Скоро ли будут палить из орудия. И многое другое.

Но воинская дисциплина не позволяла ему первому начинать разговор со старшим.

21

— Это хорошо, что тебе нравится наше орудие, — сказал наводчик Ковалев, — славная пушечка. Ей цены нет, кто понимает. Работяга.

Он похлопал пушку по стволу, словно это была лошадь, затем посмотрел на ладонь и, заметив, что она запачкалась, вынул из кармана чистую сухую ветошку и любовно обтер пушку.

— Она у меня чистоту любит, — сказал он, как бы извиняясь за свою мелочность. — Так, стало быть, тебя к нам командир батареи на выучку прислал?

— Так точно, товарищ сержант.

— Не козырай все время. Ничего. Не тянись. Ну что же. Это правильно. Коли хочешь быть хорошим артиллеристом, с малых лет учись работать возле пушки, а привыкнешь, так потом до седых волос доживешь — не забудешь, как что делается.

Он сел на лафет и стал плоскогубцами почищать свои маленькие очки, посматривая на Ваню необыкновенно добрыми и вместе с тем пронизательно-острыми глазами очень дальнозоркого человека.

— Так-то, орел. Пушку надо смолоду любить. Вот этаким-то макаром, как ты сейчас, и я когда-то пришел на батарею. Было это, братец ты мой, не более не менее, как тридцать годов тому назад. Немалое времечко. А я как сейчас помню. Был я

тогда, конечно, постарше тебя. Шел мне тогда девятнадцатый год. Я охотником на войну попал. Но все равно — мальчишка. И представь себе, какое чудо: наша батарея тогда стояла на позиции как раз где-то в этих же самых местах. Видал, какой круг моя жизнь описала? Сейчас, конечно, не узнать. — Он огляделся по сторонам и махнул рукой. — Сильно земля с тех пор переменялась. Где были леса, там стали поля. Где были поля, там выросли леса. Но, в общем, где-то здесь. На границе Германии. Тогда отступали. Теперь наступаем. Только и всего.

Эти слова крайне поразили Ваню. Он, конечно, много раз слышал разговор о том, что армия наступает на Восточную Пруссию, что Восточная Пруссия это уже Германия, что скоро советские войска ступят на немецкую землю.

Ваня, так же как и все в армии, твердо верил, что так оно в конце концов и будет. Однако теперь, когда он услышал эти желанные и так долго ожидаемые слова: «граница Германии», он даже как-то не совсем понял, о чем говорит Ковалев. Он был так взволнован, что даже не удержался и назвал Ковалева дяденькой.

— Где же Германия, дяденька? Где граница?

— Да вот же она. Тут и есть, — сказал Ковалев, показывая через плечо плоскогубцами с таким видом, как будто показывал заблудившемуся прохожему знакомый переулок. — За этой высоткой. Километров пять отсюда. Не больше.

— Дяденька, правда? Вы меня не обманываете? — жалобно сказал мальчик, знавший по опыту, что некоторые солдаты любят над ним подшутить.

Но глаза Ковалева были вполне серьезными.

— Верно говорю, — сказал он. — Река, а за ней самая Германия и начинается.

— Честное батарейское? — живо спросил Ваня.

— Да зачем тебе честное батарейское, когда мы только что на ней пристрелку вели! Видал, сколько целей пристреляли?

И Ковалев показал плоскогубцами на бумажку с номерами на орудийном щите.

Но Ваня все-таки еще сомневался. Ему трудно было поверить, что вот тут, совсем близко, в каких-нибудь пяти километрах, начинается то страшное, кровавое, омерзительное, что навсегда соединилось в его оскорбленной, поруганной душе со словом «Германия».

— Дяденька, не обманывайте меня! — почти со слезами сказал Ваня.

— Фу, будь ты неладен! — рассмеялся Ковалев. — Не веришь. А что же тут особенного? Да наши разведчики еще вчера в эту самую Германию ходили, нынче утром вернулись. Паника там, говорят, не приведи бог.

— Как! Разведчики были в Германии?

Ковалев даже не представлял, какой удар нанес он Ване в самое сердце. Оказывается, разведчики уже были в Германии. Весьма возможно, что в Германии уже побывали Биденко и Горбунов. А сержант Егоров наверняка побывал. Значит, если бы Ваню не перевели в огневой взвод, он бы тоже мог уже побывать в Германии. Он бы упросил разведчиков. Они бы его взяли. Это уж верно.

Тут Ваня почувствовал жгучую обиду. Все-таки в душе он еще был разведчиком. Самолюбие его сильно страдало. Конечно! Все разведчики уже были, а он еще не был.

Он надулся, густо покраснел и, кусая губы, опустил ресницы, на которых выступили слезы.

— Я бы им там дал, в Германии! — неожиданно сказал он сквозь зубы, и глаза его метнули синие искры.

Ковалев с любопытством посмотрел на мальчика, но не улыбнулся и не сказал того, что непременно сказал бы всякий другой солдат: «А ты, братец пастушок, злой!» Он понял, что в эту минуту делалось в душе Вани. Он вынул свою трубку, насыпал в нее махорки, зажег, защелкнул сквозной крышечкой и, пустив через усы душистый белый дым, очень серьезно заметил:

— Терпи, пастушок. На военной службе надо уметь подчиняться. Твое место теперь у орудия. Вместе с орудием и въедешь в Германию.

И, для того чтобы его слова не показались мальчику слишком сухими, нравоучительными, прибавил улыбаясь:

— С музыкой!

Как раз в этот миг где-то за елочками маскировки раздалась громкая команда:

— Батарея, к бою! Стрелять первому орудию!

Из окопчика телефониста выскочил сержант Сеня Матвеев, на ходу застегиваясь и оправляя свою измятую шинельку с черными петлицами. Сверкая молодым возбужденным лицом, он изо всех сил крикнул, раскатываясь на букве «р»:

— Первое орудие, к бою! По цели номер четырнадцать. Гранатой. Взрыватель осколочный. Правее восемь ноль. Прицел сто десять.

И, прежде чем были произнесены эти слова, показавшиеся Ване таинственными заклинаниями, все вокруг мгновенно переменилось — и люди, и само орудие, и вещи вокруг него, и даже небо над близким горизонтом, — все стало суровым, грозным, как бы отливающим хорошо отшлифованной и смазанной сталью.

Прежде всех изменился наводчик Ковалев.

Ваня не успел посторониться, не успел подумать: «Вот оно, начинается!», как Ковалев уже перепрыгнул через станину, одной рукой надевая нивесть откуда взявшийся шлем, а другой снимая брезентовый чехол с той высокой штуки возле щита, которую мальчик давеча заметил.

Теперь, когда с нее был сдернут чехол, она оказалась еще более прекрасной и таинственной, чем можно было предполагать. Это было нечто среднее между биноклем, стереотрубой — их Ваня уже видел много раз — и еще чем-то невиданным, какой-то машинкой со множеством мелких и крупных цифр, насеченных на стальных кольцах и барабанчиках. Эта машинка сразу вызвала в представлении мальчика слово «арифметика». И еще было что-то черной вороненой стали, с выпуклым стеклом, косым зеркальцем и плоской черной коробочкой с длинной прорезью. Это вызвало другое слово: «фотоаппарат».

Наклонившись и прильнув глазом к черной трубке, наводчик Ковалев неподвижно, как изваяние, стоял на крепко расставленных, согнутых ногах, в то время как его руки, мелькая длинными пальцами, с молниеносной быстротой бегали вверх и вниз по прибору, касаясь барабанов и колец.

А иногда Ковалев вдруг начинал быстро крутить какое-то колесо, и тогда поворачивался один только ствол, а сама пушка стояла на месте.

Но, кроме этого, произошло еще множество изменений.

У мальчика разбежались глаза. Он не знал, на что смотреть.

Во-первых, кем-то и как-то в один миг с пушки был сдернут второй чехол, и Ваня увидел оружейный затвор — массивный, тяжелый, сверкающий

хорошо смазанной сталью, с алюминиевой рукояткой и могучим стальным рычагом, кривым, как челюсть.

И, главное, Ваня увидел спусковой шнур: стальную цепочку, обшитую потертой кожей. Он сразу понял, что это такое. Стоило только потянуть за эту кожаную колбаску, как пушка выпалит.

Едва замковый — Ваня сразу понял, что этот солдат именно и есть замковый, — едва замковый потянул за рукоятку и пудовый замок маслянисто-легко, бесшумно отворился, показав свой рубчатый стальной цилиндр с точкой бойка в самом центре и зеркальную витую внутренность пустого орудийного ствола, как внимание мальчика привлекли патроны.

Они уже были вынуты из своих ящичков и стояли на земле правильными рядами, как солдаты в металлических касках, рассортированные по цветам своих полосок: черные к черным, желтые к желтым, красные к красным. Один патрон уже лежал на левом колене солдата, припавшего на правое колено, и солдат этот — ящичный — что-то делал с головкой снаряда, в то время как другой солдат уже нес другой приготовленный патрон к пушке. Он быстро сунул его в канал ствола и дослал ладонью. Патрон не успел вылезть назад, как замковый прихлопнул его затвором.

Затвор щелкнул. Ковалев, не отрываясь глазом от черной трубки, взялся одной рукой за спусковой шнур, а другую руку поднял вверх и сказал:
— Готово.

— Огонь! — закричал сержант Матвеев, с силой рубанув рукой.

И не успел Ваня опомниться, сообразить, что происходит, как наводчик Ковалев со злым, реши-

тельным лицом коротко рванул за колбаску, отбросив руку далеко назад, чтобы ее не стукнуло замком при откате.

Пушка ударила не особенно громко, но с такой силой, что мальчику показалось, будто от нее во все стороны побежали красные звенящие круги. И Ваня почувствовал во рту вкус пороховой гари.

На один миг все замерли, прислушиваясь к слабому шуму снаряда, улетавшего в Германию. Потом Ковалев опять припал к панораме и забегал пальцами по барабанчикам, а замковый рванул затвор, откуда выскочила и со звоном перевернулась по земле медная дымящаяся гильза.

Ваня стоял оглушенный и очарованный чудом, которое он только что видел, — чудом выстрела. Потом ему сделалось неловко стоять среди занятых людей и ничего не делать. Он взял теплую, слегка потускневшую стреляную гильзу, отнес ее в сторонку и положил в кучу других стреляных гильз. Когда он ее нес, всю очень тонкую и очень легкую, но с толстым и тяжелым дном — как ванька-встанька, — ему казалось, что в его руках она еще продолжала тонко звенеть от выстрела.

— Правильно делаешь, Солнцев, — сказал сержант Матвеев, что-то записывая карандашиком в потрепанную записную книжку и вместе с тем озабоченно поглядывая в окопчик телефониста, откуда ожидал новой команды. — Пока что будешь прибирать стреляные гильзы, чтобы они не мешались под ногами.

— Слушаюсь! — радостно сказал Ваня и вытянулся, чувствуя, что теперь и он тоже причастен к тому важному и очень почетному делу, о котором на фронте всегда говорят с большим уважением: «Артогонь».

— А после стрельбы сосчитаешь и уложишь в пустые лотки, — прибавил Матвеев.

— Слушаюсь! — еще веселее ответил Ваня, хотя и не вполне ясно представлял себе, что такое за вещь — лоток.

Ваня поставил все стреляные гильзы рядом, подровнял их, полюбовался своей работой, но так как делать пока было нечего, то он подошел к Ковалеву.

— Дяденька, — сказал он, но, вспомнив, что находится при выполнении боевого задания, быстро поправился: — товарищ сержант, разрешите обратиться.

— Попробуй, — сказал Ковалев.

— Чего я вас хотел спросить: куда вы только что стрельнули? По Германии?

— По Германии.

— А сначала нацелились?

— Сначала нацелился.

— Вы глазом нацеливались? Через эту черную трубочку?

— Вот именно.

Ваня некоторое время молчал. Он не решался говорить дальше. То, что он хотел попросить, казалось ему слишком большой дерзостью. За такую просьбу, пожалуй, отберут обмундирование и отчислят в тыл.

И все же любопытство взяло верх над осторожностью.

— Дяденька, — сказал Ваня, выбирая самые убедительные, самые нежные оттенки голоса, — дяденька, только вы на меня не кричите. Коли не положено, то и не надо, я ничего не имею. Разрешите мне один раз — один только разик, дядечка! — посмотреть в трубку, через которую вы нацеливались.

— Отчего же, это можно. Загляни. Только аккуратно. Наводку мне не сбей.

Не смея дышать, Ваня подошел на носках и стал на место, которое уступил ему Ковалев. Расставив руки в стороны, чтобы как-нибудь случайно не сбить наводку, мальчик осторожно приложил глаз к окуляру, еще теплому после Ковалева. Он увидел четкий круг, в котором светло и приближенно рисовался болотистый ландшафт с зубчатой стеной синеватого леса. Две резкие тонкие черты, крест-накрест делившие круг по вертикали и по горизонтали, делали этот ландшафт отчетливым, как переводная картинка. Как раз на скрещении линий Ваня увидел отдельную верхушку высокой сосны, высунувшуюся из леса.

— Ну как? Видишь что-нибудь? — спросил Ковалев.

— Вижу.

— Что же ты видишь?

— Землю вижу, лес вижу. Красиво как!

— А перекрещенные волоски видишь?

— Ага. Вижу.

— А замечаешь отдельное дерево? Его как раз пересекают волоски.

— Вижу.

— Вот я в эту самую сосну и наводил.

— Дяденька, — прошептал Ваня, — это и есть самая Германия?

— Где?

— Куда я смотрю.

— Нет, брат, это отнюдь не Германия. Германии отсюда не видать. Германия там, впереди. А ты видишь то, что находится сзади.

— Как сзади? Да ведь вы же, дяденька, сюда наводили?

— Сюда.

— Ну, стало быть, это и есть Германия?

— Вот как раз не угадал. Сюда я наводил, это верно. Отмечался по сосне. А стрелял совсем в другую сторону.

Ваня во все глаза смотрел на Ковалева, не понимая, шутит он или говорит серьезно. Как же так: наводил назад, а стрелял вперед! Что-то чудно.

Он пытливо всматривался в лицо Ковалева, стараясь найти в нем выражение скрытого лукавства. Но лицо Ковалева было совершенно серьезно.

Ваня переступил с ноги на ногу, подавленный загадкой, которую не мог понять.

— Дяденька Ковалев, — наконец сказал Ваня, изо всех сил наморщив свой чистый, ясный лоб, — а снаряд-то ведь полетел в Германию?

— Полетел в Германию.

— И там ахнул?

— И там ахнул.

— И вы через трубку видели, как он ахнул?

— Нет. Не видел.

— Э! — сказал Ваня разочарованно. — Значит, вы так себе снарядами кидаетесь, наобум господ бога!

— Зачем же так говорить, — посмеиваясь в усы и покашливая, сказал Ковалев. — Мы не наобум кидаемся: там на наблюдательном пункте сидят люди и смотрят, как мы ахаем. Если у нас что-нибудь неладно выйдет, они нам тотчас по телефону скажут, как и что. Мы и поправимся.

— Кто же там сидит?

— Наблюдатели. Старший офицер. Иногда взводные офицеры. Когда как. Нынче, например, сам капитан Енакиев ведет стрельбу.

— И капитану Енакиеву оттуда видать Германию?

— А как же!

— И видать, как мы ахнули?

— Безусловно. Вот подожди. Он нам сейчас скажет, как там у нас получилось.

Ваня молчал. Его мысли разбегались. Он никак не мог их собрать и понять, как это все же получается, что наводят назад, стреляют вперед, а капитан Енакиев один все видит и все знает.

— Левее ноль-ноль три! — крикнул сержант Матвеев. — Осколочной гранатой. Прицел сто восемнадцать.

Могучие руки подняли Ваню, перенесли через колесо и поставили в сторону, а на месте Вани у панорамы уже попрежнему стоял Ковалев, прильнув глазом к черному окуляру.

Теперь все было сделано еще быстрее, чем в первый раз. И все же, несмотря на эту чудесную быстроту, Ковалев успел повернуть к мальчику лицо и сказать:

— Видишь, маленько отбились. Теперь будет ладно.

— Огонь! — закричал Матвеев и с еще большей силой рубанул рукой.

Пушка ахнула. Но этот выстрел уже не так ошеломил мальчика. Твердо помня свою боевую задачу, он проворно обежал орудие — ствол его после отдачи назад теперь плавно, маслянисто накатывался вперед, на прежнее место — и успел подхватить горячую стреляную гильзу в тот самый миг, как она выскакивала из пушки.

— Молодец, Солнцев! — сказал Матвеев, снова торопливо записывая что-то в записную книжку, положенную на согнутое колено. — Какой расход патронов?

— Две осколочных гранаты! — лихо крикнул Ваня.

— Молодец! — сказал Матвеев.

Ваня хотел ответить: «Служу Советскому Союзу», но ему показалось совестно говорить такие слова по такому пустому поводу.

— Ничего, — пробормотал он застенчиво.

— Держись, пастушок! — весело крикнул Ковалев, поправляя очки. — Теперь успевай только подбирать. Сейчас мы тебе их накидаем гору.

И точно. В следующий миг из окопчика высунулся зеленый шлем телефониста, и сержант Матвеев закричал таким зычным, таким высоким и таким торжествующим голосом, что у Вани разом зазвенели все его стреляные гильзы:

— Четыре патрона беглых! По немецкой поганой земле — огонь!

Четыре выстрела ударили почти подряд, так что Ваня едва успел поймать четыре выскочившие гильзы. Но он их все-таки не только поймал и поставил в ряд, а еще и подровнял. С этого времени пушка стреляла, уже не останавливаясь ни на минуту, с непостижимой, почти чудесной быстротой.

Бегая безустали за гильзами, Ваня прислушался и понял, что теперь уже стреляет не только одно первое орудие. Отовсюду слышались громкие крики команды, звонко стучали затворы, ударяли пушки. Теперь уже стреляла вся батарея капитана Енакиева.

Бесперывно, один за другим, а то и по два и по три сразу, с утихающим шумом уносились снаряды за гребень высоты, в Германию, туда, где небо казалось уже не русским, а каким-то отвратительным, тускло-металлическим, искусственным, немецким небом.

Орудийные номера по очереди подбегали к Ковалеву, и он каждому давал раз или два дернуть за шнур и выстрелить по Германии.

Стеляя, они кричали:

— По проклятой немецкой земле — огонь!

— Держись, Германия! Огонь!

— За родину! За Сталина! Огонь!

— Смерть Гитлеру! Огонь!

— Что, взяли нас, гады? Огонь!

Подбежав к Ковалеву, Ваня потянул его сзади за ватник:

— Дядя Ковалев, дайте я тоже раз дам по Германии.

Он так боялся, что Ковалев ему откажет! Он крепко сжал от волнения рот. Он даже побледнел. Он часто, коротко дышал через ноздри, ставшие круглыми, как у лисицы. Но Ковалев его не замечал. Тогда мальчик вдруг залился густой пунцовой краской, сердито ударил в землю сапогами и требовательным, дрожащим голосом крикнул, стараясь перекричать выстрелы:

— Товарищ сержант, разрешите обратиться! Дайте мне стрельнуть по Германии. Я тоже заслужил. Видите, у меня ни одной стреляной гильзы не валяется.

Только теперь Ковалев заметил его.

— Давай, пастушок, давай! Пали. Только руку быстро убирай, чтоб затвором не стукнуло.

— Я знаю, — торопливо сказал Ваня и почти вырвал из рук Ковалева спусковой шнур.

Он сжал его с такой силой, что косточки на его кулачке побелели. Казалось, никакая сила в мире не могла бы теперь вырвать у него эту кожаную колбаску с колечком на конце. Сердце мальчика неистово колотилось. Одно лишь чувство в этот миг владело его душой: страх, как бы не дать осечку.

— Огонь! — крикнул Матвеев.

— Тяни, — шепнул Ковалев.

Он мог этого не говорить.

— На, паршивая, получай! — крикнул мальчик и с яростью, изо всех сил рванул колбаску.

Он почувствовал, что пушка в один и тот же миг встрепенулась возле него, как живая, подскочила и ударила. Из дула вылетел и метнулся косою платок огня. В голове зазвенело.

И по дальнему лесу пронесся шум Ваниного снаряда, улетевшего в Германию.

22

Капитан Енакиев поежился от холода, сдержанно зевнул.

— Однако, как нынче поздно светает!

— Что вы хотите — осень, — сказал Ахунбаев.

— «Поздняя осень, грачи улетели, лес обнажился, поля опустели», — сказал Енакиев, еще раз зевая.

— Красиво написано, — сказал Ахунбаев. — Очень художественное изображение осени.

Капитан Ахунбаев произнес эти слова между двумя быстрыми затяжками. Он торопливо докуривал мятую немецкую сигаретку и, морщась, разгонял рукой дым, чтобы он не слишком заметно поднимался над окопом. Впрочем, это была излишняя предосторожность. Светать только еще начинало, вокруг было серо, туманно.

Старый немецкий окоп, в котором устроил свой временный командный пункт капитан Ахунбаев, находился на краю картофельного поля. На почерневшей ботве, стоявшей на уровне глаз, холодно белели мельчайшие капли воды. Справа тянулось невидимое шоссе, обсаженное старыми вязами. Их толстые стволы и голые ветки туманно рисовались

на белом предутреннем небе, как на матовом стекле. Несколько разбитых острых, готических крыш туманно виднелось слева.

Впереди же была черная, мокрая земля картофельного поля, полого спускавшегося в низинку, наполненную синеватым туманом.

А еще дальше, за низиной, начиналась опять возвышенность, но сейчас ее совсем не было видно. На ней были немецкие позиции, которые с наступлением дня должен был атаковать и занять батальон капитана Ахунбаева при поддержке батареи капитана Енакиева.

План атаки, разработанный Ахунбаевым со свойственной ему быстротой и горячностью, в самых общих чертах заключался в следующем.

Две роты должны были до света скрытно обойти немцев справа, перехватить немецкие коммуникации и ждать, по возможности не открывая огня и во всяком случае не обнаруживая своей численности. Третья рота должна была при поддержке всей артиллерии открыто атаковать немецкие позиции в лоб. Четвертая рота должна была остаться в резерве. Капитан Ахунбаев рассчитывал, что, атакуя одной ротой позиции противника, у которого, по сведениям разведки, было около батальона, он заставит немцев выйти из окопов и перейти в контратаку. Именно в момент этой контратаки и должны были ударить с фланга, а даже, может быть, и с тыла, те две роты, которые были посланы в обход. Таким образом, немцы оказались бы зажатыми в тиски и принуждены были бы под сильным фланговым огнем перестраивать свои боевые порядки, что всегда ведет к огромным потерям и, в конечном счете, к сдаче позиций. Либо они должны будут продолжать бой в прежнем направ-

лении, заслонившись с тыла резервом. Но тогда капитан Ахунбаев перебрасывает роту своего резерва на усиление двух рот, действующих в тылу у неприятеля, добивается в этом месте численного превосходства и занимает немецкие позиции с тыла, посадив немцев в мешок.

План этот был хорош и, принимая в расчет слабое моральное состояние противника, а также отличное качество стрелков Ахунбаева, вполне осуществим. Но для капитана Енакиева, привыкшего тщательно взвешивать и обдумывать каждую мелочь, была в этом плане одна неясная вещь. Было в точности неизвестно, какими резервами располагают немцы. По данным разведки, их резервы были невелики. Но кто мог поручиться, что в течение ночи они не перебросили сюда крупных подкреплений? Может быть, сейчас, в эту самую минуту, немецкая пехота выгружается из транспортеров где-нибудь за возвышенностью, которую собирается атаковать капитан Ахунбаев. Тогда одной роты резерва окажется слишком мало, и дело может обернуться для капитана Ахунбаева очень худо.

Но так как все эти сомнения капитана Енакиева были основаны не на точных фактах, а только на предположениях и даже, вернее всего, на дурном предчувствии, то, выслушав план и получив боевое задание, он коротко и сухо произнес:

— Слушаюсь!

А впрочем, ничего нельзя было и сделать. Роты Ахунбаева уже занимали исходные рубежи, машина атаки хотя еще и незаметно, но уже пришла в движение, а капитан Енакиев твердо знал, что принятое решение никогда не следует отменять. Он только понял, что дело будет горячее и что если у немцев обнаружатся свежие резервы,

то остается одна надежда на меткость и быстроту огня его пушек.

Он посмотрел в свою записную книжку, подсчитал общее количество имеющихся патронов, поморщился и приказал по телефону как можно скорее привезти на огневую позицию еще один боевой комплект.

Теперь все это было сделано. Оставалось ждать.

— Ну, капитан, — сказал Енакиев, протягивая Ахунбаеву руку в замшевой перчатке, — разрешите откланяться.

— Где вы будете находиться?

— На своем наблюдательном пункте. А вы?

— С ротой резерва.

Они крепко пожали друг другу руки. И, как всегда, перед тем как расстаться, сверили часы. У капитана Ахунбаева было шесть часов двенадцать минут. У капитана Енакиева — шесть часов девять минут.

— Отстаете, — сказал капитан Ахунбаев.

— Торóпитесь, — сказал капитан Енакиев с ударением.

Они немножко поспорили о том, у кого вернее часы. Но это было только так, скорее по старой привычке. Ахунбаев знал, что у Енакиева часы идут абсолютно верно.

— Уговорил, — сказал Ахунбаев, весело блестя своими черными, как жучки, жесткими глазами, и перевел свои часы на три минуты назад. — Итак, надеюсь на вас, как на каменную гору.

— Надейтесь.

— Огоньку не жалейте.

— Дадим. Ваш табачок — наш огонек, — сказал Енакиев рассеянно и не совсем кстати солдатскую поговорку.

— Главное, не отставайте.

— Не отстану.

— Стало быть, до свидания на немецкой оборонительной линии.

— Или раньше.

— Ну, счастливо, — решительно и уже покомандирски сказал Ахунбаев. — Действуйте.

— Слушаюсь.

Они еще раз пожали друг другу руки и разошлись.

Первым из окопа выбрался капитан Енакиев и, приказав своему телефонисту открепляться и тянуть провод на командирский наблюдательный пункт, сам отправился посмотреть, что делается на батарее.

Дул неприятный предрассветный ветер, и кое-где под сапогами уже потрескивал лед. Все вокруг было тихо, и лишь изредка на западе то там, то здесь трепетал качающийся свет немецких осветительных ракет, уже совсем бледных на фоне отчетливо побелевшего неба.

Когда капитан Енакиев, за которым по пятам с автоматом на шее следовал Соболев, добрался до батареи, туман на востоке уже немного порозовел и ветер стал еще неприятней.

Огневая позиция батареи была разбита в громадном яблоневоm саду за очень длинной и скучной стеной, сложенной из бурого плитняка. В нескольких местах стена была обвалена снарядами. Через одну из этих брешей капитан Енакиев прошел в сад.

Пушки, глубоко вкопанные в землю между старыми, симметрично рассажеными яблонями, далеко отстояли друг от друга и были затянуты маскировочными сетями. Их трудно было заметить даже вблизи. Но вдалеке сквозь голые ветви

яблонь за садом виднелась длинная черепичная крыша бурого, скучного фольварка с вырванными рамами окон, и под этой крышей утомленным утренним огоньком светился еще не погашенный фонарик — ночная точка отметки. Она показывала, что батарея здесь.

Часовой с поднятым автоматом и смутным лицом, на котором еще лежала ночная тень, преградил капитану Енакиеву дорогу, но, узнав своего командира батареи, отступил в сторону и застыл.

Капитан подошел к первому орудию.

Номера в полной боевой готовности, в шлемах и при оружии, спали прямо на земле, каждый на своем месте, положив под голову кто стреляную гильзу, кто ящик из-под снарядов, кто котелок, кто просто руку.

Среди спящих капитан Енакиев заметил маленькую фигурку Вани. Мальчик спал на лафете, поджав ноги и положив под голову в шлеме кулак, в котором был крепко зажат дистанционный ключ. Его губы немного посинели от утреннего холода, но какая-то добрая душа набросила на него просаленный ватник, и мальчик во сне улыбался таинственной, блуждающей улыбкой.

При виде этой улыбки капитан Енакиев сам было улыбнулся. Но, заметив подходившего с рапортом сержанта Матвеева, согнал с лица улыбку и сразу строго нахмурился.

— Ну, как мальчик? — спросил он, выслушав рапорт и поздоровавшись с командиром орудия, который в этот день дежурил на батарее.

— Мальчик ничего, товарищ капитан, — доложил сержант, почтительно и вместе с тем несколько щеголевато прикасаясь пальцами к своим новеньким черным усикам и новеньким черным «севастопольским» полубачкам.

— Работает?
— Так точно.
— Какие обязанности выполняет при орудии?
— До сего дня он у меня стреляные гильзы укладывал. А сегодня — или, сказать точнее, вчера вечером — я его помощником шестого номера поставил.

— Ну и как? Справился?

— Ничего. Толково снимает колпачки. Без задержки. Прикажете поднять орудийный расчет?

— Не надо. Пусть отдыхают. Нынче будет много работы. Патроны привезли?

— Так точно.

— Хорошо. Тут в некоторых местах нарушен забор. Вы не пробовали — через эти проломы в случае чего можно выкатить пушки?

— Так точно. Пробовал. Выкатываются.

— Хорошо. Учтите это. Связь с наблюдательными пунктами исправно работает?

— Исправно.

— Кто дежурит на правом боковом?

— Не могу знать.

— Узнайте и доложите. И пусть мне сюда подадут машину.

— Слушаюсь.

Кроме сержанта Матвеева и телефониста, в первом орудии не спал еще один человек — наводчик Ковалев. Это был единственный человек в батарее, с которым капитан Енакиев позволял себе быть накоротке.

— Ну, как дела, Василий Иванович? — сказал капитан Енакиев, присаживаясь рядом с Ковалевым на край орудийной площадки.

— По-моему, неплохо, Дмитрий Петрович. Вот мы уж и в Восточной Пруссии.

— Да, в Германии, — рассеянно сказал капи-

тан Енакиев, рассматривая этот громадный скучный сад с выбеленными стволами и охапками соломы, приготовленной для обвертывания деревьев на зиму.

Собственно говоря, у капитана Енакиева на батарее не было никакого дела. Но всегда перед боем у него являлась потребность хотя бы несколько минут побыть в своем хозяйстве и лично убедиться в полной готовности людей и пушек к бою. Без этого он никогда не чувствовал себя совершенно спокойным.

Ему стоило только бросить беглый взгляд хотя бы на одно орудие, чтобы с точностью определить, в каком состоянии находится вся его батарея. И сейчас он уже определил это состояние — оно было отличным. Он видел это по всему: и по тому, как спокойно спали его одетые и вооруженные люди, каждый на своем месте; и по тому, как были открыты ровики, приготовлены для стрельбы патроны; и по тому, как была аккуратно натянута над орудием маскировочная сеть; и даже по тому, как ясно горел под крышей фольварка фонарик для ночной наводки. Впрочем, фонарик он тут же приказал потушить, так как уже рассвело и холодный свет зари низко стлался по сквозному, оголенному саду, очень бледно и как-то болезненно-жидко золотя землю, покрытую подмерзшими листьями, падалицей и обломками, обрывками каких-то домашних немецких вещей: спиральными пружинами матрацев, дверными ручками из пластмассы, бутылками, газетами, кусками багета.

Чувствовалось, что солнце показалось из тумана на одну только минуту и сейчас уже на весь день войдет в сплошные тучи.

Капитан Енакиев посмотрел на часы. Было уже время пробираться на наблюдательный пункт. Но

на этот раз ему почему-то было жалко расставаться со своим хозяйством. Хотелось еще хоть минут пять посидеть у пушки рядом с Ковалевым, которого он любил и уважал. Он как бы предчувствовал, что нынче понадобятся все его физические и душевные силы, и он набирал их, пользуясь последними минутами.

— Товарищ капитан, разрешите доложить: на правом наблюдательном — старший сержант Алейников, — сказал подошедший Матвеев. — Машина приехала.

— Хорошо. Пускай стоит. Идите.

23

Капитан Енакиев вынул из кожаного портсигара папиросы и дал одну Ковалеву. Они закурили.

— Так что же? Стало быть, мальчик — ничего? — сказал капитан Енакиев.

— Хороший мальчик, — сказал Ковалев серьезно, с убеждением, — стоящий.

— Вы думаете, стоящий? — быстро сказал Енакиев и, прищурившись, посмотрел на Ковалева.

— По-моему, стоящий.

— Толк из него выйдет?

— Обязательно.

— Вот и мне тоже так показалось.

— Я с ним давеча немножко возле панорамы позанимался. Представьте себе — все понимает. Даже удивительно. Прирожденный наводчик.

Капитан Енакиев рассмеялся:

— А разведчики говорят, что он прирожденный разведчик. Поди разберись. Одним словом, какой-то он у нас вообще прирожденный. Верно?

— Прирожденный артиллерист.

— Просто прирожденный вояка.

— Не худо.

— А вы знаете, Василий Иванович, — вдруг сказал капитан Енакиев, пытливо глядя на Ковалева глазами, ставшими по-детски доверчивыми, — я его думаю усыновить. Как вам кажется?

— Стоящее дело, Дмитрий Петрович, — тотчас сказал наводчик, как будто ожидал этого вопроса.

— Человек я, в конечном счете, одинокий. Семьи у меня нет. Был сынишка, четвертый год... Вы ведь знаете?

Ковалев строго наклонил голову. Он знал. Он был единственный человек в батарее, который знал. Капитан Енакиев помолчал, глядя прищуренными глазами перед собой, как бы рассматривая где-то вдалеке маленького мальчика в синей матросской шапочке, которому сейчас должно было бы уже исполниться семь лет.

— Заменить-то он мне его, конечно, не заменит, что об этом толковать, — сказал он, глубоко вздохнув и не стараясь скрыть от Ковалева этот вздох, — но... но ведь бывает же, Василий Иванович, и два сына? Верно?

— Бывает и три сына, — сумрачно сказал Ковалев и тоже вздохнул, не скрывая своего вздоха.

— Ну, я очень рад, что вы мне советуете. Я, признаться, уже и рапорт командиру дивизиона подал, чтобы мальчика оформить. Пусть будет у меня хороший, смышленный сынишка. Верно?

Капитан Енакиев крепко затянулся и стал медленно выпускать изо рта дым, продолжая сквозь этот дым задумчиво смотреть вдаль. И вдруг лицо его переменялось. Он немного повернул ухо в сторону переднего края и нахмурился. Ему показалось, что где-то далеко на правом фланге, в глубине немецкой обороны, начался сильный ру-

жейный и минометный огонь. Капитан Енакиев вопросительно посмотрел на Ковалева.

— Точно. Бьют. И довольно сильно, — сказал Ковалев, вынимая ватку из уха.

Капитан Енакиев снова прислушался. Но теперь можно было и не прислушиваться. К звукам ружейной и минометной перестрелки присоединился грохот артиллерии. Он был так громок, что разбудил некоторых солдат, которые вскочили и, сидя на земле, стали поправлять шлемы.

Капитан Енакиев сразу понял значение этого внезапного шквального огня на правом фланге. Случилось то худшее, что он и предполагал. Немцы успели подбросить сильные резервы, и теперь эти резервы громили две роты Ахунбаева, посланные в обход.

Капитан Енакиев бросился к телефонному окопчику, чтобы соединиться с Ахунбаевым. Но в это время навстречу ему из окопчика выскочил сержант Матвеев, крича:

— Батарей — к бою!

Капитан резко отстранил его и спрыгнул в окоп.

— Командирский наблюдательный! — быстро сказал он.

— На проводе, — сказал телефонист и подал ему трубку, предварительно обтерев ее рукавом.

— У телефона шестой, — сказал капитан Енакиев, делая усилие говорить спокойно. — Что там у вас делается?

— В районе цели номер восемь наблюдается сильное движение противника. Повидимому, готовится к атаке. Накапливается.

— Какими силами?

— До батальона.

— Хорошо. Сейчас приду, — сказал капитан Енакиев и хотел швырнуть трубку, но во-время

овладел собой и не торопясь отдал ее телефонисту.

Цель номер восемь находилась как раз на той самой высоте, которую собирался атаковать в лоб капитан Ахунбаев. Теперь уже вся картина была полностью ясна. Случилось самое тяжелое из того, что можно было предполагать: немцы разгадали план Ахунбаева и опередили его.

И когда капитан Енакиев мчался на «виллисе» — на переднем крае он редко пользовался лошастью — напрямик через канавы и огороды к наблюдательному пункту, он услышал, как сзади беглым огнем бьет его батарея и как низко над головой свистят ее снаряды, а впереди начинается пехотный бой.

24

Командирский наблюдательный пункт был вынесен так далеко вперед, что поле боя просматривалось с него простым глазом.

Достаточно было капитану Енакиеву посмотреть в амбразуру, чтобы сразу понять всю обстановку. Батальон немецкой пехоты спускался с возвышенности на ту самую роту капитана Ахунбаева, которая предназначалась для фронтальной атаки и еще не развернулась.

Теперь капитан Ахунбаев, учитывая обстановку, мог сделать только две вещи: либо немного отступить и занять более выгодную оборону в старых немецких окопах по эту сторону ложины, что было вполне благоразумно; либо он должен был принять встречный бой с превосходящим его силы противником и немедленно ввести в дело единственную свою роту резерва, что было смело до дерзости.

Капитан Енакиев достаточно хорошо знал свое-

го друга Ахунбаева. Не было сомнений, что он выберет встречный бой. И действительно, не успел Енакиев это подумать, как телефонист подал ему снизу, из своей ниши, телефонную трубку. Енакиев присел на корточки на дне окопа, чтобы пальба не мешала разговаривать, и услышал возбужденный, веселый голос Ахунбаева:

— С кем говорю? Это вы, шестой?

— Шестой слушает.

— Узнаете меня по голосу?

— Узнаю.

— Прекрасно. Вам обстановка ясна?

— Вполне.

— Ввожу в дело резервы. Атакую. Поддержите.

— Слушаюсь.

— Через сколько времени ждать?

— Через пятнадцать минут.

— Долго.

— Быстрей не могу.

— Отстаете, деточка, — пошутил Ахунбаев.

И, несмотря на всю серьезность обстановки, Енакиев принял его шутку.

— Не мы отстаем, а вы, как всегда, спешите, — отшутился Енакиев, хотя на душе его было невесело. — Где вы находитесь?

— В точке, которая обозначена на вашей карте синим кружком со стрелкой.

— Понятно. Так мы — соседи.

— Милости просим.

— Сейчас будем вместе.

— Всегда рад.

— До свидания.

— Целую, обнимаю вас и все ваше хозяйство.

Этот легкий, веселый разговор по телефону, который со стороны мог показаться пустым, на

самом деле был полон глубочайшего смысла. Он обозначал требование Ахунбаева, чтобы его пехоту сопровождали пушки, и согласие Енакиева на это требование. Он обозначал вопрос Ахунбаева: «А ты меня, друг милый, не подведешь в решительную минуту?» — и ответ Енакиева: «Не беспокойся, положишься на меня. В бою мы будем все время вместе. Мы вместе победим, а если придется умереть, то мы умрем тоже вместе».

После этого капитан Енакиев приказал по телефону первому взводу своей батареи немедленно сняться с позиции и, не теряя ни секунды, передвинуться вперед, сколько можно будет — на грузовиках, а дальше — на руках, вплоть до ротных порядков. Второму взводу он приказал все время стрелять, прикрывая открытые фланги ударной роты капитана Ахунбаева.

И тут же он вспомнил, что Ваня был в первом взводе. В первую секунду он хотел отменить свое приказание и выбросить вперед второй взвод, а первый оставить на месте и прикрывать фланги. Он уже протянул руку к телефонной трубке, но вдруг решительно повернулся и, поручив ведение огня старшему офицеру, стал пробираться с двумя телефонистами и двумя разведчиками на командный пункт Ахунбаева.

Часть пути они прошли пригибаясь, а часть пришлось ползти, так как местность была ровная и откуда-то по ним уже несколько раз начинал бить пулемет.

Командный пункт Ахунбаева представлял собою место посреди пустынного картофельного поля — здесь всюду были картофельные поля, — за двумя большими кучами картофельной ботвы, почерневшей от дождей.

Но капитана Ахунбаева здесь уже не было. Он

ушел вперед с ротой резерва, оставив на месте связного и телефониста.

Енакиев был поражен быстротой, с которой действовал Ахунбаев. Теперь обстановка уже не казалась ему такой трудной. Конечно, вести встречный бой двумя ротами против батальона было нелегко. Но такой страстный, напористый, а главное, безумно храбрый офицер, как Ахунбаев, один стоил доброй роты. Кроме того, в точности еще не была известна судьба тех двух рот, которые пошли во фланг. Последние сведения были, что они окружены. Потом связь прекратилась. Но вполне возможно, что они вырвутся и ударят на немцев с тыла. И это решит исход боя.

Послав разведчиков встретить взвод и провести пушки по самой короткой и наиболее скрытой дороге в расположение пехоты, капитан Енакиев лег за кучей ботвы, разложил карту и стал поджидать капитана Ахунбаева, чтобы вместе с ним решить, как надо действовать.

Между тем Ваня вместе со своим расчетом мчался на грузовике к месту, назначенному капитаном Енакиевым. За ними едва поспевал грузовик второго орудия. Оба грузовика мчались сломя голову. И все-таки сержант Матвеев, который, по своему обыкновению, ехал стоя, то и дело стучал прикладом автомата в кабину водителя, крича:

— Ну что же ты, Костя! Давай нажимай! Давай, давай, давай!

Орудие, прицепленное вместе со своим передком к грузовику, моталось и подскакивало, как игрушечное. Солдат на повороте валяло. Они стучались шлемами, хватались друг за друга руками. Но никто при этом не смеялся. Не слышно было

также и шуток, столь обычных в подобных случаях.

Лица у всех были грубые, неподвижные, словно вырубленные из дерева. А зеленые шлемы, надвинутые глубоко на глаза, при свете темного ветреного утра казались почти черными.

Ваня не знал, куда их везут. Они так быстро снялись, что мальчик не успел ни у кого спросить. Он только понимал, что их бросают в бой, который уже начался, и что в этом бою они будут действовать как-то необычно, не так, как всегда.

Подчиняясь общему настроению сурового и нетерпеливого ожидания, Ваня сидел, крепко вцепившись одной рукой в скамейку, а другой все время ощупывая в кармане дистанционный ключ.

Его рот был плотно сжат, глаза серьезно и вопросительно смотрели по сторонам, а маленькое лицо, казавшееся под большим шлемом еще меньше и тоньше, так же как и у других солдат, было как бы вырезано из дерева.

Проехав не более двух километров без дороги, по вспаханным полям и огородам, машины спустились в низину, где навстречу им выбежал высокий солдат, еще издали делая поднятыми над головой руками какие-то знаки.

Передний грузовик немного замедлил ход, и солдат вскочил на подножку.

— Давай, давай! — быстро сказал он водителю, показывая громадной черной рукой направление. — Давай полный, не останавливайся. Надо быстро проскочить через вон эту высотку. Видишь? Там он из миномета достает.

Водитель резким рывком переставил рычаги, радиатор окутался паром, и машина с натужливым, ноющим звуком полезла в гору.

— Ну, как там дело? — спросил сержант Матвеев солдата, который продолжал стоять на подножке и показывать дорогу.

— У него там целый батальон против наших двух рот. Жара! Пехота огонька просит.

— А пехота чья?

— Ахунбаевская.

Сержант Матвеев с удовлетворением кивнул головой:

— Сейчас дадим.

Ваня посмотрел на солдата и узнал в нем Биденко.

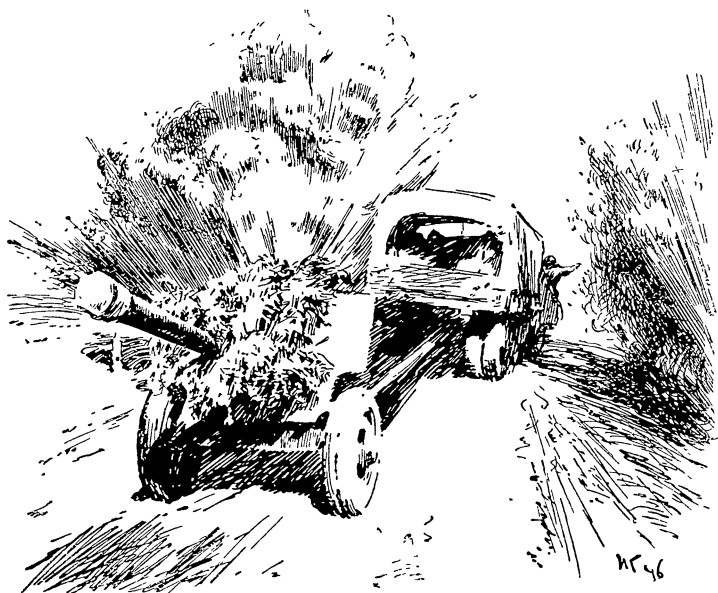
— Дяденька Биденко! — радостно закричал он. — Глядите, я тоже тут. Шестым номером стою. У меня и ключ специальный есть, чтобы трубки ставить. Во, ключ!

Мальчик вытащил из кармана дистанционный ключ. Но Биденко не заметил Ваню. Как раз в это самое время грузовик выскочил на опасную высоту. Теперь он мчался с предельной скоростью. А водитель все жал и жал, ругаясь сквозь зубы и яростно дергая рычаги.

Четыре мины почти одновременно разорвались вокруг грузовика. За стуком ящиков с патронами, за воем мотора, за гроыханием орудия, мотающегося сзади по рытвинам и колдобинам, мальчик не услышал ни их полета, ни их разрыва. Он только вдруг увидел черный сноп земли, выброшенной вверх из картофельной грядки. Он почувствовал, как его толкнуло воздухом.

Все же эти четыре мины разорвались недостаточно близко, чтобы причинить какой-нибудь вред. В следующую минуту грузовик проскочил опасное место. Теперь он быстро спускался под гору, в то время как позади весь гребень высоты уже был покрыт бурыми облаками взрывов.

— Ну, теперь будет кидать по пустому месту до вечера! — презрительно заметил Матвеев и потрогал свои щегольские усики и свои полубочки, как бы желая убедиться, что они находятся на своем месте и не пострадали от обстрела.

— Стоп, — сказал Биденко.

Машина круто развернулась, так что орудие оказалось дулом к неприятелю, и остановилась. Номера соскочили на землю и стали снимать пушку с передка. И Биденко заметил Ваню.

— А, пастушок, друг милый! И ты здесь?

Он схватил мальчика своими могучими руками, снял его с высокого грузовика и поставил на землю.

— Во, дядя Биденко, глядите! — возбужденно сказал Ваня, показывая разведчику дистанционный ключ.

— Ишь ты, какой стал завзятый орудиец!

Биденко смотрел на мальчика радостно и вместе с тем несколько ревниво, стараясь разглядеть, какие улучшения и усовершенствования ввели орудийцы во внешний вид его бывшего воспитанника. Усовершенствование было одно: орудийцы надели на мальчика шлем. Это еще больше приблизило Ваню к бывалому солдату. В остальном же все было попрежнему. Правда, обмундирование Вани уже не имело прежнего ослепительно-нового вида. Оно обмялось, потерялось. На сапогах сделались толстые складки. Голенища осели. Рукав шинели в одном месте был промаслен орудийным салом.

Биденко в глубине души все это даже нравилось. Это придавало его любимцу еще более боевой вид.

Но все же он не удержался, чтобы не сказать ворчливо:

— А обтрепался весь, вывалялся... Срам смотреть.

— Я, дяденька, не виноват. Иной раз приходится раздеваться ночевать возле орудия, прямо на земле.

— Возле орудия! — с горечью сказал Биденко. — Небось, у нас чище ходил. Все-таки надо аккуратнее носить казенное обмундирование.

Ваня понимал, что Биденко это говорит только так, лишь бы поворчать. Он видел, что Биденко его попрежнему любит. Его сердце сразу согрелось, и ему захотелось рассказать Биденко все радостные и важные события, которые произошли с ним за последнее время: что он уже один раз

сам выпалил из пушки, что вчера его поставили шестым номером, что капитан Енакиев, кажется, принимает его к себе сыном...

Ему хотелось расспросить разведчика о Горбунове, узнать, что у них слышно хорошенького, какие есть новые трофеи.

Но ничего этого сказать он не успел. Вокруг шел бой. Много разговаривать не приходилось.

Как только пушки были сняты с передков и ящики с патронами выгружены — а это сделалось не более чем за полторы минуты, — сержант Матвеев подал новую, еще ни разу не слышанную Ваней команду:

— На колеса!

25

Номера тотчас окружили пушку, подняли хобот, навалились на колеса — по два человека на каждое колесо, — пристегнули лямки к колпакам колес, крикнули, ухнули и довольно быстро показали орудие по тому направлению, которое показывал знаками бежавший впереди Биденко.

Остальные солдаты схватили ящики с патронами и потащили их волоком следом за пушкой.

Мальчику никто ничего не сказал. Он сам понял, что ему надо делать. Он взялся за толстую веревочную ручку ящика и попытался его потащить. Но ящик был слишком тяжел. Тогда Ваня, недолго думая, отбил дистанционным ключом крышку, положил себе на плечи по длинному, густо смазанному салом патрону и побежал, приседая от тяжести, за остальными.

Когда он прибежал, орудие уже стояло возле большой кучи картофельной ботвы и было готово к бою. Недалеко находилось и другое орудие.

Капитан Енакиев тоже был здесь.

Ваня никогда еще не видел его в таком положении. Он лежал на земле, как простой солдат, в шлеме, раскинув ноги и твердо вдавив в землю локти. Он смотрел в бинокль.

Рядом с ним, облокотившись на автомат, полулежал капитан Ахунбаев в пестрой плащ-палатке, туго завязанной на шее тесемочками. Возле него на земле лежала сложенная, как салфетка, карта. Ваня заметил на ней две толстые красные стрелы, направленные в одну точку.

Тут же лежали еще два человека: наводчик Ковалев и наводчик второго орудия, фамилии которого Ваня еще не знал. Они оба смотрели в том же направлении, куда смотрел и командир батареи.

— Хорошо видите? — спросил капитан Енакиев.

— Так точно, — ответили оба наводчика.

— По-вашему, сколько метров до цели?

— Метров семьсот будет.

— Правильно. Семьсот тридцать пять. Туда и давайте.

— Слушаюсь.

— Наводить точно. Стрелять быстро. Темпа не терять. От пехоты не отрываться. Особой команды не будет.

Капитан Енакиев говорил жестко, коротко, каждую фразу отбивая точкой, словно гвоздь вбивал. Ахунбаев на каждой точке одобрительно кивал головой и улыбался совсем невеселой, странной, зловеще остановившейся улыбкой, показывая свои тесные сверкающие зубы.

— Открывать огонь сразу, по общему сигналу, — сказал капитан Енакиев.

— Одна красная ракета, — нетерпеливо ска-

зал Ахунбаев, запихивая карту в полевую сумку. — Я сам пушу. Следите.

— Слушаюсь.

Ахунбаев вставил в металлическую петельку полевой сумки наконечник ремешка и с силой его дернул.

— Пошел! — решительно сказал он и, не прощавшись, широкими шагами побежал вперед, туда, откуда слышалась все учащавшаяся ружейная стрельба.

— Вопросов нет? — спросил капитан Енакиев наводчиков.

— Никак нет.

— По орудиям!

И оба наводчика поползли каждый к своему орудию. Тут только Ваня заметил, что все люди, которые были вокруг — а их было довольно много: и батарейцы, и пехотинцы, и две девушки-санитарки со своими сумками, и несколько телефонистов с кожаными ящиками и железными катушками, и один раненый с забинтованной рукой и головой, — все эти люди лежали на земле, а если им нужно было передвинуться на другое место, то они ползли.

Кроме того, Ваня заметил, что иногда в воздухе раздается звук, похожий на чистое, звонкое чириканье какой-то птички. Теперь ему стало ясно: посвистывают шальные пули. Тогда он понял, что находится где-то совсем близко от пехотной цепи. И сейчас же он увидел эту пехотную цепь. Она была совсем рядом.

Ваня давно уже видел впереди, посредине картофельного поля, ряд холмиков, которые казались ему кучками картофельной ботвы. Теперь он ясно увидел, что именно это и есть пехотная цепь. А за нею уже никого своих нет, а только немцы.

Тогда он, осторожно пригибаясь, подошел к орудию, поставил снаряды на землю и лег на свое место шестого номера, возле откупоренного ящика.

Ване казалось, что все то, что делалось в этот день вокруг него, делается необыкновенно, томительно медленно. В действительности же все делалось со сказочной быстротой.

Не успел Ваня подумать, что было бы очень хорошо как-нибудь обратить на себя внимание капитана Енакиева, улыбнуться ему, показать дистанционный ключ, сказать: «Здравия желаю, товарищ капитан» — словом, дать ему понять, что он тоже здесь вместе со своим оружием и что он так же, как и все солдаты, воюет, — как впереди хлопнул слабый выстрел и взлетела красная ракета.

— По наступающим немецким цепям прямой наводкой — огонь! — коротко, резко, властно крикнул капитан Енакиев, вскакивая во весь рост.

— Огонь! — закричал сержант Матвеев.

И в этот же самый миг, или даже, как показалось, немного раньше, ударили обе пушки. И тотчас они ударили еще раз, а потом еще и еще и еще. Они били подряд без остановки. Звуки выстрелов смешивались со звуками разрывов.

Непрерывный звенящий гул стоял, как стена, вокруг орудий. Едкий, душный запах пороховых газов заставлял слезиться глаза, как горчица. Даже во рту Ваня чувствовал его кислый металлический вкус.

Дымящиеся гильзы одна за другой выскакивали из канала ствола, ударялись в землю, подпрыгивали и переворачивались. Но их уже никто не подбирал. Их просто отбрасывали ногами.

Ваня не успевал вынимать патроны из укупорки и сдирать с них колпачки.

Ковалев всегда работал быстро. Но сейчас каждое его движение было мгновенным и неуловимым, как молния. Не отрываясь от панорамы, Ковалев стремительно крутил подъемный и поворотный механизмы одновременно обеими руками, иногда в разные стороны. То и дело, закусив съеденными зубами усы, он коротко, злобно рвал спусковой шнур. И тогда пушка опять и опять судорожно дергалась и окутывалась прозрачным пороховым газом.

А капитан Енакиев стоял рядом с Ковалевым по другую сторону орудийного колеса и пристально следил в бинокль за разрывами своих снарядов. Иногда, чтобы лучше видеть, он отходил в сторону, иногда бежал вперед и ложился на землю. Один раз он даже с необыкновенной легкостью взобрался на кучу ботвы и некоторое время стоял во весь рост, несмотря на то что несколько мин разорвались поблизости и Ваня слышал, как один осколок резко щелкнул по щиту пушки.

— Вот-вот. Хорошо. Еще разик, — нетерпеливо говорил капитан Енакиев, снова возвращаясь к пушке и что-то показывая Ковалеву рукой. — А теперь правей два деления. Видишь, там у них миномет. Давай туда. Три штучки. Огонь!

Пушка снова судорожно дергалась. А капитан Енакиев, не отрываясь от бинокля, быстро приговаривал:

— Так-так-так. Молодец, Василий Иванович, угодил в самую ямку. Замолчал, мерзавец. А теперь, пожалуйста, опять по пехоте. Ага, черти! Прижались к земле, не могут головы поднять. Дай им еще, Василий Иванович.

Один раз, при особенно удачном выстреле, капитан Енакиев даже захохотал, бросил бинокль и похлопал в ладоши.

Никогда еще Ваня не видел своего капитана таким быстрым, оживленным, молодым. Он всегда им гордился, как солдат гордится своим командиром. Но сейчас к этой солдатской гордости примешивалась другая гордость — гордость сына за своего отца.

Вдруг капитан Енакиев поднял руку, и обе пушки замолчали. Тогда Ваня услышал торопливую, захлебывающуюся скороговорку по крайней мере десяти пулеметов, собранных в одном месте. Звук был такой, что мальчика мороз подрал по коже. Он не понимал, хорошо это или плохо. Но когда он посмотрел на капитана Енакиева, то сразу понял, что это очень хорошо, просто отлично!

Впоследствии мальчик узнал от солдат, что это были двенадцать пулеметов Ахунбаева. Они были спрятаны и молчали до тех пор, пока немцы не подошли совсем близко. Тогда они внезапно и все разом открыли огонь.

— Ага, бегут, — сказал капитан Енакиев. — А ну-ка, по отступающим немецким цепям — шрапнелью! Прицел тридцать пять, трубка тридцать пять. Огонь! — закричал он, и тогда пушки выстрелили каждая шесть раз; он снова легким движением руки остановил огонь.

Пулеметы продолжали заливаться, но теперь, кроме их машинного, обгоняющего друг друга звука, слышался уже знакомый звук многих человеческих голосов, кричавших в разных концах поля: «Ура-а-а-а!..»

— Вперед! — сказал капитан Енакиев и, не оглядываясь, побежал вперед.

— На колеса! — крикнул сержант Матвеев, у которого по щеке текла кровь.

И пушки снова покатались вперед. Теперь они катились еще быстрее. Навстречу им выбегали

разгоряченные боем пехотинцы и с громкими, азартными криками помогали артиллеристам толкать спицы колес. Другие несли или волокли ящики с патронами.

Между тем капитан Ахунбаев продолжал гнать немцев, не давая им залечь и окопаться. Двенадцать пулеметов были не единственным сюрпризом, приготовленным Ахунбаевым. Он держал в запасе минометную батарею, которая тоже была надежно укрыта и не сделала еще ни одного выстрела.

Теперь, пока пушки были на ходу и не могли стрелять, настала очередь минометной батареи. Она сразу, сосредоточенным веером обрушилась на бегущих немцев. Немцы бежали так быстро, что преследующая их пехота, а вместе с нею и пушки долго не могли остановиться.

Не сделав ни одной остановки, пушки Енакиева продвинулись до середины возвышенности, откуда до основных немецких позиций было рукой подать. Здесь немцам удалось зацепиться за длинный ров огорода. Они стали окапываться. Но в это время подоспели пушки. Бой разгорелся с новой силой.

Теперь пушки стояли среди стрелковых ячеек. Справа и слева Ваня видел лежащих на земле и стреляющих пехотинцев. Он видел раздатчиков патронов, которые быстро бежали и падали позади стрелков, волоча за собой цинковые ящики. Ваня слышал крики офицеров, командующих залпами.

Вся земля была вокруг изрыта дымящимися воронками. Всюду валялись стреляные пулеметные ленты с железными гильзами, раздавленные немецкие фляжки, обрывки кожаного снаряжения с тяжелыми цинковыми крючками и пряжками, неразорвавшиеся хорошенькие мины, порванные в

ключья немецкие плащ-палатки, окровавленные тряпки, фотокарточки, открытки и множество того зловещего мусора, который всегда покрывает поле боя.

Несколько немецких трупов в тесных землесто-зеленых мундирах и больших серых резиновых сапогах валялось недалеко от пушек.

Сначала Ване показалось, что здесь они про-стоят долго.

Но, видя, что атака захлебывается, капитан Ахунбаев выложил свой третий и последний козырь: это был свежий, еще совсем нетронутый взвод, который капитан Ахунбаев приберег на самый крайний случай. Он подвел его скрытно, с необыкновенной быстротой и мастерством развернул и лично повел в атаку мимо орудия Енакиева — на самый центр немцев, не успевших еще как следует окопаться.

Это была минута торжества. Но она пролетела так же стремительно, как и все, что делалось вокруг Вани в это утро.

Едва орудийный расчет взялся за лопаты, чтобы поскорее закрепиться на новой позиции, как Ваня заметил, что вдруг все вокруг изменилось как-то к худшему. Что-то очень опасное, даже зловещее показалось мальчику в этой тишине, которая наступила после грохота боя.

Капитан Енакиев стоял, прислонившись к орудийному щиту, и, прищурившись, смотрел вдаль. Ваня еще никогда не видел на его лице такого мрачного выражения.

Ковалев стоял рядом и показывал рукой вперед. Они негромко между собой переговаривались. Ваня прислушался. Ему показалось, что они играют в какую-то игру-считалку.

— Один, два, три, — говорил Ковалев.

— Четыре, пять, — продолжал капитан Енакиев.

— Шесть, — сказал Ковалев.

Ваня посмотрел туда, куда смотрели командир и наводчик. Он увидел мутный, зловещий горизонт и над ним несколько высоких остроконечных крыш, несколько старых деревьев и силуэт головатой железнодорожной водокачки. Больше он ничего не увидел.

В это время подошел капитан Ахунбаев. Его лицо было горячим, красным. Оно казалось еще более широким, чем всегда. Пот, черный от копоти, струился по его щекам и капал с подбородка, блестящего, как помидор. Он утирал его краем плащ-палатки.

— Пять танков, — сказал он, переводя дух. — Направление на водокачку. Дальность три тысячи метров.

— Шесть, — поправил капитан Енакиев. — Расстояние две тысячи восемьсот.

— Возможно, — сказал Ахунбаев.

Капитан Енакиев посмотрел в бинокль и заметил:

— В сопровождении пехоты.

Капитан Ахунбаев нетерпеливо взял из его рук бинокль и тоже посмотрел. Он смотрел довольно долго, водя биноклем по горизонту. Наконец он вернул бинокль.

— До двух рот пехоты, — сказал Ахунбаев.

— Приблизительно так, — сказал капитан Енакиев. — Сколько у вас осталось штыков?

Ахунбаев не ответил на этот вопрос прямо.

— Большие потери, — с раздражением сказал он, перевязал на шее тесемочки плащ-палатки, подтянул осевшие голенища сапог и широкими шагами побежал вперед, размахивая автоматом.

Как ни тихо велся этот разговор, но в тот же миг слово «танки» облетело оба орудия.

Солдаты, не сговариваясь, стали копать быстрее, а пятые и шестые номера стали поспешно выбирать из ящиков и складывать отдельно бронебойные патроны. Твердо помня свое место в бою, Ваня бросился к патронам.

И в это время капитан Енакиев заметил мальчика.

— Как! Ты здесь? — сказал он. — Что ты здесь делаешь?

Ваня тотчас остановился и вытянулся в струнку.

— Шестой номер при первом орудии, товарищ капитан, — расторопно доложил он, прикладывая руку к шлему, ремешок которого никак не затягивался на подбородке, а болтался свободно.

Тут, надо признаться, мальчик немножко лукавил. Он не был шестым номером. Он только был запасным при шестом номере. Но ему так хотелось быть шестым номером, ему так хотелось предстать в наиболее выгодном свете перед своим капитаном и названным отцом, что он невольно покривил душой.

Он стоял навтыяжку перед Енакиевым, глядя на него широко раскрытыми синими глазами, в которых светилось счастье, оттого что командир батареи наконец его заметил.

Ему хотелось рассказать капитану, как он переносил за пушкой патроны, как он снимал колпачки, как недалеко упала мина, а он не испугался. Он хотел рассказать ему все, получить одобрение, услышать веселое солдатское слово: «Силён!»

Но в эту минуту капитан Енакиев не был расположен вступить с ним в беседу.

— Ты что — с ума сошел? — сказал капитан Енакиев испуганно.

Ему хотелось крикнуть: «Ты что — не понимаешь? На нас идут танки. Дурачок, тебя же здесь наверняка убьют. Беги!» Но он сдержался. Строго нахмурился и сказал отрывисто, сквозь зубы:

— Сейчас же отсюда уходи.

— Куда? — сказал Ваня.

— Назад. На батарею. Во второй взвод. К разведчикам: Куда хочешь. Чтоб я тебя здесь не видел!

Ваня посмотрел в глаза капитану Енакиеву и понял все. Губы его дрогнули. Он вытянулся еще сильнее.

— Никак нет, — сказал он.

— Что? — с удивлением переспросил капитан Енакиев.

— Никак нет, — повторил мальчик упрямо и опустил глаза в землю.

— Я тебе приказываю, слышишь? — тихо сказал капитан Енакиев.

— Никак нет, — сказал Ваня с таким напряжением в голосе, что даже слезы показались у него на ресницах.

И тут капитан Енакиев в один миг понял все, что происходило в душе у этого маленького человека, его солдата и его сына. Он понял, что спорить с мальчиком не имеет смысла, бесполезно, а главное — уже нет времени.

Чуть заметная улыбка, молодая, озорная, хитрая, скользнула по его губам. Он вынул из полевой сумки листик серой бумаги для донесений, приложил его к орудиному щиту и быстро написал химическим карандашом несколько слов. Затем он вложил листик в небольшой серый конвертик и заклеил.

— Красноармеец Солнцев! — сказал он так громко, чтобы услышали все.

Ваня подошел строевым шагом и стукнул каблуками.

— Я, товарищ капитан.

— Боевое задание. Немедленно доставьте этот пакет на командный пункт дивизиона, начальнику штаба. Понятно?

— Так точно.

— Повторите.

— Приказано немедленно доставить пакет на командный пункт дивизиона, начальнику штаба, — автоматически повторил Ваня.

— Правильно.

Капитан Енакиев протянул конверт. Так же автоматически Ваня взял его. Расстегнул шинель и глубоко засунул пакет в карман гимнастерки.

— Разрешите итти?

Капитан Енакиев молчал, прислушиваясь к отдаленному шуму моторов. Вдруг он быстро повернулся и коротко бросил:

— Ну? Что же вы? Ступайте!

Но Ваня продолжал стоять навтыяжку, не в силах отвести сияющих глаз от своего капитана.

— Что же ты? Ну? — ласково сказал капитан Енакиев. Он притянул к себе мальчика и вдруг быстро, почти порывисто прижал его к груди. — Выполний, сынок, — сказал он и слегка оттолкнул Ваню от себя небольшой рукой в потертой замшевой перчатке.

Ваня повернулся через левое плечо, поправил шлем и, не оглядываясь, побежал. Не успел он пробежать и ста метров, как услышал за собой орудейные выстрелы. Это били по танкам пушки капитана Енакиева.

Когда Ваня, трудно дыша и обливаясь потом, добежал до артиллерийских позиций и наконец разыскал командный пункт дивизиона, на той высоте, где он оставил капитана Енакиева, уже давно кипел бой.

Вся высота была сплошь покрыта смешавшимися клубами белого, черного и серого дыма, тугого и кудрявого, как новая овчина.

В дыму мигали молнии взрывов. Земля вздрагивала. Воздух ходил над полем, как будто все время где-то распахивали и запахивали огромные ворота.

И десятки снарядов наших ближних и дальних батарей каждый миг проносились над головой по направлению к этой высоте.

Не глядя на Ваню, начальник штаба взял пакет, прочитал, нахмурился, сказал:

— Да. Я уже знаю.

И положил пакет в папку боевых донесений.

— Идите!

Ваня вышел из штабного блиндажа и побежал назад. Только теперь он заметил, что бой идет не только на той высоте, где находился капитан Енакиев.

Теперь бой уже шел по всему фронту, медленно перемещаясь на запад.

Ваня бежал, а мимо него, обгоняя, проносились грузовики мотомеханизированной пехоты; танки косо переваливались через глубокие канавы, как утки; на вид медленно, а на самом деле быстро двигались, скрежеща гусеницами, самоходные пушки; бежали со своими палками и катушками телефонисты, наращивая линии; ехал на прыгающем «виллисе» генерал в высокой дымчатой папа-

хе с красным верхом, держа перед глазами карту, развернутую, как газета.

Словом, все вокруг перемещалось, все было в движении, все торопилось вперед.

Ваня с трудом узнавал знакомую местность, которая, казалось, тоже переменялась, стала какой-то чужой, странной. Ваня не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он оставил свое оружие. Ему казалось, что прошло несколько минут. На самом деле прошло несколько часов. Он думал, что на высоте продолжается бой, и очень торопился.

Он не знал, что там уже давно все кончено: танки уничтожены, атака отбита, взятая высота закреплена, а то место, где стояли пушки, уже находится почти в тылу. И тем более он не знал, как это все случилось. Он не знал, что две пушки капитана Енакиева и остатки батальона Ахунбаева, расстреляв все патроны, в течение сорока минут отбивались от окруживших их немцев ручными гранатами, а когда не стало гранат, то они дрались штыками, лопатами, чем попало. Но так как немцы продолжали наседавать, то капитан Енакиев позвонил в дивизион и вызвал огонь батарей дивизиона на себя.

Ничего этого Ваня не знал. Но необъяснимая тревога мало-помалу охватила его душу, когда он стал приближаться к знакомому месту.

Впрочем, это место тоже теперь было незнакомым. Ваня с трудом узнавал его.

Вот позиция, откуда они первый раз стреляли прямой наводкой. Ваня узнал ее только по куче картофельной ботвы, немного сбитой набок, когда на нее взбирался капитан Енакиев. Возле этой кучи раньше лежал пустой расколовшийся ящик от патронов. Он и сейчас лежал здесь. Но теперь

из него кто-то неизвестно зачем вынул внутренние перегородки с луночками для патронов и бросил их тут же, на замерзшую землю.

Больше ничего знакомого не было.

Главное, не было тех людей, которые тогда здесь находились и которые-то и делали это место знакомым.

Мальчик пошел дальше.

На том поле, где раньше лежала в цепи пехота Ахунбаева, теперь дымился обугленный грузовик, со всех сторон окруженный взорвавшимися и разлетевшимися орудийными снарядами. И Ваня понял, что это был грузовик, который, наверное, пытался подвезти капитану Енакиеву патроны.

Еще дальше Ваня увидел два разбитых немецких танка, которых тут раньше не было. Из развороченного одного танка торчала нога в серой обгоревшей обмотке и в толстом башмаке, подбитом крепкими стершимися железными гвоздиками. Возле другого танка, с расщепленным орудийным стволом, в воронке валялась какая-то треснувшая склянка, похожая на электрическую лампочку. Из этой склянки медленно вытекала густая прозрачная жидкость, горя неподвижным пламенем — желтым и неярким, как фосфор.

Дальше все поле было изрыто воронками. Большие и маленькие воронки так близко находились одна от другой, что между ними невозможно было найти ровное место, чтобы поставить ногу. Все время приходилось опускаться вниз и подниматься вверх. Ваня прошел по этому полю шагов тридцать и совсем устал.

Горячий пот покрывал его голову под тяжелым шлемом. Тяжелая шинель давила плечи.

Несколько чужих, незнакомых артиллеристов прошли мимо Вани. На спине у одного из них был

зеленый ящик с зеленой антенной, похожей на камышинку с тремя узкими листьями.

Проехал незнакомый артиллерийский капитан на незнакомой рослой вороной кобыле и за ним — незнакомый разведчик с автоматом на шее.

Все вокруг было незнакомым, чужим под этим сумрачным, низким небом, откуда холодный ветер нес первые снежинки.

И вдруг Ваня увидел свою пушку. Она стояла немного накренившись, и вместо одного колеса, которого почему-то не было, ее подпирали ящики от патронов, поставленные один на другой.

Недалеко от пушки стоял грузовик с откинутым бортом, и несколько человек в него что-то осторожно грузили.

С замершим, почти остановившимся сердцем мальчик подошел ближе.

То, что он увидел, было ужасно.

Поле против пушки было покрыто немецкими трупами. Всюду валялись кучи стреляных гильз, пулеметные ленты, растоптанные взрыватели, окровавленные лопаты, вещевые мешки, раздавленные гильзы, порванные письма, документы.

И на лафете знакомой пушки, которая одна среди этого общего уничтожения казалась сравнительно мало пострадавшей, сидел капитан Енакиев, низко свесив голову и руки и боком, всем телом повалившись на открытый затвор.

Ване показалось, что капитан Енакиев спит. Мальчик хотел броситься к нему, но какая-то могучая враждебная сила заставила его остановиться и окаменеть.

Он неподвижно смотрел на капитана Енакиева, и чем больше он на него смотрел, тем больше ужасался тому, что видит.

Вся аккуратная, ладно пригнанная шинель капитана Енакиева была порвана и окровавлена, как будто его рвали собаки. Шлем валялся на земле, и ветер шевелил на голове Енакиева серые волосы, в которые уже набилось немного снега.

Лица капитана Енакиева не было видно, так как оно было опущено слишком низко. Но оттуда все время капала кровь. Ее уже много натекло под лафет — целая лужа.

Руки капитана Енакиева были почему-то без перчаток. Одна рука виднелась особенно хорошо. Она была совершенно белая, с совершенно белыми пальцами и голубыми ногтями.

Между тем ноги в тонких старых, но хорошо вычищенных сапогах были неестественно вытянуты и, казалось, вот-вот поползут, царапая землю каблуками.

Ваня смотрел на него, знал наверное, что это капитан Енакиев, но не верил, не мог верить, что это был он. Нет, это был совсем другой человек — неподвижный, непонятный, страшный, а главное — чужой, как и все, что было в эту минуту в мире вокруг мальчика.

И вдруг чья-то рука тяжело, но вместе с тем нежно опустилась на Ванин погон. Ваня поднял глаза и увидел Биденко. Разведчик стоял возле него, большой, добрый, родной.

Одна его могучая рука лежала на Ванином плече, а другую руку, толсто забинтованную и перевязанную окровавленной тряпкой, он держал, неумело прижимая к груди, как ребенка.

И вдруг в душе у Вани будто что-то повернулось и открылось. Он бросился к Биденко, обхватил руками его бедра, прижался лицом к его жесткой шинели, от которой пахло пожаром, и слезы сами собой полились из его глаз.

— Дяденька Биденко... дяденька Биденко... — повторял он, вздрагивая всем телом и захлебываясь слезами.

А Биденко, осторожно сняв с него тяжелый шлем, гладил его забинтованной рукой по теплой стриженной голове и смущенно приговаривал:

— Это ничего, пастушок. Это можно. Бывает, что и солдат плачет. Да ведь что поделаешь! На то война.

В кармане убитого капитана Енакиева нашли записку. Он написал ее перед тем, как вызвать ее огонь на себя. Хотя она была написана второпях, но можно было подумать, что капитан Енакиев

писал ее в совершенно спокойной обстановке, у себя в блиндаже. Такая она была аккуратная, четкая, без единой помарки.

А между тем в ту страшную, последнюю минуту, когда он ее писал, вокруг него почти уже никого не осталось.

Капитан Ахунбаев лежал на земле, раскинув из-под плащ-палатки руки. Пуля пробила его широкий упрямый лоб в самой середине. Только что Ковалев сел на землю в такой позе, как будто он хотел снять сапог и перемотать портянку, но вдруг повалился на бок и больше уже не двигался.

Однако капитан Енакиев в своей записке не забыл проставить число, месяц, год и час, когда он ее писал. Он даже обозначил место: «В районе цели номер восемь». Он также, подписав свою фамилию, не забыл поставить точку.

Записка была свернута треугольником иложена в наружный карман гимнастерки, с таким расчетом, чтобы ее легко можно было найти.

В этой записке капитан Енакиев прощался со своей батареей, передавал привет всем своим боевым товарищам и просил командование оказать ему последнюю воинскую почесть — похоронить его не в Германии, а на родной, советской земле.

Кроме того, он просил позаботиться о судьбе своего названного сына Вани Солнцева и сделать из него хорошего солдата, а впоследствии — достойного офицера.

Последняя воля капитана Енакиева была свято выполнена: его похоронили на советской земле.

После того как вьюга замела могилу первым снегом, Ваню Солнцева потребовали на командный пункт полка, к командиру. И Ваня опять услышал

то слово, которое всегда для солдата обозначает перемену судьбы.

Командир артиллерийского полка объявил Ване, что он направляется в Суворовское училище, и сказал:

— Собирайся.

А через четыре дня по широкой ухабистой улице, ведущей от вокзала к центру старинного русского города, шел Ваня Солнцев в сопровождении ефрейтора Биденко.

Они шли не спеша, с тем выражением достоинства и некоторого скрытого недовольства, с которым обычно ходят фронтовики по улицам тылового города, удивляясь тишине и беспорядку его жизни.

Биденко шел налегке, с подвязанной рукой. За спиной у мальчика был зеленый вещевой мешок.

В этом мешке лежало множество нужных и ненужных вещей, которые подарили Ване разведчики и орудейцы, соединенными усилиями собирая своего сына в дальнюю путь-дорогу.

Была в вещевом мешке и знаменитая торба с букварем и компасом. Был кусок превосходного душистого мыла в розовой целлулоидной мыльнице и зубная щетка в зеленом целлулоидном футляре с дырочками. Был зубной порошок, иголки, нитки, сапожная щетка, вакса. Была банка свиной тушонки, мешочек рафинада, спичечная коробочка с солью и другая спичечная коробочка — с заваркой чаю. Была кружка, губная гармоника, трофейная зажигалка, несколько зубчатых осколков и два хороших патрона от немецкого крупнокалиберного пулемета — один с желтым снарядиком, другой с черным снарядиком и красной полоской. Была буханка хлеба, белье и сто рублей денег.

Но, главное, там были тщательно завернутые

в газету «Суворовский натиск», а сверх того, еще и в платок погоны капитана Енакиева, которые на прощанье вручил Ване командир полка на память о капитане Енакиеве и велел их хранить, как зеницу ока, и сберечь до того дня, когда, может быть, и сам Ваня сможет надеть их себе на плечи.

И, отдавая мальчику погоны капитана Енакиева, полковник сказал так:

— Ты был хорошим сыном у своего родного отца с матерью. Ты был хорошим сыном у разведчиков и у орудийцев. Ты был достойным сыном капитана Енакиева — хорошим, храбрым, исполнительным. И теперь весь наш артиллерийский полк считает тебя своим сыном. Помни это. Теперь ты едешь учиться, и я надеюсь, ты не посрамишь своего родного полка. Я уверен, что ты будешь прекрасным воспитанником, а потом прекрасным офицером. Но имей в виду: всегда и везде, прежде всего и после всего ты должен быть верным сыном своей матери-родины и верным сыном лучшего сына этой родины, великого человека — Сталина. Прощай, Ваня Солнцев, и когда ты станешь офицером, возвращайся в свой полк. Мы будем тебя ждать и примем тебя как родного. А теперь — собирайся.

Ваня и Биденко прошли через весь город, заваленный сугробами, и остановились перед большим домом екатерининских времен, с колоннами и арками.

Город в сорок втором году некоторое время находился в руках у немцев, и дом этот в иных местах еще хранил на себе следы пожара.

Узорная чугунная решетка, покрытая инеем, сквозила, как сахарная. Несколько столетних берез росло вокруг дома. Воздушные массы ветвей с темными шапками вороньих гнезд, так же как и

решетка, покрытая инеем, хрупко висели в нежном, розоватом воздухе и казались совершенно голубыми.

Низкое солнце, лишенное лучей, плавало в морозном дыму, как яичный желток, и над старинной пожарной каланчой с выгоревшими стенами летали галки.

Биденко и Ваня прошли через контрольную будку, и в громадных сводчатых сенях Биденко сдал Ваню и пакет с документами дежурному офицеру, а сам сел под толстой аркой на старинный деревянный ларь и принялся ждать.

Он ждал довольно долго. Несколько раз из-под лестницы выходил молодой трубач, смотрел на часы и трубил. Раздирающие звуки трубы оглушительно ревели в этих просторных сенях с каменными толстыми стенами и каменными плитами пола. Они уносились вверх по громадной каменной лестнице с медными перилами, медленно утихали, и только слабое эхо еще долго носилось где-то в глубине здания по коридорам, классам и залам.

Здесь все совершалось по трубе. Труба управляла невидимой жизнью этого дома. Труба вдруг вызывала слитный шум сотен голосов и шарканья сотен ног. Она же вдруг водворяла такую мертвую тишину, что ни одного звука больше не слышалось, кроме шлепанья капли из рукомойника в умывальной и резкого тиканья часов под лестницей. Один раз труба приказала выстроиться невидимой роте, и Биденко слышал, как в тишине где-то строилась эта невидимая рота, рассчитываясь на первый — второй, вздвигала ряды, поворачивалась, а потом быстро прошла, враз отбивая шаг сотней крепких башмаков: «Ать-два, ать-два, ать-два... Лево! лево!»

А один раз на второй площадке лестницы появился маленький рыжий мальчик в черном мундирчике и длинных брюках с красными лампасиками. Судя по тому, как осторожно пробирался этот мальчик, можно было заключить, что труба не велела ему выходить сюда в это время и он это сделал сам по себе, без спросу.

Думая, что он один, мальчик лег животом на перила и с выражением блаженства на курносом веснушчатом лице съехал вниз. Но, вдруг заметив Биденко, страшно смутился, обдернул мундирчик и строевым шагом прошел по каменным потертым плитам, юркнув в боковую дверь.

А Биденко сидел пригорюнившись и гладил свою раненую руку, которая к вечеру стала побаливать. Ему жалко было расставаться с Ваней, потому что он чувствовал, что теперь они расстаются навсегда.

На первой площадке лестницы висела большая, во всю стену, картина. На ней была нарисована белая лестница, похожая на ту, над которой она висела. Нарисованная лестница казалась продолжением настоящей. По сторонам ее были нарисованы старинные пушки, барабаны, знамена и трубы. По ступеням поднимался маленький мальчик в черном мундирчике с красными погонами. Сверху к нему протягивал руку Суворов, в сером солдатском плаще, переброшенном через плечо, в высоких ботфортах со шпорами, с алмазной звездой на груди и с серым хохолком над высоким сухим лбом.

И Биденко представилось, что это его Ваня, его пастушок между труб и знамен шагает вверх по лестнице, а Суворов протягивает ему руку.

Но вот открылась боковая дверь, и в сени вошли дежурный офицер и Ваня. Биденко вскочил

с ларя и вытянулся. Биденко ожидал увидеть Ваню уже в форме Суворовского училища. Но мальчик все еще был в своем армейском обмундировании, хотя без шинели и без чубчика, который уже успели состричь.

— Воспитанник Солнцев, можете проститься с провожатым, — сказал дежурный офицер и отошел в сторону.

Ваня подошел к Биденко. Они некоторое время молчали, не зная, что нужно делать.

В эту минуту в памяти мальчика промелькнула вся его жизнь. И он понял, что эта жизнь навсегда кончилась, а теперь для него начинается другая жизнь, совсем не похожая на прежнюю.

— Прощай, пастушок, — сказал наконец Биденко.

— Счастливого пути, — сказал Ваня.

Ему хотелось броситься к Биденко, обнять его так, как он обнял его тогда, у разбитого орудия в районе цели номер восемь, прижаться лицом к его обгорелой шинели, заплакать. Но та непонятная, могущественная сила, которая уже давно стала управлять его жизнью, остановила его.

Биденко молча протянул ему руку. В первый раз мальчик пожал эту громадную, грубую руку, почувствовав всю ее силу и всю ее нежность. И в это время Биденко не удержался и опять, как тогда в районе цели номер восемь, погладил Ванину стриженую голову своей забинтованной рукой.

— Дядя Биденко, прощайте! — вдруг изо всех сил крикнул Ваня, когда Биденко открывал тяжелую входную дверь с медными прутиками.

Но разведчик, не оглянувшись, вышел на улицу.

А через несколько часов, получив у каптенармуса и примерив форменное обмундирование, с тем чтобы надеть его на другой день с утра, Ваня, исполняя приказание трубы, уже спал вместе с другими воспитанниками в большой теплой комнате, на отдельной кровати, под новеньким байковым одеялом.

У него под подушкой лежали погоны капитана Енакиева.

На рассвете, незадолго перед подъемом, старый генерал, начальник училища, который всегда просыпался раньше всех, обходил, по своему обыкновению, спальни, для того чтобы посмотреть, как спят его мальчики.

Он остановился возле Ваниной койки и долго стоял, рассматривая мальчика. Ваня спал очень глубоким, но беспокойным сном, сбросив с себя одеяло и раскидавшись. По его лицу пробегали отражения снов, которые он видел. Каждую минуту оно меняло выражение.

Душа мальчика, блуждающая в мире сновидений, была так далека от тела, что он не почувствовал, как генерал покрыл его одеялом и поправил подушку.

Генерал смотрел на его одухотворенное спящее лицо, и ему хотелось проникнуть в душу этого маленького солдата, в самую ее глубину, прочесть самые его сокровенные чувства.

Генералу была известна Ванина история во всех подробностях. Знал он, конечно, и то, что в батарею мальчика прозвали пастушком. И это особенно нравилось генералу. Он сам происходил из простой крестьянской семьи. Он любил иногда вспоминать свое детство.

И теперь, глядя на спящего пастушка, генерал — совершенно так, как однажды ефрейтор Биденко — вспомнил свое детство: раннее деревенское утро, коров, туман, разлитый, как молоко, по яркозеленому лугу, разноцветные искры росы — огненно-фиолетовые, синие, красные, желтые — и в руках у себя вспомнил маленькую, вырезанную из бузины дудочку, из которой он выдувал такие тонкие и такие нежные, однообразные и вместе с тем веселые звуки.

Он невольно посмотрел на руку мальчика, выпроставшуюся из-под одеяла. Маленькие пальцы шевелились во сне, как будто перебирали скважины свирели.

И старый боевой генерал, герой гражданской войны, дравшийся под знаменами великого Сталина под Царицыном, под Кронштадтом и под Орлом и сражавшийся во время Великой Отечественной войны под теми же славными знаменами под тем же Орлом и под тем же Царицыном, ставшим уже Сталинградом, — этот мужественный, суровый человек, с седой лысой головой, грубым морщинистым лицом и светлыми бесстрашными глазами, вдруг опустил голову, погладил себя по сивым усам и нежно улыбнулся.

И в это время с лестницы по коридорам и залам прилетел звук трубы, заигравшей подъем.

Ваня тотчас услышал властный, резкий, требовательный голос трубы, но проснулся не сразу. Он еще некоторое время лежал с закрытыми глазами, не будучи в силах сразу вырваться из оцепенения сна.

Тогда генерал наклонился и слегка потянул мальчика за руку.

В то самое время Ване снился последний, пред-

утренний сон. Ему снилось то же самое, что совсем недавно было с ним наяву.

Ване снилась длинная белая дорога, по которой белый грузовик вез тело капитана Енакиева. Вокруг стоял дремучий русский бор, сказочно прекрасный в своем зимнем уборе. Четыре солдата с автоматами на шее стояли по углам гроба, покрытого полковым знаменем. Ваня был пятый, и он стоял в головах.

Была ночь. По всему лесу потрескивал мороз. Верхушки вековых елей, призрачно освещенные звездами, блестели и дымились, словно были натерты фосфором.

Ели, стоявшие по колено в сугробах, были сказочно высоки. По сравнению с ними телеграфные столбы казались маленькими, как спички. Но еще выше было небо, все засыпанное зимними звездами. Особенно прекрасно сверкали звезды впереди, на том черном бархатном треугольнике неба, который соприкасался с белым треугольником бегущей дороги. Там дрожало и переливалось несколько таких крупных и таких чистых созвездий, словно они были выгранены из самых лучших и самых крупных алмазов в мире.

Узкий ледяной луч прожектора иногда скользил по звездам. Но он был не в силах ни погасить, ни даже ослабить их блеск — они играли еще ярче, еще прекраснее.

А вокруг стояла громадная тишина, которая казалась выше елей, выше звезд и даже выше самого черного бездонного неба.

Вдруг какой-то далекий звук раздался в глубине леса. Ваня сразу узнал его: это был резкий, требовательный голос трубы. Труба звала его. И тотчас все волшебным образом изменилось. Ели по сторонам дороги превратились в седые плащи и косма-

тые бурки генералов. Лес превратился в сияющий зал. А дорога превратилась в громадную мраморную лестницу, окруженную пушками, барабанами и трубами.

И Ваня бежал по этой лестнице.

Бежать ему было трудно. Но сверху ему протягивал руку старик в сером солдатском плаще, переброшенном через плечо, в высоких ботфортах со шпорами, с алмазной звездой на груди и с серым хохолком над прекрасным сухим лбом.

Он взял Ваню за руку и повел его по ступенькам еще выше, туда, где на самом верху, осененный рваными боевыми знаменами четырех победоносных войн, стоял Сталин с бриллиантовой маршальской звездой, сверкающей и переливающейся из отворотов его шинели.

Из-под прямого козырька фуражки на Ваню требовательно смотрели немного прищуренные, зоркие, пронизательные глаза. Но под темными усами Ваня увидел суровую отцовскую усмешку, и ему показалось, что Сталин говорит:

— Иди, пастушок... Шагай смелее!

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.*

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

*

Ответственный редактор К. Пискунов.
Художественный редактор П. Суворов.
Технический редактор В. Артамонов.
Корректоры Е. Вильтер и А. Враныч.

*

Подписано к печати 27/VIII 1948 г.
14 п. л. (9,4 уч.-изд. л.). 26500 зн. в п. л.
А 08319.

*

Отпечатано в типографии М-139 и М-313 с матриц
Фабрики детской книги Детгиза. Москва.

Цена 7 р. 10 к.

UNIVERSITY OF
MICHIGAN

LIBRARY

ANN ARBOR

MICHIGAN

UNIVERSITY

LIBRARY

UNIVERSITY OF
MICHIGAN